

Том 11, № 1, 2021

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 1, 2021

**GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)**

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;
Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);
Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;
S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Department
of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute
of Culture; Chairman of Historical and Educational Society
“The Guardian”;
A.N. Arinin, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute
of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma
of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;
A.I. Ilinskij, Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman
of the Faculty of International Economic Relations, Financial
University;
F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia
in Global Affairs”;
I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head
of the Department of State and Municipal Administration of the
International University in Moscow;
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director
of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;
V.V. Fedorov, Cand. Sci. of Political Science, Director General of the
All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific
Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial
University;
V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;
V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma
of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State
Duma Committee on the Federal Structure and Local Government,
Corresponding-member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social
Sciences and Mass Communications, Financial University;
Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Sociology, Head of Department
of Sociology, Financial University;
Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences,
Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial
University;
S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass
Communications, Financial University;
A.N. Zubets, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-
economic Research, Financial University;
V.V. Kaftan, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass
Communications and Media Business, Financial University;
V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department
of Sociology at Moscow State Linguistic University;
D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty
of Social Sciences and Mass Communications for research work,
Financial University;
A.V. Pachkalov, Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department
of Humanitarian Sciences, Financial University;
D.V. Petrosyants, Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center
for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;
M.V. Polevaya, Head of the Department of Psychology and Human
Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research
on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;
S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Department
of Political Sciences, Financial University;
G.G. Sillaste, Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department
of Sociology, Financial University;
K.V. Simonov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor,
Head of Department of Political Science, Financial University;
A.A. Troshin, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master’s degree
and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty,
Financial University

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director
of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);
N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers
of Moscow and of the Interregional Union of Writers’ Organizations (Russia);
T.M. Calvo Martinez, Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy
at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the
International Institute of Philosophy in Paris (Spain);
R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia);
W. McBride, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy
at Purdue University, Honorary President of the International Federation
of Philosophical Societies (USA);
I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute
of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan);

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law
and Politics, University of Tokyo (Japan);
A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member
of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director
of Institute of Philosophy, Academy of Sciences
of Kazakhstan (Kazakhstan);
J.-L. Truel, Doctor of Economics, Associate Professor
at Université Paris-Est Créteil, Managing director
of International Business Development, Vice-President
of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;
C. Wilcox, Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of Government, Georgetown University,
Washington, D.C. U.S.;
Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics
of Transitional Countries, Liaoning University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ПРОТЕСТЫ И ВЛАСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Ерёмин Е.А.</i> Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа	6
<i>Селезнев П.С., Челнокова М.Л.</i> Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности	14
<i>Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А.</i> Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества	20
<i>Асонов Н.В.</i> Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников»	29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Горошникова Т.А.</i> Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или «эконометрика» социологии	37
<i>Замараева Е.И.</i> Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации	43
<i>Панов Е.Г., Скворцова Е.М.</i> Курс «История» в стратегии гуманитарного образования современного университета	49

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аршин К.В.</i> Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию	58
<i>Кисляков А.С.</i> Влияние информационной открытости образовательной организации на адаптацию иностранных обучающихся	66
<i>Салин П.Б.</i> Методологические основы политической социализации обучающихся в Российской Федерации иностранных студентов	72
<i>Иксанов И.С.</i> Об особенностях расширения содержания гражданства в актах Совета Европы и судебных решениях Европейского суда по правам человека	77
<i>Цуй Чжэн, Янг Йеминг.</i> Стратегии развития сельского хозяйства в России	84
<i>Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А.</i> Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора	98
<i>Кармова М.Р.</i> Инновационные технологии обучения иностранному языку на примере студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций	104
<i>Черданцева А.М.</i> Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС	110

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Пачкалов А.В.</i> Еврейские банкиры в Италии в эпоху Возрождения	116
<i>Махаматова С.Т.</i> Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа	120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Февралёв И.Д.</i> Квантификация как форма выработки нормы в политическом дискурсе	128
<i>Бочкаев А.Р.</i> Понятие «серый кардинал» в политическом дискурсе	132
<i>Боровков В.С.</i> Закон о лоббизме в России: pro et contra	136

CONTENTS

COVER STORY: PROTESTS AND POWER: HISTORY AND MODERNITY

- Brodovskaya E.V., Davydova M.A., Eremin E.A.* Prolonged Political Protests in Russia and the Republic of Belarus in Summer-Autumn 2020: Reference of the Russian Social Media Audience 6
- Seleznev P.S., Chelnokova M.L.* Non-systemic Opposition in Modern Russia: Features of Formation and Strategies of Political Activity 14
- Osipova O.S., Bagdasarova R.A., Lukushin V.A.* Modern Media as a Tool for Improving the Dialogue between Government and Society 20
- Asonov N.V.* The Protest Movement of the “Razintes” as a Manifestation of the Ideological and Political Confrontation between the “Westernizers” and the “Samobytniki” 29

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Goroshnikova T.A.* Computational Sociology: A Paradigm Shift or “Econometrics” of Sociology 37
- Zamaraeva E.I.* Socio-Cultural Transformations in the Era of Digitalisation 43
- Panov E.G., Skvortsova E.M.* Course “History” in the Strategy of Humanitarian Education of the Modern University 49

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Arshin K.V.* The Risks of Crisis Migration from Central Asia to Russia 58
- Kislyakov A.S.* The Influence of Information Transparency of Higher Education Organization on the Adaptation of International Students 66
- Salin P.B.* Methodological Foundations of Political Socialisation of International Students Studying in the Russian Federation 72
- Iksakov I.S.* On the Specifics of Expanding the Content of Citizenship in Acts of the Council of Europe and the European Court’s Judicial Decisions of Human Rights 77
- Cui Zheng, Yang Yueming.* The Orientation and Influence of Agricultural Development in Russia 84
- Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A.* Dynamics of the Crimean Discourse in German Online Media: Analysis of the Influence of the Ukrainian Factor 98
- Karmova M.R.* Innovative Technologies of Teaching a Foreign Language on the Example of Students of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications 104
- Cherdantseva A.M.* Digital Technologies in the Regulation of Migration Processes in the EU 110

HISTORICAL EXCURSUS

- Pachkalov A.V.* Jewish Bankers in Italy during the Renaissance 116
- Makhamatova S.T.* Smolny Institute of Noble Maidens as a Socialisation Model of Schoolchildren in Closed Educational Institutions 120

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Fevraleev I.D.* Quantification as a Form of Norm-Making in Political Discourse 128
- Bochkaev A.R.* The Concept of the “Eminence Grise” in Political Discourse 132
- Borovkov V.S.* Law on Lobbying in Russia: Pro et Contra 136

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 1 (49), 2021

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции

по тел.: **8 (499) 943-94-31**,
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 20.01.2021

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 16,8 усл.п. л.

Заказ № 26

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-31**

e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 20.01.2021

Format 60 x 84 1/8.

Size 16,8 printer sheets.

Order № 26

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13
УДК 329(045)

Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа*

Е.В. Бродовская^а, М.А. Давыдова^б, Е.А. Ерёмин^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^{б,с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9666-6493>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты прикладного политического исследования, цель которого заключается в определении масштаба и характера влияния социально-медийной репрезентации пролонгированных политических протестов в Российской Федерации и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 г. на российскую национальную интернет-аудиторию, а именно, на ее референтность в отношении кризисных событий, связанных с процессами делегитимации в Хабаровском крае и в стране – участнице Союзного государства. Реализованный в исследовании киберметрический анализ информационных потоков в социальных медиа позволил выявить гендерные, возрастные, медиалокационные и геолокационные особенности онлайн-репрезентации рассматриваемых кейсов. Посредством применения метода case-study выявлены общие черты, связи и зависимости, а также различия между пролонгированными политическими протестами в Хабаровском крае РФ и в Республике Беларусь. Осуществленный в ходе исследования ивент-анализ позволил зафиксировать ключевые пики роста динамики пользовательской активности вокруг протестов. На этой основе удалось определить триггеры, которые как увеличивали интенсивность протестов, так и повышали интерес к ним в социальных медиа: выборы, непопулярные политические решения, насилие со стороны правоохранительных органов, жертвенность, участие в протестах женщин и пенсионеров.

Ключевые слова: киберметрия; цифровые маркеры; ивент-анализ; социально-медийная предиктивная аналитика; кейс-стади; протесты в Республике Беларусь; протесты в Хабаровске; протестные триггеры; референтность протестов

Для цитирования: Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Ерёмин Е.А. Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13

ORIGINAL PAPER

Prolonged Political Protests in Russia and the Republic of Belarus in Summer-Autumn 2020: Reference of the Russian Social Media Audience**

E.V. Brodovskaya^а, M.A. Davydova^б, E.A. Eremin^с

^а Financial University, Moscow, Russia; Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

^{б,с} Financial University, Moscow, Russia.

^а <http://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9666-6493>

ABSTRACT

The article presents the results of applied political research. Its purpose is the determination of the scale and nature of the impact of social and media representation of prolonged political protests in the Russian Federation and in the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00274), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20–18–00274), National Research University Higher School of Economics.

Republic of Belarus in the summer-autumn of 2020 on the Russian national Internet audience, namely, its reference to the crisis events related to the processes of delegitimation in the Khabarovsk territory and the member state of the Union State. The cybermetric analysis of information flows in social media implemented in the study made it possible to identify gender, age, media location, and geolocation features of the cases' online representation under consideration. By applying the case-study method, we identified common features, connections and dependencies, and differences between prolonged political protests in the Khabarovsk territory of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The event analysis carried out in the course of the study made it possible to record the key growth peaks in user activity dynamics around the protests. On this basis, it was possible to identify triggers that increased the intensity of protests and increased interest to them on social media. Among them, we can distinguish the following: elections, unpopular political decisions, violence by law enforcement agencies, victimhood, participation in protests by women and pensioners. **Keywords:** cybermetry; digital markers; event analysis; social and media predictive analytics; case study; protests in the Republic of Belarus; protests in Khabarovsk; protest triggers; reference of protests

For citation: Brodovskaya E.V., Davydova M.A., Eremin E.A. Prolonged political protests in Russia and the Republic of Belarus in summer-autumn 2020: Reference of the Russian social media audience. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-6-13

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2020 г. стал периодом, наполненным протестной мобилизацией и расширением географии практик пролонгированных протестов: BLM в США, антирежимные выступления в Республике Беларусь, акции в поддержку отрешенного от своего поста губернатора Хабаровского края в России и др. В основании пролонгированного характера протестов лежит несколько причин.

Во-первых, развертывание массовых политических протестов сразу в двух пространствах — онлайн и офлайн — обеспечивает воспроизводство протестной волны без явной зависимости от настроений со стороны гражданских и политических лидеров. Во-вторых, чем более ригидно политическая система реагирует на требования общества, тем более затяжной характер приобретают политические протесты. В-третьих, имеет значение уровень референтности к повестке протеста у той части общества, которая напрямую не вовлечена в массовые действия: чем он выше, тем больше вероятность наступления пролонгированной протестной волны.

В условиях цифровой эпохи массовые политические протесты в одной точке мира вполне могут становиться референтными и актуализирующими протестный потенциал граждан — в другой. На этот эффект отчасти опирается волновой и пролонгированный характер политических протестов в современных обществах — членах «сетевого клуба». С этой точки зрения внутрироссийские протесты в Хабаровске и протесты в Республике Беларусь (лето-осень 2020 г.), с которой Россия граничит, могут рассматриваться как способные оказывать влияние на формирование установок протестной активности у части национальной

интернет-аудитории. При этом рискогенность обозначенной ситуации заключается в том, что снижение динамики информационных потоков, сложившихся в социальных медиа вокруг событий в Хабаровске и в Республике Беларусь, не ведет к лимитированию роста протестного потенциала у российский пользователей.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую основу исследования составляют труды и научные положения отечественных и зарубежных ученых, выраженные в концепциях и теориях: коллективного поведения (Г. Лебон [1]), ценностно-ориентированного подхода «новых общественных движений» (К. Оффе [2]), сетевого взаимодействия (М. Кастельс [3]), «умной толпы» (Х. Дженкинс [4]), лидеров мнения (Э. Кац, П. Лазарфельд [5]).

Современные исследования, посвященные теме исследования, можно разделить на несколько групп. Первая группа представлена работами о природе, причинах, динамических, ролевых и иных аспектах политического протеста (А. Коротаев [6], В. Костюшев [7] и др.). Вторая группа включает в себя научные труды, в которых интернет рассматривается как пространство политического протеста (И. Бронников [8], Г. Градосельская [9] и др.). Третья группа — это исследования, авторы которых в прикладном ключе анализируют специфику политических протестов в России (Е. Бродовская, А. Домбровская, Н. Пономарев, В. Шаповалов [10] Р. Пырма [11] и др.). Четвертая группа направлена на выявление технологий мобилизации массового политического протеста в интернет-пространстве (З. Бауман [12],

С. Шомова [13], и др.). Пятая группа посвящена методам и инструментам, позволяющим использовать большие данные при анализе поведения пользователей глобальной сети в социальных медиа (А. Азаров, Е. Бродовская, А. Фильченков [14], Е. Козеренко [15] и др.).

Методология исследования базируется преимущественно на новом для политической науки подходе — Predictor Mining [16], возникшем на пересечении интеллектуального анализа данных (Data Mining) и социального компьютеринга (Social Computing). Посредством использования методов автоматического извлечения закономерностей из больших объемов данных для анализа и прогнозирования политических протестов и их динамики Predictor Mining способствует развитию нового теоретического и прикладного инструментария исследования протестного поведения онлайн. Ядром такого инструментария являются автоматически и автоматизированно выявленные маркеры массового протестного поведения интернет-пользователей в России и в других странах. Перспективы исследования также связаны с разработкой, тестированием и применением специализированного программного обеспечения, позволяющего осуществлять количественный анализ информационных потоков, создаваемых пользователями глобальной сети.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стратегия прикладного исследования носит гибридный характер, основывается на сочетании количественных и качественных методов, примененных для анализа массового политического протеста в реальной и виртуальной средах.

Эмпирическая модель построена на триангуляции методов и процедур прикладного исследования и включает в себя: 1) когнитивное картирование; 2) автоматизированный киберметрический анализ информационных потоков, релевантных теме исследования; 3) ивент-анализ; 4) сравнительный анализ.

Для понимания особенностей пролонгированных политических протестов мы следовали логике и принципам социально-медийной предиктивной аналитики. Первый этап исследования включал в себя проведение когнитивного картирования информационных потоков исследуемых кейсов. На этой основе был отобран пул релевантных теме исследования пабликов и аккаунтов, сформирован словарь поисковых запросов на русском и белорусском языках. На втором этапе

исследования, благодаря применению интернет-сервиса автоматизированного мониторинга социальных медиа, был получен набор данных (датасет) объемом более 850 тыс. сообщений пользователей, вовлеченных в информационные потоки. При этом в Белорусском кейсе анализировался период с 09.08.2020 по 28.10.2020 г., в Хабаровском кейсе — с 09.07.2020 по 28.10.2020 г. Сформированный датасет отражает результаты анализа 30 основных социальных сетей, блогов и микроблогов. Третий этап исследования был связан с применением ивент-анализа, без которого сложно расшифровать динамику информационного потока. В ходе реализации ивент-анализа использовались данные, полученные посредством применения Google-trends, а также публикации в социальных сетях, как в текстовом, так и видео форматах.

Программное обеспечение, примененное для решения исследовательских задач: IQBuzz — онлайн-сервис мониторинга социальных медиа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы сосредоточились на ответе на следующий вопрос: в каком масштабе и каким образом репрезентация событий в Республике Беларусь и в российском Хабаровске отражается на состоянии протестного потенциала пользователей, вовлеченных в социально-медийную повестку.

В Республике Беларусь протестная ситуация актуализировалась в связи с результатами выборов, согласно которым победу одержал действующий президент — Александр Лукашенко. Кроме этого, катализатором массовых акций протеста стал первоначально высокий уровень насилия со стороны правоохранительных органов, что увеличивало поле дискурсов для протестующих и лидеров общественного мнения (например, для альтернативного кандидата с оппозиционной повесткой — Светланы Тихановской). Кроме того, существенная роль в формировании протестной повестки и мобилизации белорусов на массовые акции принадлежит такому информационному ресурсу, как NEXTA.

На основании сопоставления результатов социально-медийного анализа и ивент-анализа мы можем выделить следующие пики активности в ходе протестов в Белоруссии: 10 августа, 13 августа, 17 августа, 23 августа, 7 сентября, 13 сентября, 19 сентября, 27 сентября, 7 октября, 11 октября, 12 октября, 27 октября (см. рисунок).

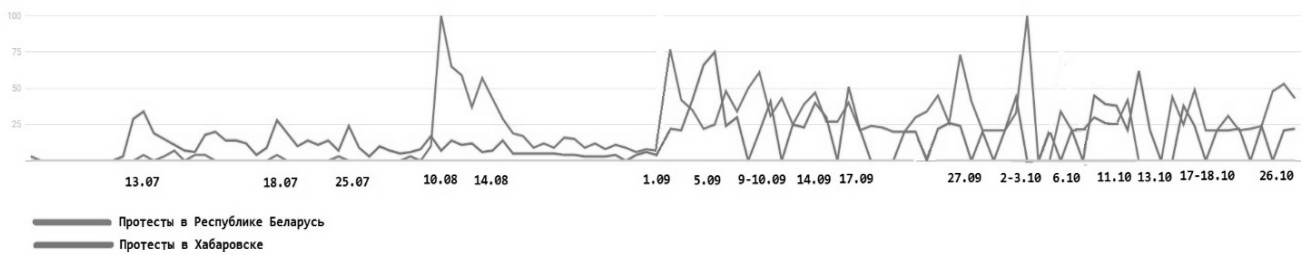

Рис. / Fig. **Динамика информационных потоков о протестах в Республике Беларусь и в Хабаровске / Dynamics of information flows about protests in the Republic of Belarus and Khabarovsk**

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

В данной ситуации пики интереса пользователей к событиям в Республике Беларусь в большинстве случаев связаны с повесткой, которая формировалась оппозиционными политическими силами в социальных медиа.

В информационном социально-медийном потоке, отражающем данные события, преобладает информация о мирных акциях протеста со стороны различных групп населения: протесты после выборов, протесты около резиденции Лукашенко, женские акции солидарности, марш Гордости, марш пенсионеров, национальная забастовка. Основными акторами, которым посвящены сообщения в социальных медиа, чаще всего выступают граждане, вовлеченные в протестные действия. При этом значительно реже объектом сообщений становятся действующие оппозиционные политические силы (среди выраженных пиков интереса пользователей подобная ситуация сложилась только при встрече Светланы Тихановской с канцлером Германии Ангелой Меркель). В свою очередь, в информационном потоке, связанном с проправительственной повесткой, фиксируется преобладание интереса аудитории социальных медиа, прежде всего, к действиям Александра Лукашенко, а также к действиям правоохранительных органов.

Характеризуя технологии мобилизации и демобилизации в социально-медийном пространстве Республики Беларусь, которые удалось выявить в ходе ивент-анализа, можно отметить, что и антиправительственный, и проправительственный информационные потоки наполнены обвинительным дискурсом и противопоставлениями «мы-они». Необходимо отметить, что для проправительственных сообщений в большей степени характерно использование технологий примитивизации и деперсонализации оппонента или оппонентов.

Исследование позволило определить преимущественно реактивный характер связи между онлайн- и офлайн-средами протеста в Республике Беларусь. Такой тип связи предполагает определенную последовательность циркулирования информации: действия офлайн — освещение в социальных медиа — усиление интенсивности протеста офлайн — усиление протестной мобилизации онлайн. Важно подчеркнуть, что при росте интенсивности протеста офлайн реактивная модель заменяется моделью взаимного усиления связи между онлайн- и офлайн-средами: происходит переход от освещения протеста к распространению в социальных медиа дискурса активного нигилизма, направленного на протестную мобилизацию пользователей.

Протестная ситуация в Хабаровском крае сформировалась после ареста губернатора региона Сергея Фургала по делу об убийстве нескольких человек в начале 2000-х гг. Мобилизация протеста проходила в социальных медиа и изначально управлялась неформальными лидерами общественного мнения. Сначала протесты проходили исключительно с целью освобождения Фургала и возвращения его в регион для дальнейшего исполнения обязанностей. После этого произошло смягчение призывов — митингующие требовали суда над Фургалом в регионе, а не в Москве. Но, чем более пролонгированным становился протест, тем заметнее проявляло себя смещение дискурсов с протестов в поддержку Фургала на протесты против существующих отношений центра и регионов. Протесты офлайн носили преимущественно мирный характер, но информационный поток в социальных медиа наполнялся неконвенциональными призывам к остальным регионам страны, а также радикальными дискурсами в отношении органов государственной власти. Массовые акции проходили преимущественно в Хабаровске

на протяжении нескольких месяцев, при этом было отмечено одно существенное столкновение протестующих с правоохранительными органами, которое произошло в октябре. В остальное время протесты не ограничивались со стороны органов правопорядка, хотя они носили несанкционированный характер.

Наибольшую динамику информационного потока, сложившегося вокруг протестов в Хабаровском крае в социальных медиа, можно отметить в июле, когда шло нарастание ритма действий, как офлайн, так и онлайн: 9 июля, 11 июля, 18 июля, 19 июля, 25 июля, 28 июля. Определенный интерес к массовым акциям сохранялся и в последующие месяцы. Мы зафиксировали более десяти пиковых значений пользовательского интереса к событиям в Хабаровске: 1 августа, 12 августа, 14 августа, 16 августа, 24 августа, 29 августа, 5 сентября, 13 сентября, 19 сентября, 27 сентября, 10 октября и 17 октября (см. рисунок). Среди основных акторов, отраженных в рассматриваемом информационном потоке сообщений, можно отметить следующих: граждане, участвующие в митингах, правоохранительные органы, Фургал как символ протеста, органы государственной власти. Но в основном, как и в белорусском кейсе, основным объектом протестного интернет-контента стали рядовые участники акций протеста. Технологически мобилизация протестующих в Хабаровском крае также сходна с кейсом Республики Беларусь. Единственное отличие заключается в более интенсивном применении протестных метафор. Интересно отметить, что реактивный характер связи между онлайн- и офлайн-средами протеста в Хабаровском крае, свойственный первому этапу, сменяется в августе (вслед за трансформацией репертуара протеста) на режим масштабирования внимания со стороны пользователей других субъектов РФ.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то что протесты в Белоруссии и Хабаровске очень далеки друг от друга как географически, так и структурно, есть ряд факторов, которые качественно сближают данные кейсы.

Во-первых, общим пунктом является преимущественно мирный характер протестов. Посредством социально-медийной аналитики прослеживается четкий тренд на отказ от насильственной борьбы («Не стройте баррикады», «Не отрывайте бордюры», «Не провоцируйте силовиков»).

Во-вторых, несмотря на то, что информация о протестах в Хабаровске стала циркулировать

в социальных медиа гораздо раньше, чем информация о протестах в Белоруссии, динамика интереса пользователей к митингующим с начала августа имела очень схожие графики. Это означает, что интернет-пользователи интересуются обоими протестами одновременно, не переводя внимание на что-то одно. Это объясняется очень схожей социально-демографической структурой протестующих. Наиболее важное значение здесь имеет пласт населения в возрасте 26–45 лет, который составляет ядро актива. Также схожий график интереса пользователей социальных медиа к теме протестов в Хабаровске и в Республике Беларусь объясняется пролонгированным характером протеста. Если не происходит знаковых событий по отношению к протесту (например, продление меры пресечения Фургалу или объявление ультиматума Тихановской), то динамика пользовательского интереса сводится к росту активности по выходным, поскольку большая часть населения может протестовать исключительно в это время.

В-третьих, несмотря на то, что анализируемые протесты на начальных этапах имеют сходную динамику, ситуация меняется в сентябре-октябре. В Хабаровске динамика информационного потока значительно снижается уже в конце августа, а в сентябре-октябре демонстрирует низкие показатели (небольшие пики интереса обуславливаются очередным выходом хабаровчан на улицы). При этом в Республике Беларусь интерес к протестам также снижается, но его удается поддерживать проведением очередных митингов, вовлечением новых групп населения, а также действиями лидера протестов Светланы Тихановской (новый виток интереса был в том числе связан с объявленным народным ультиматумом). Таким образом, вне зависимости от временных спадов информационного потока, на настоящий момент находятся триггеры, которые повышают интерес к происходящим событиям.

Кроме различия в динамике исследуемых информационных потоков, различен и их объем. Сообщений в цифровом пространстве социальных сетей по протестам в Белоруссии в несколько раз больше, чем в отношении ситуации в Хабаровске, что обуславливается более масштабными и значимыми в плане политической системы процессами.

В-четвертых, зафиксирована схожая система триггеров, которая становилась катализатором первичных протестов и сыграла ключевую роль в обоих кейсах. С одной стороны, неоднозначные результаты выборов, которые демонстрировали

их беспрецедентную фальсификацию, с другой стороны, арест действующего губернатора без публичного освещения доказательной базы. Однако вторичная мобилизация осуществлялась уже в рамках различной системы триггеров: в Белоруссии применение насилия со стороны органов власти стало причиной выхода на улицы совершенно нетипичных групп населения: женщин и пожилых людей, участие которых также стало своеобразным триггером. В Хабаровске сложилась совершенно другая ситуация. В июле-августе мобилизация происходила на основании первичного триггера мобилизации, т.е. ареста бывшего губернатора Фургала, а далее — на основании полного игнорирования протестов со стороны органов власти.

В-пятых, важной структурной частью организации протестов является их деперсонализованность. Оба протеста объединены тенденцией обезличивания лидера. На данный момент нет четкой схемы, когда определен лидер общественного мнения агитирует и приглашает на акции протеста. Они носят стихийный характер. Эффект социального взрыва достигается за счет разветвленной системы агитации в сообществах, пабликах в социальных медиа, репостов участников протестов. В рамках большой общественной дискуссии, которая централизуется за счет сообществ и телеграмм каналов, участники собираются на новые акции протеста. При этом нужно отметить, что характер деперсонализации в протестах в Белоруссии и Хабаровске несколько различается. В Хабаровске не

было формальных лидеров, которые являлись бы лицом протеста и осуществляли прямую мобилизацию граждан. Протесты в большинстве своем были организованы неформальными лидерами, которые осуществляли модерацию массовых акций и координировали действия протестующих. В белорусском кейсе лидером протеста в августе стала Светлана Тихановская как потенциальный кандидат в президенты. После ее отъезда из страны место лидера протеста попыталась занять Мария Колесникова, которая входила в штаб Тихановской, но после ее ареста протестующие остались без лидера, что существенным образом не повлияло на динамичность протестов и интерес к ним со стороны пользователей интернета.

В-шестых, белорусские каналы поддержания протестов были сведены исключительно к интернету в силу того, что ТВ-каналы отказались освещать протесты и исключили их из информационной повестки. В Хабаровске сложилась совершенно иная ситуация. Помимо интернета, протесты освещались и подогревались телевидением и радио.

Новым трендом стали отсылки протестующих друг к другу: появление на митингах в Хабаровске флага белорусских протестов; поддерживающие плакаты и лозунги. Аналогичная ситуация складывается и в Белоруссии, где местные жители поддерживают хабаровчан их же лозунгами и плакатами. Такие действия становятся обычным явлением во время протестов, что объединяет мотивы протестующих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебон Г. Психология народов и масс. Пер. с фр. М.: АСТ; 2017.
2. Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. 1985;52(4):817–867.
3. Кагель М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016. 564 с.
4. Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. NY.: New York University Press; 2006. 308 p.
5. Katz E. Paul F. Lazarsfeld. Personal Influence. NY.: The Free press; 1955. 400 p.
6. Коротаев А. и др. Эффективность систем глобального мониторинга рисков социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Социологическое обозрение*. 2020;(2):143–197.
7. Костюшев В.В. К социологии протеста: вопросы теории и методологии общественного расследования разгона шествия 1 мая 2019 года в Санкт-Петербурге. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2019;(5):39–50.
8. Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2020;(1):7–18.
9. Градосельская Г.В. и др. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. *Вопросы кибербезопасности*. 2019;(4):94–104.
10. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л., Новикова А.В. Технологии организации движения ЭлектрикЕреван — 2015: результаты анализа интернет-контента. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2016;(1):57–67.

11. Пырма Р. В. Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций. *Власть*. 2020;(2):78–81.
12. Бауман З. Способны ли Facebook и Twitter помочь распространению демократии и прав человека. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostraneniyu-demokratii-i-prav-cheloveka>.
13. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(5):250–269.
14. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А. А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) Часть I. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014;(2):63–78.
15. Золотарев О. В., Козеренко Е. Б., Шарнин М. В. Проведение аналитической разведки на основе анализа неструктурированной информации из различных источников, включая интернет и средства массовой информации. *Вестник Российского нового университета*. 2015;(9):49–54.
16. Азаров А. А. и др. Predictor Mining: применения методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга. *Труды СПИИРАН*. 2013;(26):136–161.

REFERENCES

1. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2017. (In Russ.).
2. Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics. *Social Research*. 1985;52(4): 817–867.
3. Castels M. Power of communication. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.).
4. Jenkins H. Convergence Culture: Where old and new media collide. NY: New York University Press; 2006. 308 p.
5. Katz E., Lazarsfeld Paul F. Personal Influence. NY: The Free press; 1955. 400 p.
6. Korotaev A. et al. Effectiveness of global monitoring systems for socio-political destabilisation risks: The experience of systematic analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2020;(2):143–197. (In Russ.).
7. Kostyushev V. V. Towards the sociology of protest: Questions of theory and methodology of public investigation of the manifestation's dispersal on May 1, 2019, in St. Petersburg. *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2019;(5):39–50. (In Russ.).
8. Bronnikov I. A. Civil activism in network communities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2020;(1):7–18. (In Russ.).
9. Gradoselskaya G. V. et al. Mapping of politically active groups on Facebook: dynamics of 2013–2018. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2019;(4):94–104. (In Russ.).
10. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Ponomarev N. A., Shapovalov V. L., Novikova A. V. Technologies of traffic organization Elektrikerevan — 2015: results of Internet content analysis. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly*. 2016;(1):57–67. (In Russ.).
11. Pyрма R. V. Concepts of civil activism in the digital space of communications. *Vlast*. 2020;(2):78–81. (In Russ.).
12. Bauman Z. Can Facebook and Twitter help spread democracy and human rights? URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Sposobny-li-Facebook-i-Twitter-pomoch-rasprostraneniyu-demokratii-i-prav-cheloveka>. (In Russ.).
13. Shomova S. A. “war of memes”: new turns of information confrontation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. 2019;(5):250–269. (In Russ.).
14. Azarov A. A., Brodovskaya E. V., Dmitrieva O. V., Dombrovskaya A. Yu., Filchenkov A. A. Strategies for forming attitudes of protest behaviour on the Internet: experience in applying cybermetric analysis (on the example of Euromaidan, November 2013) Part I. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. 2014;(2):63–78. (In Russ.).
15. Zolotarev O. V., Kozerenko E. B., Sharnin M. V. conducting analytical intelligence based on the analysis of unstructured information from various sources, including the Internet and mass media. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta*. 2015;(9):49–54. (In Russ.).
16. Azarov A. A. et al. Predictor Mining: applications of data mining methods in social computing tasks. *Trudy SPIIRAN*. 2013;(26):136–161. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики, главный научный сотрудник Института перспективных исследований, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
brodovskaya@inbox.ru

Мария Александровна Давыдова — студентка 4-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
marchikdavydova@mail.ru

Егор Антонович Ерёмин — студент 4-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
egoreremin6@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya — Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia; Head of the Department of Socio-Political Research and Technology, Institute of History and Politics, Chief Researcher, Institute for Advanced Study, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
brodovskaya@inbox.ru

Maria A. Davydova — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
marchikdavydova@mail.ru

Egor A. Eremin — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
egoreremin6@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Бродовская — проблемное поле исследования, теоретико-методологическая основа, методика исследования, работа над результатами и выводами, редаKTура текста.

М.А. Давыдова — сбор данных — ивент-анализ, социально-медийный анализ, работа над результатами и выводами исследования, оформление статьи.

Е.А. Ерёмин — сбор данных: ивент-анализ, социально-медийный анализ, работа над результатами и выводами исследования.

Authors' declared contributions:

E. V. Brodovskaya — problem field of research, theoretical and methodological basis, research methodology, work on results and conclusions, text editing.

M. A. Davydova — data collection — event analysis, social media analysis, work on the results and conclusions of the study, article design.

E. A. Eremin — data collection: event analysis, social media analysis, work on the results and conclusions of the study.

Статья поступила 10.11.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2020; accepted for publication on 05.12.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19
УДК 323(045)

Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности*

П.С. Селезнёв^а, М.Л. Челнокова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5144-1082>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена специфике формирования несистемной оппозиции в начале XXI в. (2000–2020 гг.). В рамках данного исследования под несистемной оппозицией понимается слабо структурированный конгломерат политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за институциональные изменения российской политической системы. В работе указывается, что с 2000 по 2020 г. российская несистемная оппозиция пережила три этапа трансформации. Сегодняшний подъем несистемного движения произошел в 2017–2018 гг. и был обусловлен очередным электоральным циклом и последовавшей за ним пенсионной реформой. Отмечается, что у несистемных акторов не сложилась четкой стратегии поведения, но можно говорить о трех «протостратегиях»: бойкоте, ситуативной интеграции и агрессивном противодействии.

Ключевые слова: несистемная оппозиция; политическая система; политические трансформации; протест; стратегия бойкота; стратегия «рациональной интеграции»; стратегия агрессивного противодействия

Для цитирования: Селезнев П.С., Челнокова М.Л. Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):14-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19

ORIGINAL PAPER

Non-systemic Opposition in Modern Russia: Features of Formation and Strategies of Political Activity**

P.S. Seleznev^а, M.L. Chelnokova^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5144-1082>

ABSTRACT

The article is devoted to the specifics of the formation of non-systemic opposition at the beginning of the 21st century. In this study's framework, we understood non-systemic opposition as a non-structured conglomerate of political actors outside or on the periphery of the legal field and advocate both a radical change in the current political course institutional changes the Russian political system. We indicated that from 2000 to 2020, Russian non-systemic opposition had three stages of transformation. The recent rise of the non-systemic movement started in 2017–2018 and was determined by the electoral cycle and the pension reform. We also noted that non-system actors do not have a distinct strategy of behaviour. But we can outline three "proto-strategies": boycott, situational integration and aggressive.

Keywords: non-systemic opposition; political system; political transformations; protest; boycott strategy; "rational integration" strategy; aggressive counteraction strategy

For citation: Seleznev P.S., Chelnokova M.L. Non-systemic opposition in modern Russia: Features of formation and strategies of political activity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):14-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-14-19

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета «Качество жизни населения как фактор национальной безопасности и инструмент достижения целей устойчивого развития РФ» (прикладная НИР-43).

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order to the Financial University "The quality of life of the population as a factor of national security and a tool for achieving the goals of sustainable development of the Russian Federation" (applied research work NIR-43).

ВВЕДЕНИЕ

Тематика несистемной оппозиции в современной России, ее роли в политическом процессе пользуются заслуженным и все возрастающим вниманием политологического сообщества. Причем речь идет не только о теоретических изысканиях ученых, но и мнениях экспертов, политических технологов, обращающих внимание на тот факт, что сегодня именно несистемные игроки во многом формируют ландшафт российской политики — противоречивый, многослойный и динамичный.

По существу, несистемная оппозиция — явление, не новое для постсоветской России. Но именно в последнее время (2018–2020 гг.) социально-политическая турбулентность, нарастающая после пенсионной реформы, ряда других непопулярных шагов действующей власти, массовой фрустрации в условиях эпидемии COVID-19 и связанного с ней режима самоизоляции, стала благодатной почвой для активизации несистемных оппозиционных сил (как на федеральном, так и на региональном, локальном уровнях), способствовала всплеску политического протеста в различных точках Российской Федерации.

В данной статье хотелось бы сконцентрировать внимание на двух исследовательских вопросах. Во-первых, на осмыслении того, как в последние годы формировалось несистемное пространство российской политики? Во-вторых, не менее важны вопросы: какие стратегии политического поведения (активности) использует российская несистемная оппозиция на современном этапе? как она пытается «вписаться» в социальный запрос на перемены? (или, наоборот, конструировать и усилить его в массовом сознании?).

Безусловно, осознавая длительность «традиции оппозиции» в России, ее неоднозначность, а также многообразие соответствующих политических практик в постсоветский период, мы считаем операционально необходимым ограничить рамки данного исследования 2000–2020 гг. — временем становления и трансформаций институциональных оснований «путинской республики», когда, по существу, кристаллизовался каркас политической системы «новой» (современной) России.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблематика несистемной оппозиции в ее научном измерении представлена тремя базовыми блоками исследований. *Первый блок — работы, непосредственно посвященные деятельности не-*

системных политических сил в России в условиях неоднократно и порой кардинально менявшейся повестки дня 2000–2020-х гг. [1, 2]. *Второй блок можно условно назвать технологическим*; в его рамках особый интерес представляют исследования, связанные с контекстом взаимоотношений «власть–оппозиция» в постсоветской России, методы властного противодействия таким политическим силам [3, 4]. *Третий блок — исследования российского политического протеста*, инициатором которого на всех уровнях (от общенационального — «против фальсификаций на выборах» и «против коррупции» до локального — «против мусорных свалок»), как правило, также выступают акторы политического протеста, формально не вписанные в правовое поле российской политики либо находящиеся на его периферии [5–7].

Необходимо отметить, что большинство указанных исследований признают значимость несистемной оппозиции как весомого «игрока», во многом определяющего векторы эволюции (инволюции) российской политической системы, подчеркивают важность ее изучения как одного из политических субъектов «эпохи постправды», в которой физическая и симулятивная «реальности» не только дополняют друг друга, но и органически сливаются, образуя некую гибридную, крайне неустойчивую политико-динамическую среду, порождающую не только медийные фейки и политические риски, но и потенциал возможностей, а в перспективе — и «окно» общероссийской социальной модернизации [8, с. 91]. То есть несистемная оппозиция должна рассматриваться, скорее, не как помеха, камень преткновения, мешающий формированию устойчивой политической системы в России, а, скорее, как инструмент ее частичного оздоровления, в том числе, посредством жесткого, неконвенционального оппонирования действующей власти. В связи с этим уместно вспомнить недавние слова Президента России В.В. Путина о том, что несистемная оппозиция «нужна» и «не является врагом государства»¹.

Тем не менее в интернет-пространстве достаточно часто звучит и другая точка зрения от тех, кто скептически отзывается о несистемном факторе в российской политике: «урок существования несистемной оппозиции в России один — власть сегодня невозможно сдвинуть ни парла-

¹ Путин: несистемная оппозиция не является врагом государства. URL: <https://tass.ru/politika/7999199>.

ментскими методами, ни непарламентскими. Но при использовании последних возрастает опасность суровых санкций государства...»².

Руководствуясь многочисленными интерпретациями и описательными концепциями феномена несистемности в политике, мы считаем возможным определить несистемную оппозицию как *совокупность политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, как правило, осознанно не принимающих активного участия в выборах различных уровней и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за серьезные институциональные изменения сложившейся политической системы.*

Важно заметить, что на протяжении последних двадцати лет (с 2000 г.) российское общество испытало на себе воздействие нескольких волн активизации несистемной оппозиции. Причем каждая из них в той или иной мере была привязана к новому электоральному циклу, вытекала из подготовки игроков, вытесненных на периферию политического поля, к очередному знаковому транзиту власти (поиск преемника в 2007 г., гадание на следующего президента — 2011 г., проблема-2024 в 2018–2020 гг.).

Развитие несистемного вектора российской политики в 2000–2008 гг. протекало в условиях кристаллизации жесткой вертикали власти, высокого уровня доверия персонально к Президенту России В.В. Путину, которое проецировалось и на выстраиваемую им конфигурацию государственного управления (институциональная коррупция в тот период воспринималась как меньшее зло, чем беспредел 1990-х гг. и угроза распада страны, дезорганизации и тотального коллапса всех уровней власти). Однако важно заметить, что обратной стороной указанного процесса стала неизбежная утрата актуальности и наметившаяся маргинализация системных оппозиционных акторов в лице «традиционных» парламентских партий, прежде всего КППРФ и ЛДПР, не говоря уже о глубоком кризисе «либеральной» части российского партийного спектра (достаточно вспомнить, что по результатам выборов 2003 г. ни «Яблоко», ни СПС не попали в Государственную Думу ФС РФ).

То есть процесс распада партийного рынка РФ, сложившегося в «лихие девяностые», имел двойственное следствие. С одной стороны, про-

исходила усиленная, массовая консолидация граждан России вокруг фигуры В.В. Путина, что автоматически ретранслировалось в рост рейтинга партии власти (имеется в виду не только «Единая Россия», но и политики регионального или местного уровня, так или иначе, ассоциировавшиеся в сознании людей с В.В. Путиным и/или ЕР). С другой стороны — часть антипутински настроенного электората лишалась возможности репрезентации собственных интересов парламентским путем и выталкивалась в некое теневое поле [9]. Таким образом, уже на рубеже 2000–2010-х гг. достаточно четко оформились три звена российской несистемной оппозиции: условно «левое» (недовольное «соглашательской» позицией КППРФ), «либеральное» и националистическое. Последнее некоторое время проявляло наибольшую активность («русские марши», связь с футбольными фанатами и т.п.) и демонстрировало откровенно деструктивные модели поведения. Но в начале 2010-х гг. (после «восстания Спартака» в 2010 г.)³ по нему был нанесен серьезный удар как в медийном пространстве, так и со стороны правоохранительных органов.

События 2011–2012 гг. стали следующей заметной вехой в развитии российской несистемной оппозиции. Если в начальной своей фазе выступления рассерженных горожан, скорее, можно квалифицировать именно как массовый гражданский протест (и против фальсификаций на выборах в Государственную Думу — 2011, и против де факто «автоматической» передачи власти, состоявшейся 24 сентября 2011 г.), то после президентских выборов 4 марта 2012 г. произошла резкая идеологизация и радикализация оппозиционных выступлений и, как следствие, фрагментация и без того неустойчивой, ситуативной коалиции оппозиционеров («левые» во главе с С. Удальцовым, сторонники А. Навального, группы «молодых либералов» и «умеренных», концентрировавшиеся вокруг И. Яшина и Г. Гудкова соответственно). Такое развитие событий позволило власти, во-первых, купировать протест как таковой и, во-вторых, перейти к гораздо более жесткому и последовательному давлению на несистемную оппозицию (прологом чему стало «болотное дело»). В дальнейшем «крымский консенсус» привел к окончательной маргинализации политических

² URL: <https://news.ru/politics/blesk-i-nisheta-nesistemnoj-oppozicii/>.

³ URL: <https://profile.ru/archive/vosstanie-spartaka-123171/>.

акторов, находящихся за пределами официального политического дискурса Кремля.

Подобная ситуация продолжалась до 2017–2018 гг., которые стали очередной точкой бифуркации в жизненном цикле российской несистемной оппозиции, ознаменовали ее частичную реинкарнацию в качестве заметного (пусть и не влиятельного) актора политической динамики. На наш взгляд, подобная ситуация была обусловлена *сочетанием четырех главных обстоятельств*:

1) нарастанием «эффекта усталости» от действующей власти, который усиливался отсутствием роста реальных доходов граждан;

2) истощением эффекта «крымской эйфории»: стало очевидно, что постоянное обсуждение украинского вопроса на общенациональных телевизионных каналах не в состоянии полностью перекрыть внутрироссийские проблемы, которые находятся в повестке дня, диктуемой социальными медиа рунета;

3) приближением электорального цикла 2017–2018 гг., под который оппозиция анонсировала и успешно провела ряд заметных антикоррупционных кампаний против людей из высших эшелонов действующей власти («он вам не димон», «шубохранилище якунина» и т.п.).

4) пенсионной реформой 2018 г., отрицательно воспринятой значительной частью российского общества и крайне негативно сказавшейся на рейтингах партии власти в целом и отдельных ее представителей (включая кандидатов на региональных и муниципальных выборах, которые не были причастны к принятию данного решения) [10, с. 75].

Представляется, что именно симбиоз указанных факторов в сочетании с тотальной интернетиризацией политического (шире — социального) пространства России и стал залогом активизации и отчасти роста влияния несистемной оппозиции на политические практики последнего времени. Однако такое развитие событий порождает вопросы: насколько несистемная оппозиция готова к консолидации? какие стратегии поведения (активности) она готова предложить тем сегментам российского социума, которые в разной степени не удовлетворены политикой действующей власти, причем как федеральной, так и на местах?

Если в рамках первого вопроса большинство политических экспертов, занимающихся исследуемой проблематикой, сходятся во мнении, что

консолидационный потенциал несистемных игроков невысок (даже не в силу острых идейных разногласий, а по причине личных амбиций многочисленных лидеров), то вопрос о стратегиях поведения выглядит более сложным. Мы считаем, что сегодня уместно говорить о неких трех протостратегиях, контуры каждой из которых достаточно расплывчаты и вариативны. Первая может быть условно охарактеризована как «стратегия бойкота». Ее наиболее яркая репрезентация — призыв ряда несистемных лидеров (в основном из праволиберального спектра) не участвовать в голосовании о внесении поправок в Конституцию РФ (поскольку, по их мнению, и голосование как юридическое действие «нелегитимно», и фальсификации «неизбежны», и «все поправки уже приняты Думой...»). По существу, данная стратегия предполагает перенос «центра тяжести» оппозиционной деятельности в интернет-пространство с целью дальнейшего конструирования «антивластного дискурса», эскалации массового недовольства государством на всех уровнях его деятельности.

Вторая стратегия основана на рациональной (ситуативной) интеграции в электоральные процессы и одновременно — организации протестных акций (преимущественно, легального характера). Ее примерами могут служить «умное голосование» 2019 г., призывы голосовать против поправок в Конституцию РФ, одновременно «закрыв» максимальное число участков наблюдателями с целью минимизировать возможные фальсификации, одиночные пикеты и ставшие популярными летом 2020 г. «прогулки» малых групп оппозиционеров с элементами флэшмобов (например, кормлением голубей!).

Третья стратегия — эпизодическое агрессивное противодействие — стала наименее популярной среди несистемной оппозиции и все более носит эпатажный характер. Как правило, она продвигается либо политиками, оказавшимися за пределами России (В. Мальцев и др.) и желающими таким образом напомнить о себе, либо радикальными элементами из праволиберального крыла оппозиционеров. На наш взгляд, потенциал данной модели поведения серьезно ограничен действиями власти, направленными как на силовое подавление самих несистемных выступлений, так и на превентивное пресечение любых попыток их возможной организации в будущем (дело «нового величия» и т.п.).

ВЫВОДЫ

Учитывая все вышесказанное, можно сделать ряд наиболее значимых выводов.

Во-первых, под несистемной оппозицией следует понимать весьма разрозненный, слабо структурированный конгломерат политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, как правило, осознанно не принимающих активного участия в выборах различных уровней и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за институциональные изменения российской политической системы.

Во-вторых, с 2000 по 2020 г. российская несистемная оппозиция пережила как минимум три этапа трансформации. Так, всплеск ее активности на рубеже 2000–2010-х гг., апофеозом которого стали массовые «болотные» выступления 2011–2012 гг., сменился глубоким спадом и фактической маргинализацией всех несистемных акторов российской политики. Следующий подъем несистемного движения произошел в 2017–2018 гг. и был связан с очередным элек-

торальным циклом. При этом триггером массовых антивластных выступлений и ситуативной консолидации различных по своей идеологии сил стала пенсионная реформа — 2018, ее неприятие разными сегментами российского общества.

В-третьих, на сегодняшний день у несистемных акторов политического процесса не сложилось какой-либо четкой консолидированной стратегии поведения. Но можно говорить о неких трех прообразах стратегий — протостратегиях, которые носят реактивный характер и отражают различные механизмы реагирования на действия власти. Первая — бойкот — предусматривает отказ от участия в электоральных процессах и перенос центра тяжести политической активности в рунет. Вторая — ситуативная интеграция — предусматривает возможность частичного участия в выборах и делает акцент преимущественно на разрешенных законом способах политической борьбы. Третья — агрессивное противодействие — крайне ограничена в инструментальном плане и отражает установки наиболее радикальной части российской несистемной оппозиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратьев В. С. Несистемная оппозиция в России: основные подходы к рассмотрению политического феномена. *Pro Nunc. Современные политические процессы*. 2012;(1):17–22.
2. Медведев Н. П., Борисенко А. В. Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007;(4):150–155.
3. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия. *Власть*. 2016;(7):24–29.
4. Проничев В. А. Оппозиция как субъект политического процесса в Российской Федерации. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010;(3):96–99.
5. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):139–158.
6. Пономарев Н. А. Протестный дискурс подготовительного этапа митингов 26 марта 2017 г. *Информационные войны*. 2018;(1):16–20.
7. Титов В. В., Самохвалов Н. А. К вопросу о некоторых причинах омоложения протестных настроений в России. *Via in tempore. История. Политология*. 2020;(1):211–217.
8. Евгеньева Т. В., Губченко В. А. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки дня в сети Интернет. *Политическая наука*. 2017;(5):385–401.
9. Королев Е. А. Кризис партийной системы как фактор ограничения политического плюрализма. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2014;(4):114–119.
10. Будрайтскис И. Б. Российская пенсионная реформа и сопротивление: уроки отсутствовавшего движения. *Социология власти*. 2018;(4):69–105.

REFERENCES

1. Kondratyev V. S. Non-systemic opposition in Russia: the main approaches to the consideration of phenomena. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy = Pro Nunc. Modern political processes*. 2012;(1):17–22. (In Russ.).
2. Medvedev N. P., Borisenko A. V. Non-systemic opposition in the political space of modern Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika =*

- Scientific statements of the Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Informatics.* 2007;(4):150–155. (In Russ.).
3. Mikhailenok O. M., Shchenina O. G. Power and non-systemic opposition as subjects of political accordance. *Vlast.* 2016;(7):24–29. (In Russ.).
 4. Pronichev V. A. Opposition as a subject of the political process in the Russian Federation. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences.* 2010;(3):96–99. (In Russ.).
 5. Titov V. V. Strategies of social protest of youth in Runet: a comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes.* 2020;(3):139–158. (In Russ.).
 6. Ponomarev N. A. Protest discourse of the preparatory stage of the rallies on March 26, 2017. *Informacionnye vojny = Information wars.* 2018;(1):16–20. (In Russ.).
 7. Titov V. V., Samokhvalov N. A. On the question of some reasons for the rejuvenation of protest sentiments in Russia. *Via in tempore. Istorija. Politologija = Via in tempore. History. Political science.* 2020;(1):211–217. (In Russ.).
 8. Evgenieva T. V., Gubchenko V. A. Psychological features of the opposition agenda's formation on the Internet. *Politicheskaja nauka = Political Science.* 2017;(5):385–401. (In Russ.).
 9. Korolev E. A. Party system crisis as a factor limiting political pluralism. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestia of the Herzen Russian State Pedagogical University.* 2014;(4):114–119. (In Russ.).
 10. Budraitskis I. B. Russian Pension Reform and Resistance: Lessons from the Absent Movement. *Sociologija vlasti = Sociology of power.* 2018;(4):69–105. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Сергеевич Селезнёв — доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии, первый заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pseleznev@fa.ru

Мария Леонидовна Челнокова — педагог-психолог лицея, Финансовый университет, Москва, Россия
MLChelnokova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Professor at the Department of Political Sciences, the First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
pseleznev@fa.ru

Maria L. Chelnokova — educational psychologist at Lyceum, Financial University, Moscow, Russia
MLChelnokova@fa.ru

*Статья поступила 30.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 30.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-20-28
УДК 323.2(045)

Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества

О.С. Осипова^а, Р.А. Багдасарова^б, В.А. Лукушин^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-4111-0391>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1671-4449>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

АННОТАЦИЯ

В период активного развития новейших каналов интернет-коммуникации, повышения их качества и доступности все более актуальным становится вопрос об использовании государственными и муниципальными органами власти различных медиатехнологий. Актуальность рассмотрения данного вопроса обусловлена необходимостью совершенствования государственного управления на основе новых возможностей стриминговых сервисов, социальных сетей и интернет-платформ. В статье представлен анализ взаимосвязей государства и общества посредством данных механизмов на современном этапе, показана их роль в формировании диалога между государством и обществом, прогнозируются перспективы использования новых медиа в качестве инструмента демократизации российского общества.

Ключевые слова: современные каналы коммуникации; новые медиа; национальные проекты; открытое правительство; массовые коммуникации; цифровая коммуникация; общественный диалог; диалог «власть-общество»

Для цитирования: Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А. Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):20-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-20-28

ORIGINAL PAPER

Modern Media as A Tool for Improving the Dialogue Between Government and Society

O.S. Osipova^а, R.A. Bagdasarova^б, V.A. Lukushin^с

^{а, б, с} Financial University under Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-4111-0391>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1671-4449>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

ABSTRACT

During the period of active development of the latest Internet communication channels, improving their quality and accessibility, the issue of using various media technologies by state and municipal authorities is becoming more and more urgent. This issue's relevance is due to the need to improve public administration based on new features of streaming services, social networks, and the spread of Internet platforms. The article presents an analysis of the relationship between the state and society through these mechanisms at the present stage, shows their role in forming a dialogue between the state and society, predicts the prospects for using new media as a tool for the democratization of Russian society.

Keywords: modern communication channels; new media; national projects; open government; mass communication; digital communication; public dialogue; dialogue "government-society"

For citation: Osipova O.S., Bagdasarova R.A., Lukushin V.A. Modern media as a tool for improving the dialogue between government and society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):20-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-20-28

Важность использования современных каналов коммуникации институтами власти зарубежные исследователи подчеркивают на протяжении последних пятидесяти лет — с момента перехода развитых стран к современным информационным технологиям. В частности, американский социолог и политолог Карл Дойч еще в 60-е гг. XX в. обратил внимание на важность коммуникации как особого политического инструмента, реализуемого на всех этапах развития общества и государства. Он отмечал, что политическая система совершенствуется одновременно с развитием каналов коммуникации и повышением их эффективности [1]. Испанский социолог Мануэль Кастельс в конце первого десятилетия XXI в., развивая идеи К. Дойча, подчеркивал в своей работе «Власть коммуникации», что существование государства в сетевом обществе требует использования новых медиа и новых каналов коммуникации как наиболее доступных, равных, не имеющих вертикальную структуру [2].

Теоретические наблюдения и практика организации использования массмедиа в диалоге государства и гражданского общества, накопленные в западных странах, требуют нового прочтения и адаптации к новым российским реалиям. Россия активно включилась в глобальные информационно-коммуникационные процессы. По данным Всероссийского омнибуса GfK, к началу 2019 г. аудитория интернет-пользователей в России среди населения 16+ составила 90 млн чел. (75,4% взрослого населения страны). Последние годы аудитория интернета растет уже медленно, в основном за счет подключения к Сети пользователей старшего поколения. Среди молодежи и людей среднего возраста проникновение интернета близко к предельному уровню¹.

В условиях развития цифровых технологий и гражданского общества в России вопрос об использовании государством современных каналов коммуникации (СМК) для продвижения своих проектов получает все большую актуальность. Значимость данной темы подчеркивается рядом российских исследователей. В частности, В.В. Зотов и А.В. Губанов обратили внимание на оценку деятельности государственных и муниципальных служащих в социальных сетях как одного

из значимых элементов комплексной оценки их эффективности [3]. В.Р. Доронина подняла вопрос о взаимосвязи развития электронных государственных услуг в контексте преодоления цифрового неравенства [4]. О высокой практической значимости поднимаемой темы свидетельствует появление методических рекомендаций, систематизирующих модели построения диалога власти и общества в интернет-коммуникациях [5].

Значительный исследовательский интерес представляют интернет-ресурсы министерств и ведомств РФ, материалы которых требуют научной рефлексии. Однако в многочисленных работах, посвященных различным аспектам цифровизации государственных органов власти, отсутствуют исследования, в которых проводится оперативный качественный контент-анализ содержания интернет-ресурсов, используемых органами власти, оценка роли социальных сетей в плане построения диалога между государственными органами и обществом, в том числе с молодежной аудиторией.

Результаты социологических исследований, проведенные ВЦИОМ, показывают, что интернет с начала 2000-х гг. постепенно становится площадкой для диалога власти и общества. Уже в 2013 г. интернет стал вторым по популярности источником получения информации о событиях в стране после телевидения. Из интернета предпочитали узнавать новости 23% опрошенных, по телевидению — 60%. При этом половина молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет предпочли интернет остальным СМК. По уровню доверия в качестве источника информации интернет также занимал второе место (22%) после телевидения (60%)².

В последние годы произошел качественный скачок: интернет стал не только важным каналом информирования населения, но и местом реализации государственных услуг. Согласно результатам последних исследований ВЦИОМ в рейтинге услуг, которыми россияне предпочитают пользоваться онлайн, второе место занимает оформление справок и документов из государственных органов, поиск и оплата государственных налогов и штрафов (45%). Эта доля выше среди 25–34-летних (57%), а также жителей Москвы и Санкт-Петербурга (68%)³.

² Исследование ВЦИОМ «Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=973>.

³ Исследование ВЦИОМ «Цифровизация услуг в России: уже на пороге». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9667>.

¹ Исследование GfK «Проникновение Интернета в России». URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii>.

Соответствие интернета принципам открытости и прозрачности работы, взаимоуважения и помощи — ключевым задачам современного процесса деbüroкратизации государственного аппарата — делает его наиболее перспективным средством для выстраивания отношений власти с населением.

Для Российской Федерации как страны, вступившей на путь цифровизации экономики, вопрос налаживания системы открытого правительства и результативного взаимодействия с гражданами становится определяющим условием всестороннего развития государства и активности граждан. По данным официального сайта Правительства РФ от 11.04.2018, в России за шесть лет полностью заработала система единого межведомственного электронного взаимодействия государственных институтов, и общее количество транзакций в нем достигло 20 млрд в год. Около 400 государственных услуг стало доступно в электронном виде⁴.

Современные многофункциональные социальные интернет-площадки превращаются из виртуального средства общения в полноценные инструменты, позволяющие эффективно осуществлять управленческие функции в самых разных сферах жизни. Наиболее активно используемыми форматами выстраивания диалога между властью и обществом являются форумы и прямые линии на официальных сайтах государственных ведомств: портал «Российская общественная инициатива» (с возможностью рассмотрения такого вида коллективного обращения, как петиция), портал «Госуслуги», порталы открытых данных. Одним из направлений применения новых медиа в политике становится их активное использование гражданами в качестве политического инструмента [6], например в рамках электронного голосования на выборах различного уровня. Пробное использование портала «Госуслуги» в электоральных процессах состоялось в 2012 г. с введением онлайн-наблюдения за избирательными участками. В 2019 г. в нескольких городских районах цифровая платформа была использована как инструмент дистанционного голосования на выборах в Московскую городскую думу. Пандемия COVID-19 значительно ускорила этот

процесс, свидетельством чему стало электронное голосование в ходе принятия новой редакции Конституции Российской Федерации.

Локомотивом внедрения СМК в диалоге между властью и обществом является, безусловно, Москва. Все важнейшие федеральные проекты и инициативы проходят пробные испытания в Москве перед распространением в других регионах. Одним из наглядных примеров тому является портал «Активный гражданин», основанный в 2014 г. Правительством Москвы как платформа для электронных опросов⁵. Портал решает сразу несколько задач: реагирует на общественные запросы, распространяет информацию о насущных проблемах, привлекая внимание СМИ, легитимизирует некоторые политические решения московских властей. Спустя несколько лет портал приобрел федеральную известность, став удачным примером выстраивания социально-политического диалога между городской властью и жителями.

Позже подобные сервисы были созданы в других российских регионах, а в самой Москве происходит углубление интернет-коммуникаций на муниципальном уровне в рамках проекта «Мой район». При этом финансово-экономическая целесообразность использования СМК властью очевидны. Согласно расчетам С. А. Дятлова, происходит снижение затрат на организацию проведения опросов, встреч с жителями и проведение информационных кампаний и т. д. Элементы открытого правительства и электронной демократии призваны в том числе минимизировать технические и организационные траты, сделав весь процесс взаимодействия власти и общества прозрачным, исключив саму возможность существования коррупционных и иных преступных механизмов в этой сфере [7].

В настоящее время интернет используется для развития диалога между государством и гражданским обществом на всех уровнях власти в том числе — региональной и местной. В первую очередь это происходит путем прямого участия граждан в решении общественных проблем с помощью современных каналов коммуникации в наиболее актуальных для населения сферах — здравоохранении, образовании, транспорте, благоустройстве и др.

В условиях повышенной популярности социальных сетей и специализированных интернет-

⁴ Официальный сайт Правительства РФ. «Электронное правительство»: некоторые важные факты за 6 лет. URL: <http://government.ru/info/32188/>.

⁵ Коммерсантъ. № 240 от 26.12.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3181648>.

порталов, формирования системы электронного правительства государственные органы заинтересованы в их активном использовании не только в процессе предоставления услуг, но и при продвижении собственных проектов. Часть государственных структур уже осуществила переход в социальные сети, открыв официальные страницы ведомств. Внедрение новых медиа в диалог «власть-общество» возможно только при включении всей системы власти в этот процесс. Отметим, что даже наиболее консервативные государственные органы (например, Совет Федерации ФС РФ) начинают активно использовать социальные медиа для регулярной публикации материалов, инфографики, разрабатывают и используют фирменный стиль, различные технологии интернет-продвижения.

В рамках проектной работы по дисциплине «Социология связей с общественностью» в ноябре 2019 г. студентами группы П18–3 Финансового университета под руководством профессора О.С. Осиповой были проанализированы сайты шести министерств и ведомств Российской Федерации. Одновременно студентами был осуществлен сравнительный анализ аналогичных министерств и ведомств других стран, которые раньше включились в процесс цифровизации. Для проведения интегрированного исследования вторичного уровня был использован метод качественного контент-анализа [8]. Проведенный шестью исследовательскими группами качественный контент-анализ материалов интернет-ресурсов государственных структур позволил в ходе дискуссий сделать следующие выводы:

- государственные органы стремятся наладить цифровую коммуникацию с гражданами Российской Федерации;
- в большинстве случаев, однако, ими не используется потенциал социальных сетей;
- страницы в социальных сетях становятся инструментом дублирования новостной информации сайта;
- не выстраивается коммуникация с пользователями контента, не применяются механизмы обратной связи;
- не используются рекламные возможности используемых органами власти интернет-платформ.

Ограниченный объем не позволяет представить все результаты проектной работы. Приведем результаты анализа контента одного из мини-

стерств — Министерства культуры РФ, совокупная аудитория которого в популярных социальных сетях значительно опережает аудиторию пользователей контента других федеральных министерств.

В рамках реализации национального проекта «Культура» до 2024 г. предполагается масштабная модернизация всей культурной сферы, выработка современных подходов к осуществлению государственной политики в сфере культуры, искусства, кинематографии. При этом официальные интернет-порталы ведомства и социальные сети становятся важнейшими каналами коммуникации, в том числе с жителями отдаленных регионов страны, где необходимость цифрового совершенствования культурной среды, повышения ее качества и доступности прослеживается наиболее сильно.

В рамках национальных проектов в сфере культуры предполагается пятикратное увеличение обращений к цифровым порталам (с 16 млн чел. в 2018 г. до 80 млн к 2024 г.), создание виртуальных концертных залов в 500 городах страны, увеличение популярности официального сайта Минкульта с базового показателя в 774 млн чел. до 890,8 млн чел. (рис. 1). Очевидно, что реализация столь масштабных планов невозможна без использования новых медиаресурсов.

Среди основных достоинств официального сайта Минкульта следует выделить короткий и удобный адрес (www.mkrf.ru), использование современного дизайна, следование разработанному фирменному стилю ведомства, удобный интерфейс, постоянное обновление контента. В то же время существуют технические ошибки в отображении мобильной версии сайта, а его наполнение является однообразным и формальным. Помимо официального сайта, в интернете также работает целая сеть порталов Минкульта, посвященных различным культурным сферам («Культура. РФ», «История. РФ» и др.). Подобное деление является удобным для продвижения отдельных видов контента⁶.

Социальные сети Минкульта также отличаются единым стилистическим оформлением, возможностью быстрой отправки вопросов, предложений и замечаний⁷. Размещаемый на страницах

⁶ Официальный сайт Министерства культуры РФ. URL: <https://www.mkrf.ru/>.

⁷ Официальные аккаунты Министерства культуры РФ в социальных сетях «ВКонтакте», «Instagram», «Twitter», «Facebook». URL: <http://www.facebook.com/minkulturf>, <https://vk.com/public>

Рис. 1 / Fig. 1. План нацпроекта «Культура» по увеличению посещаемости официального сайта Министерства культуры РФ / Plan of the national project “Culture” to increase traffic to the official website of the Ministry of Culture of the Russian Federation

Источник / Source: составлено авторами по данным: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/about-project/> (Прогноз динамики обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры. Национальный проект «Культура») / Compiled by the authors based on the data: <https://www.mkrf.ru/about/national-project/about-project/> (Forecast of the dynamics of access to digital resources in the field of culture. National project “Culture”).

контент отличается большим разнообразием. В отличие от формальных новостных заметок на сайте, в «ВКонтакте» и «Facebook» встречаются анонсы наиболее крупных событий культурной жизни, историческая и справочная информация. В «Instagram» размещаются тематические медиафайлы — фото и видео высокого качества, используются все доступные технические возможности сайта (например, ежедневная публикация «Историй» — коротких видео о наиболее важных событиях в сфере культуры, а также «Воспоминаний» — открытого архива всех событий в календарном порядке).

Отметим высокое число подписчиков на официальных аккаунтах Министерства. Их суммарное число в четырех наиболее популярных в России социальных сетях («ВКонтакте», «Facebook», «Twitter» и «Instagram») превышает 160 тыс. чел. Эта цифра превышает аудиторию большинства профильных министерств (рис. 2).

Среди основных факторов популярности официальных страниц следует выделить их регулярное обновление и повышенный интерес к материалам ведомства, посвященных кино, театру, живописи, танцу, истории и проч. среди населения.

Эффективность использования социальных сетей для продвижения государственных программ в сфере культуры также подтверждается опытом организации важнейшего PR-проекта Министерства культуры — «Ночи искусств». Успешному проведению проекта на протяжении нескольких лет способствовали: высокий уровень организации в офлайне (как в крупных городах, так и в регионах), оригинальный формат, привлечение молодежи при помощи интернет-порталов. Информационными спонсорами проекта традиционно являются социальные сети («ВКонтакте» и «Одноклассники»), развлекательные и познавательные порталы («2DO2GO», «2GIS» и др.), IT-корпорации («Яндекс»).

Проведенный качественный контент-анализ информационных ресурсов Минкульты показал, что деятельность Министерства культуры в сфере связей с общественностью в интернете можно назвать эффективной. Ведомство полностью выполняет существующую стратегию, демонстрируя успешные PR-кейсы. В то же время необходимо работать над качеством размещаемого контента на официальных порталах ведомства, его разнообразием, увеличением технической стабильности порталов и аккаунтов в социальных сетях. Возможно необходимо наладить сотрудничество с другими государственными органа-

56049514; http://twitter.com/Culture_RF, https://www.instagram.com/mincult_russia/.

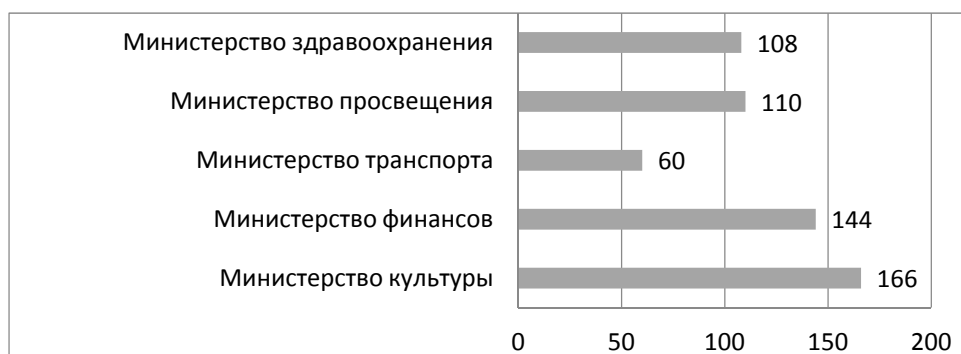

Рис. 2 / Fig. 2. Совокупная аудитория федеральных министерств в популярных социальных сетях (тыс. чел.) / A total audience of Federal ministries in popular social networks (thousand people)

Источник / Source: составлено авторами по данным официальных аккаунтов министерств в социальных сетях «ВКонтакте», «Instagram», «Twitter», «Facebook» / Compiled by the authors according to the official accounts of the ministries in the social networks VKontakte, Instagram, Twitter, Facebook.

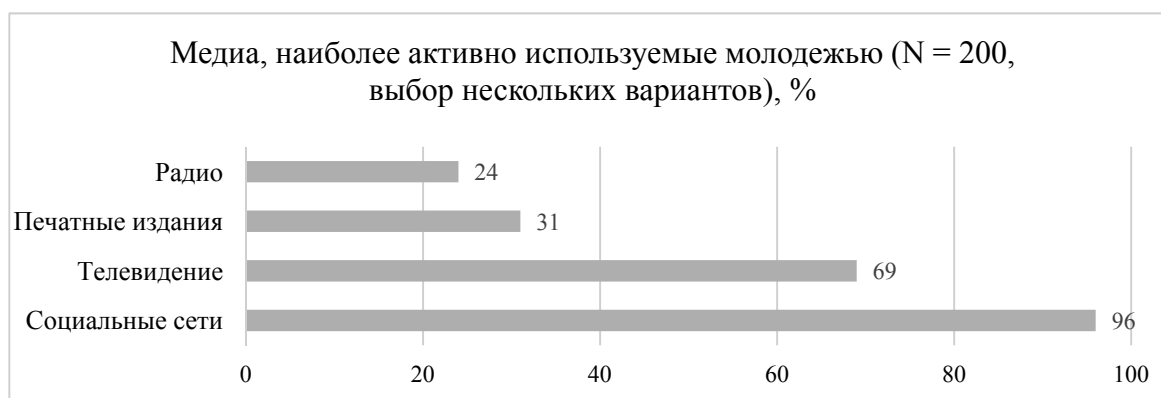

Рис. 3 / Fig. 3. Наиболее популярные медиаканалы среди молодежи / The most popular media channels among young people

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ми (Минпросвещения РФ, Росархив и др.) для организации новых всероссийских культурно-образовательных проектов с использованием возможностей интернет-ресурсов.

Особый исследовательский интерес представляет анализ накопленного государственным органами опыта медиаработы с молодежной аудиторией. Для понимания значимости современных интернет-каналов коммуникации в построении коммуникации между властью и молодежью был проведен опрос студентов Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва) направлений подготовки: «Политология», «Реклама и связи с общественностью» и «Бизнес-информатика» (200 респондентов, 7–9 февраля 2020 г.) при помощи онлайн-анкетирования. На вопрос: «Какими медиаканалами они пользуются?», был получен практически однозначный ответ — социальные сети и цифровые порталы (96% респондентов), заметно меньшее количество респондентов используют

телевидение (69%), наименее популярными среди молодежи оказались такие каналы, как радио (24%) и печатные издания (31%) (рис. 3).

Среди важнейших преимуществ социальных сетей респонденты отметили: доступность и легкость в использовании, понятность, наличие большого количества информации, возможность ее фильтрации, а также возможности обратной связи.

Респондентам были заданы вопросы о их личном опыте взаимодействия с органами государственной власти в социальных медиа. Около трети опрошенных студентов (31%) хотя бы раз посещали официальные страницы государственных и муниципальных органов в социальных сетях. При этом четверть опрошенных называют подобные контакты регулярными, а 20% респондентов активно взаимодействует с представителями власти с помощью социальных сетей посредством отправки запросов и сообщений в процессе получения услуг. На

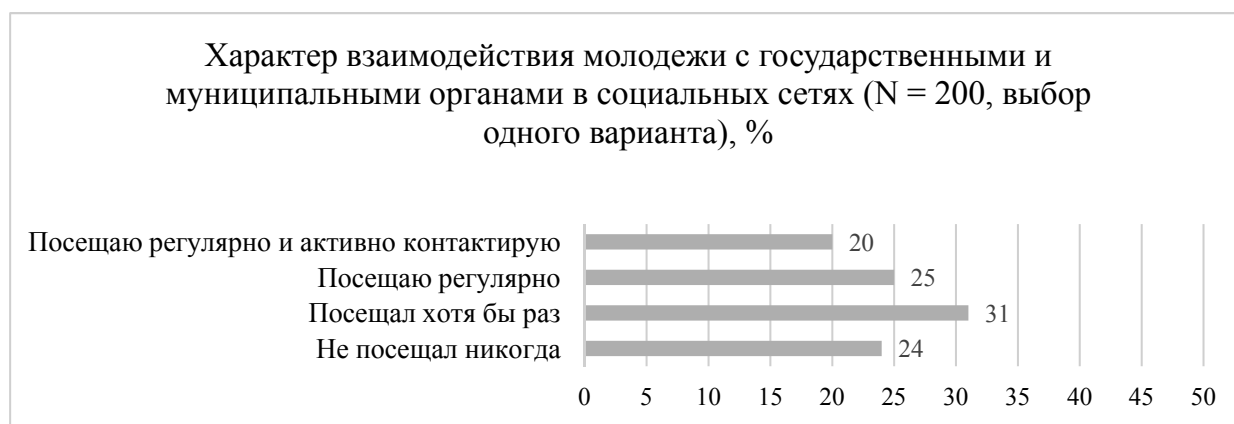

Рис. 4 / Fig. 4. Характер взаимодействия молодежи с органами власти в социальных сетях / The nature of the interaction between young people and authorities in social networks

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вопрос, касающийся рекламных материалов, 22% респондентов ответили, что хотя бы раз видели в социальных сетях рекламные материалы, посвященные различным государственным проектам. Очевидно, что молодежь не только готова к взаимодействию с властью в интернете, но и активно использует уже существующие каналы коммуникации. Если портал единых государственных услуг («Госуслуги») уже стал для молодого поколения обычным способом общения с властью, то социальные медиа представляют следующий, более современный и технологичный этап, подстраивающийся как под интересы молодежи, так и под возможности и цели власти (рис. 4).

Процесс глобальной информатизации, однако, настолько динамичен, что уже существующие интернет-платформы быстро устаревают, нуждаясь в качественных улучшениях, перманентной оптимизации. На смену классическим интерактивным порталам приходят новые медийные форматы, тесно связанные с социальными сетями, а иногда и полностью сформированными на их базе. Социологи отмечают, что в последние годы усиливается роль отдельных интернет-платформ, социальных сетей и мессенджеров. Социальные сети позволяют максимально сблизить власть и общество, предоставив наиболее удобную на сегодняшний площадку для взаимовыгодной коммуникации [9].

Основная тенденция последних лет — рост мобильного интернета. Прежде всего растет аудитория пользователей, которые выходят в интернет со смартфонов. К началу 2019 г. доля пользователей интернета на мобильных устрой-

ствах достигла 61%. Годом ранее этот показатель составлял 56%. По мнению экспертов GfK Rus, важный качественный сдвиг последнего времени — стремительный рост аудитории пользователей “mobile only” — тех, кто пользуется только мобильным доступом к Сети. Если год назад этот тип пользователей только обнаружил себя на рынке (18% от всех пользователей интернета), то за этот год сегмент вырос в два раза и сейчас оставляет более трети (35%) от всех пользователей интернета в России⁸.

Авторы полностью разделяют точку зрения, что стремительный рост сегмента “mobile only” меняет все лицо интернета. «Интернет уже в ближайшем будущем, — отмечает руководитель отдела медиаисследований GfK Rus Сергей Кетов, — может стать прежде всего мобильным, и только во вторую очередь, десктопным. Для интернет-сегмента это означает смену приоритетов при развитии digital продуктов, коммуникаций, рекламы. Производителям, ритейлерам и контент-провайдерам уже сейчас стоит убедиться, что их текущие продукты готовы для мобильных пользователей».

Таким образом, в результате исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. В последние годы возрастает роль интернет-коммуникаций в выстраивании диалога власти и общества. Активно идет развитие современных интернет-каналов коммуникации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Многофункциональные

⁸ Исследование GfK «Проникновение Интернета в России». URL: <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii>.

интернет-площадки становятся перспективной формой налаживания коммуникаций между государственной властью и обществом, имеют значительный потенциал для демократизации российского общества.

2. Наиболее перспективной формой взаимодействия власти и общества становятся социальные сети, что, безусловно, требует внимательного изучения с целью повышения эффективности функционирования политической власти.

3. Москва является локомотивом внедрения СМК в диалоге между властью и обществом. Все важнейшие федеральные проекты и инициативы прошли пробные испытания в Москве перед распространением в других регионах.

4. Российская молодежь не только выражает готовность к активному взаимодействи-

ю с властью посредством новых медиа, но и успешно использует имеющиеся каналы коммуникации. Если портал «Госуслуги» уже стал для молодого поколения стандартным способом коммуникации с властью, то социальные медиа представляют собой следующий, более современный и технологичный этап развития этого диалога. Стриминговые сервисы, социальные сети и мобильные приложения создают новые возможности для более эффективного использования интернет-платформ и повышения эффективности диалога молодежи и всего гражданского общества с государственными структурами.

5. Внедрение новых медиа в диалог «власть-общество» возможно только при включении всех институтов власти в этот процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: The Free Press of Glencoe; 1963. 316 p.
2. Castells M. *Communication Power*. Oxford: OUP Oxford; 2009. 590 p.
3. Зотов В.В., Губанов А.В. Оценка деятельности государственных и муниципальных служащих в социальных сетях как элемент комплексной оценки эффективности. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2017;1(22):148–156.
4. Доронина В.Р. Электронные государственные услуги и цифровое неравенство: основные проблемы информационного и социального развития. *Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2018.
5. Василенко Л.А. *Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: методическое пособие*. М.: Проспект; 2015. 112 с.
6. Глухов А.П. Культура управления коммуникациями в социальных медиа как элемент «цифровой грамотности». *Социологические исследования*. 2019;(5):110–118.
7. Дятлов С.А. Электронное правительство как организационная форма реализации интеллектуально-информационного капитала на макроуровне. *Экономика образования*. 2016;(3):56–63.
8. Осипова О.С., Неткачева А.В. Использование контент-анализа для проведения интегрированных исследований вторичного уровня в области управления человеческими ресурсами. *Стратегии бизнеса*. 2014;(1):4–8.
9. Василькова В.В. Коммуникативные барьеры в практиках оказания гражданам государственных услуг. *Социологические исследования*. 2019;(1):75–84.

REFERENCES

1. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: The Free Press of Glencoe; 1963. 316 p.
2. Castells M. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 590 p.
3. Zotov V.V., Gubanov A.V. Assessment of state and municipal employees' activities in social networks as an element of a comprehensive assessment of efficiency. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 2017;1(22):148–156. (In Russ.).
4. Doronina V.R. Electronic public services and digital inequality: The main problems of information and social development. In: *Social space and time of the region: problems of sustainable development*. V.R. Doronina, G.A. Bannykh, eds. Yekaterinburg: Humanitarian University; 2018. (In Russ.).
5. Vasilenko L.A. Models of dialogue between power and society in Internet communications: a methodological guide. L.A. Vasilenko, E.V. Tarasova, eds. Moscow: Prospect; 2015. 112 p. (In Russ.).

6. Glukhov A. P. Culture of communication management in social media as an element of “digital literacy”. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2019;(5):110–118. (In Russ.).
7. Dyatlov S. A. Electronic government as an organizational form of the implementation of intellectual and informational capital at the macro level. *Ekonomika obrazovaniya*. 2016;(3):56–63. (In Russ.).
8. Osipova O. S., Netkacheva A. V. The use of content analysis for conducting integrated secondary-level research in the field of human resource management. *Strategii biznesa*. 2014;(1):4–8. (In Russ.).
9. Vasilkova V. V. Communicative barriers in the practice of providing public services to citizens. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2019;(1):75–84. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Степановна Осипова — доктор социологических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

ososipova@fa.ru

Рузана Ашотовна Багдасарова — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

bagdasarova.ruzana@mail.ru

Владимир Андреевич Лукушин — студент 3-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

lukushin@aol.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Osipova — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
ososipova@fa.ru

Ruzana A. Bagdasarova — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

bagdasarova.ruzana@mail.ru

Vladimir A. Lukushin — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

lukushin@aol.com

Заявленный вклад авторов:

О.С. Осипова — концептуальная подготовка текста статьи, научное руководство процессом сбора эмпирического материала и описания полученных результатов.

Р.А. Багдасарова — сбор и обработка статистических данных, в том числе данных официальных аккаунтов министерств в социальных сетях, подбор литературы.

В.А. Лукушин — проведение социологического опроса и интерпретация полученных данных, обзор официальных сайтов органов государственной власти.

Authors' declared contribution:

O. S. Osipova — conceptual preparation of the text of the article, scientific management of the process of collecting empirical material and describing the results obtained.

R. A. Bagdasarova — collection and processing of statistical data, including data from official accounts of ministries in social networks, selection of literature.

V. A. Lukushin — conducting a sociological survey, and interpreting the data obtained, reviewing the official websites of public authorities.

Статья поступила 22.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 22.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36
УДК 321.01(045)

Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников»

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

АННОТАЦИЯ

В статье автор, используя в качестве методологической основы утверждение В.О. Ключевского о том, что деление русского общества на «западников» и «славянофилов» (самобытников) сложилось в XVII в., делает ряд обоснованных заключений. Первое. Главной причиной массовых протестных настроений, начавшихся в 1648 г. и вылившихся в движение «разинцев», стала возросшая ориентация высшей светской и духовной власти на Европу и ее приемы социально-экономической политики. Второе. Именно эта ориентация на рыночные отношения, идущие с Запада, привела к ухудшению жизни рядовых людей. Третье. Ориентация на Европу ослабила позиции русского православия в пользу новых греческих канонов, доверия к которым после Флорентийского собора и гибели Византии было у нас минимальным. Это объяснялось тем, что на греков в России смотрели как на проводников западного влияния, направленного на разрушение России как последнего оплота истинной веры. Следствием означенных взглядов стал небывалый размах движения «разинцев», которое в эпоху правления «самобытника» Ивана Грозного просто не могло возникнуть, наоборот, в то время легко подавлялись протестные настроения «протозападников», что было понятно гражданам и с их стороны имело поддержку.

Ключевые слова: Россия; Степан Разин; «разинцы»; «западники»; «самобытники»; православие

Для цитирования: Асонов Н.В. Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36

ORIGINAL PAPER

The Protest Movement of the “Razintes” as a Manifestation of the Ideological and Political Confrontation between the “Westernizers” and the “Samobytniki”

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

ABSTRACT

In this article, the author applies the methodology of V. Klyuchevsky that states, that the division of Russian society into “Westerners” and “Slavophiles” (“Samobytniki”) was formed in the early 17th century. He made several reasonable conclusions while proving this particular point. Firstly, the main reason for the mass protest mood in the society that began in 1648 and poured out into the movement of the “Razinites” rebellion was the result of the emergence of the orientation of the highest secular and spiritual authorities to Europe and its methods of socio-economic policy. Second. It is precisely this orientation towards strict market relations coming from the West, with poor care for ordinary people’s lives. Thirdly, the orientation towards Europe weakened the position of Russian Orthodoxy favouring the new Greek form of Christian canons, where people had minimal trust in the Florentine Council and resulted in Byzantium’s death. It was also because the Greeks in Russia were viewed as conductors of Western influence to destroy Russia as the last bastion of true faith. The next of the views, as mentioned earlier, was the unprecedented scope of the movement of the “Razinites”. It simply could not arise during the reign of such “original” (“samobytnik”) as Ivan IV the Terrible. On the contrary, at that time, the proto-Western sentiments were easily suppressed, which was, of course, clear to the people and, the policy itself had their support.

Keywords: Russia; Stepan Razin; “Razintes”; “Westerners”; “Samobytniki”; orthodoxy

For citation: Asonov N.V. The protest movement of the “Razintes” as a manifestation of the ideological and political confrontation between the “Westernizers” and the “Samobytniki”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):29-36. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-29-36

В 2021 г. исполняется 350 лет со дня разгрома движения «разинцев» и казни Степана Тимофеевича Разина. Действия этого человека, как и начатого им движения, в научной и учебной литературе до сих пор трактуются в первую очередь как протест против усиления крепостного права, вызванного решениями Соборного уложения 1649 г. Однако разрыв между этими датами определяется возрастом почти целого поколения и требует поиска более убедительной причины, заставившей население взяться за оружие. Интересно, что В. О. Ключевский предпочел оставить историю этого движения за скобками своего лекционного курса и не стал вслед за С. М. Соловьёвым и Н. И. Костомаровым судить о С. Т. Разине как о «разбойничьем атамане» или «выродке», видимо, понимая, что тема «разинщины» гораздо сложнее ее официальной подачи.

Попробуем понять эту сложность через выявление главных идейно-политических антагонистов того времени. Согласно В. О. Ключевскому, этими антагонистами были «западники» и «славянофилы», именовавшие себя «самобытниками». Их воззрения, считает Василий Осипович, «родились в головах людей XVII в., и именно людей, переживших Смуту... Зарождение этих направлений подметил дьяк Иван Тимофеев: «Мы друг друзе любовным союзом растояхомся, к себе кождо нас хребты обращахомся — овии к востоку зрят, овии же к западу» [1, с. 246–247]. Действительно. Хотя новая династия Романовых стремилась к тому, чтобы все было как при прежних государях, последствия смуты имели для социально-политической истории России необратимый характер.

Во-первых, экономический упадок толкал власть на расширение деловых контактов с Западом [2]. Во-вторых, вместе со специалистами в Россию стали проникать идеи, нацеленные на разрушение православной государственности. Причем «западное влияние постепенно проникало во все сферы жизни, изменяя понятия и отношения, напирая одинаково сильно на государственный порядок, на общественный и будничный быт, внося новые политические идеи, ...передельвая ...русского человека» [1, с. 244]. В-третьих, события смуты «поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть... “новый Израиль”, открыв дорогу сторонним влияниям на русские умы» [3, с. 63]. При царе даже возник кружок из высокопоставленных людей, тяготевших к новациям, но не отличавшихся благочестием. В него вошли бояре Никита Романов

и Борис Морозов, глава посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин и ряд других представителей политической элиты.

Надо сказать, что откровенное «западничество» тогда еще не имело влияния в общественных кругах, зато его скрытая форма, постепенно вписывающаяся в православный ценностно-целевой стандарт, набирала авторитет именно во властных структурах. Суть этой скрытой формы выражалась в симпатиях к обновленному православию. Его смысл в 1650 г. раскрыл старец Арсений Суханов. Полемизируя с греками, он указывал им, что под пятой иноверцев православие не может сохранить свою «чистоту». Ради утверждения своего господства победители будут менять веру побежденных в свою пользу. Поэтому у вас «не сыщешь ни одного человека, крещенного правым крещением, и вы мало не соединились с римлянами... Ибо школ еллинского учения не имеете, и книги вам печатают в Венеции, и учиться ходите в Рим... У нас же государь царь православный один сияет благочестием... и Христову Церковь от всяких ересей защищает» [4, с. 358].

К этому аргументу следует присовокупить убежденность «самобытников» той поры в подлинности летописных известий о свободном от греческого влияния религиозно-государственном строительстве на Руси. Так, в главе, повествующей о прародине славян, указывается на ее тождественность римской провинции Илирик, где проповедовал апостол Павел. Таким образом, не греки, а ученик Христа стал первым славянским вероучителем («тем же и словенску языку учитель Павел, от него же языка, и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель Павел...»). Этот же апостол явился основателем и первой славянской церковной организации, возникшей задолго до образования самой Византии, поскольку «поставил есть епископа и наместника по себе Андроника словенскому языку»¹. Такой мифологический факт, дополняющий легенду об Андрее Первозванном, сводил к нулю значимость Византии в организации русской православной государственности.

Недоверие к грекам укреплялось печальными известиями, приходящими в Россию из Турции о стремлении Запада провести на пост Вселенского патриарха своего человека, способного повернуть симпатии православных подданных султана лицом к Европе. Неудобные лица свергались и назначались новые, готовые угождать султану и подавлять

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997. Стб. 27–28.

русофильские настроения своей паствы. Например «патриарх Кирилл Лукарис, семь раз свергнутый и шесть раз возвращавшийся на престол, в конце жизни склонился к соглашению с протестантами». Его место занял Кирилл Контарис, «который в 1638 г. тайно принял католичество» [5, с. 153].

Рост грекофильских настроений как составной части прозападной политики Кремля народ стал связывать с новыми реформами, направленными на развитие товарно-рыночных отношений, ведущих не к улучшению, а к подрыву благосостояния простых людей. Растущий протест вылился в Московское восстание, вспыхнувшее 2 июня 1648 г. Вскоре восстание распространилось на другие города России. «Говорено было притом», «что немцы, друзья изменника боярина Морозова, побывали в Москве как согладатаи и были отпущены им с казной в свою землю». А «государь де молодой глуп, глядит де все изо рта бояр... они де всем владеют, и сам де он государь то все ведает и знает да молчит»². В челобитной, направленной «против высших правителей», подчеркивалось, что государь «от Бога и всего народа был поставлен»³. Поэтому ему следует взять под защиту простой народ. Через неделю в новой челобитной указывалось, что раз «на Москве продают власть», царю надо «призвать к себе ...всяких людей» и узнать от чего они «стонут и плачут»⁴. Собравшиеся решили требовать созыва Земского собора. Через месяц было объявлено о его созыве и выработке «Соборного Уложения».

Новый свод законов показал, что народное восстание и вызванная им смена правительственного кабинета несколько ослабили ориентацию светской власти на Запад. Византийское право, Судебник 1550 г. и постановления Стоглавого собора стали основой нового законодательного сборника. Вместе с тем в качестве источника права сюда вошел «Литовский Статут», разработанный для православных жителей Речи Посполитой в 1588 г. В то же время Уложение начало наступление светской власти на права церкви, идя вразрез с нормами русской юридической традиции. С оглядкой на Запад Глава XIII вводила особый Монастырский приказ. Отныне «священство» и зависимые от цер-

кви люди судились по основной массе дел в государственном, а не церковном суде. Кроме этих ограничений светская власть в Главах XVII и XIX «позаботилась» об ущемлении земельных прав церкви и способствовала потере ее привилегий на посадe⁵. Неслучайно Никон, став патриархом, назвал Соборное Уложение «проклятой книгой» [6, с. 319], в чем получил поддержку общества и охлаждение к нему царя.

Не будем забывать еще одно обстоятельство. В это время царь лелеял план освобождения православных народов из-под власти иноверных властей. А такой план не мог строиться на базе имеющихся религиозно-политических разногласий. В России восточные христиане должны видеть не только свой новый политический, но и духовный центр. Для этого предстояло провести большую работу по унификации всех расхождений в угоду требованиям греческих лидеров восточных церквей. Тем самым царь намеревался получить от будущих подданных необходимую легитимность своей власти. Актуальность данной задачи резко возросла в 1648 г., когда в Запорожье Богдан Хмельницкий поднял восстание против польского гнета и обратился к царю за поддержкой.

При царском дворе Киевский университет считали связующим звеном с «передовыми» идеями Европы и греко-византийским православием. Эта установка открыла путь в Россию украинским «просветителям», переводившим на русский язык сочинения западных мыслителей, отражавшие противные православной государственности воззрения. Украинцам активно помогали числившиеся при Посольском приказе немцы. Выпускаемая ими литература, не встречая противодействия власти, стала пользоваться спросом на книжных рынках, еще больше усиливая раскол русского общества на «западников» и «самобытников». Примером не критичного отношения к западной литературе стали сочинения Милетия Смотрицкого, составившего «Славянскую грамматику». Порвав с православием, он писал «горячие полемические брошюры в защиту латино-униатов» [7, с. 554] и везде старался проводить выгодную римской курии идеологию.

Узнав о намерении царя расширить денежную помощь братьям по вере, в Россию хлынули искатели легкой наживы со всего восточнохристианского мира. Не проходило «ни одного года, когда бы не являлось к нам за нею ...множество пришельцев... из

² Сыскное дело Савинки Корепина. Городские восстания в Московском государстве в XVII в. М., Л.: СОЦЭКГИЗ; 1936. С. 86–87.

³ Челобитная, поданная царю 2 июня 1648 года. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989. С. 142.

⁴ Челобитная «мира» московского царю 10 июня 1648 года. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989. С. 146, 149–150.

⁵ Соборное Уложение 1649 г. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М.: Юридическая литература; 1985.

всех Восточных патриархатов, с Афона, из Сербии, Болгарии и Молдавии. ...Чаще всех присылали ... ходатайства к нашему царю и патриарху Иерусалимские патриархи» [4, с. 396]. А это были представители основанного ими троеперстного устава крещения. Насаждая его в России, они утверждали свое право влиять на русскую государственность и кормиться от ее стола. В этом Иерусалим поддерживали все сторонники троеперстия. Взамен они обещали поддержку царю в его внешнеполитических планах. Причем эта поддержка строилась за счет сохранения и укрепления их идеологического господства в России.

От них «нельзя было ожидать бережного отношения к старине». Они «добивались одного — устроить все так, как у них, и доказать, что Москва — вовсе не третий Рим, что Москва слишком зазналась, что благочестие в ней вовсе не стоит на такой высоте, как думали русские» [8, с. 41]. Поэтому русским следует их слушаться и повиноваться в исправлении книжном и науке духовной. Правительство царя Алексея данную установку не стало оспаривать. С высокой долей вероятности можно утверждать, что после смерти патриарха Иосифа в 1652 г. находящиеся при дворе Алексея представители восточных церквей оказали давление на царя. Благодаря чему на пост патриарха всея Руси попал митрополит Никон как человек, способный уйти от «самобытничества». Это он доказал своей речью при вступлении в должность: хотя «я русский и сын русского, но мои убеждения и моя вера — греческая» [8, с. 45].

Решив ориентироваться на греков, Никон понимал, что его противниками станут широкие слои русского общества, не желающие смотреть на свою страну как на периферию православной цивилизации. Для борьбы с ними Никону и царю нужна была диктатура, концентрирующая широкие властные полномочия в руках одного лица. Ради успешного проведения политической модернизации царь без созыва Земского собора согласился передать решающие властные полномочия патриарху, видимо, полагая, что усиление позиций «священства» минимизирует сопротивление реформе со стороны общества.

Принимая позицию Никона, светская и духовная элита официально отреклась от национальной политической доктрины в том виде, в каком она была сформулирована еще в «Повести временных лет». Ее смысл заключался в обосновании высокого духовного пути Руси и формулировал недоверчивое отношение к грекам: «суть бо греци льсти-

вы и до сего дни»⁶. Это указывало на отсутствие в них врожденной (как у русских) христианской добродетели, что привело Византию к сближению с «духовно оскудевшим» Западом и закончилась ее гибелью. Передавая им право решать формально-сти, «связанные с ритуалом», Никон, по мнению «самобытников», заложил основы гибели самой России как православной державы. Желание «растоптать “старый обряд” было тем более необходимо, что ...Сохранение “старых”, более древних, чем у современных греков на православном Востоке, церковных обрядов, имело глубокий смысл, так как доказывало, что гарантом истинного благочестия является православный самодержец, что истинно благочестивая церковь может существовать лишь под крылом единой монархии» [9, с. 13].

Поэтому, начав борьбу против базовых идеологических положений российской государственности, Никон создал широкое поле для недовольства среди самых разных сословий. Столкнувшись с широким протестным движением, царь легко пожертвовал патриархом ради достижения социального мира. В 1658 г. царь вовсе лишил Никона титула «великого государя» и отгеснил его от государственных дел. Но протестное движение продолжало расти. Теперь в него вошли сторонники Никона, ставшего позиционировать себя в роли «самобытника», пострадавшего от «западников», засевших в Кремле и ради прибыли вредящих России. «Медный бунт» 1662 г. стал тому ярким подтверждением. «Воровской лист» повстанцев обличал изменников бояр «и иныя гости», будто они отпускают «государеву казну королю полскому... и Московскому государству разорение делают большое» [10, с. 213].

Для борьбы с оппозиционерами государь в 1666 г. собрал Большой Собор с участием представителей ряда православных церквей. Причем численный состав высших иерархов был в их пользу. Если Россию представлял один патриарх и пять митрополитов, то приглашенная сторона состояла из двух патриархов и семи митрополитов. Князья восточных церквей, ущемленные позицией московского патриарха, отводившей им второстепенную роль, встали на сторону Алексея Михайловича. Этим они надеялись вернуть себе утраченное при Никоне лидерство в духовной сфере и выступили с обличением Никона как еретика. В ответном слове Никон заявил, что «греческие правила не прямые, те правила патриархи от себя учинили,

⁶ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997. Стб. 70.

а не из правил. После Вселенских Соборов — все враки, а печатали те правила еретики!» [9, с. 11].

Осудив Никона, Большой Собор еще больше укрепил влияние греков на политическую систему России. Постановлениями Собора были запрещены многие важные документы, содержащие в себе идеологическое обоснование самобытного пути развития России и потому прямо связанные с концепцией «Москва — третий Рим». Сюда были отнесена «Повесть о белом клобуке» и все положения Стоглавого собора. Заодно осуждению подверглись составители «Стоглава» во главе с митрополитом Макарием. Отныне Россия исчезала как духовный центр христианства. Ей отказывалось и в особом освященном Богом собственном историческом пути. Это право греки вернули Византии.

Резолюции Собора 1666–1667 гг. стали политическим реваншем греческого духовенства за то, что Россия вышла из-под власти Вселенского патриархата, осудив его и императора Византии за Флорентийскую унию, признавшую духовно-политическое лидерство за папой римским. Поскольку за такую измену делу православия Запад «вся греки... многими дары почтита и злато и серебро»⁷, Россия предпочла обособиться от Второго Рима и встать над ним. С 1440 г. «высшая сакральная сила передается Руси». «Константинополь перестает быть Царьградом, и городом царя оказывается Москва» [11, с. 18] и сохраняет этот статус 1667 г. Вот почему Большой Собор по своим последствиям для России превосходит Земский собор 1648–1649 гг.

На Соборе 1666–1667 гг. подверглись суровому церковному суду идейные противники Никона — «старообрядцы», которых иногда неправильно именуют «раскольниками». Дело в том, что «старообрядцы» как общественное движение не могли возникнуть в результате реформ Никона. Они являлись представителями традиционного со времен крещения Руси православного обряда. Его истинность подтвердил Стоглавый собор, приступив к исправлению нарушений обряда в духе раннехристианских, а не новогреческих правил. По мнению Н. Ф. Каптерёва, именно «старообрядцы» считали себя «борцами за так называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибелью вторжение иностранных новшеств» [12, с. 533].

Из-за этого защита «старой веры» становилась логическим продолжением и развитием теории

«Москва — третий Рим», в которой преемственность «Византия-Москва» не сводилась исключительно к наследию ритуальной атрибутики. Это было восприятие лучших духовных начал христианства. Поэтому социально-политическая установка основной массы «старообрядцев» была призвана защитить не только православную «симфонию священства и царства», но и православную соборность, связанную с русской общинностью, дав начало движению «поповства» во главе с Аввакумом.

Когда Большой Собор в 1667 г. утвердил «безропотного» патриарха Иоасафа II, начались небывалые до того преследования сторонников Аввакума. Ведь по «Уложению» 1649 г., «за преступления против веры и церкви полагалась смертная казнь. Эта статья была распространена и на старообрядцев» [13, с. 2]. Затем открылись гонения против «никониан». В сложившихся условиях царь, не встав на защиту истинной веры, терял в глазах «самобытников» ореол социально-политического величия и превращался в пособника злых сил, связанных с происками грядущего в мир Антихриста. Представители данного движения считали, что Большой Собор окончательно осквернил благочестие «премудрой двоицы». Стала крепнуть мысль о том, что в мире больше нет «ни царя, ни князя, ни святителя православного». Как писал в 1669 г. сподвижник Аввакума дьякон Федор, «во время сие несть царя, един бысть православный царь на земле остался, да и того, не внимающего себе, западные еретицы, яко облацы темни угасиша христианское солнце» [9, с. 19]. Так зародилось демократическое в своей основе движение «беспоповцев». Оно не признало систему церковной иерархии и встало на позиции прямой демократии в виде общинного самоуправления без «священства».

Это сближало взгляды некоторых «старообрядцев» центральной и северной России с той частью казачества, которая была готова встать на защиту веры против «латинства». Неприязнь к нему со второй половины 60-х гг. сделала Дон одним из центров «старообрядчества». Желание отстоять устои православной государственности вело на первых порах представителей выше означенных идейных течений к объединению в единый социальный фронт «самобытников». Возможно, стремление создать такой фронт заставило Степана Разина посетить в конце 1661 г. Соловецкий монастырь, братия которого в 1658 г. «положи соборне да не примуть кнзь техъ, иже есть писание слугъ антихри-

⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Полное собрание русских летописей. Т. XII. М.: Языки русской культуры; 2000. С. 35.

стовыхъ ересь латинская»⁸. Из «Роспросных речей» старца Пахомия, датированных 1674 г., следует, что связь донских повстанцев с этой обителью сохранялась вплоть до ее падения. Причем эти «капитоны чернецы и бельцы из понизовых городов» сыграли главную роль в ее защите, введя, надо полагать, близкую «беспоповцам» практику «немоления» за царя и патриарха.

Если в этом ключе анализировать начальный период восстания, выпавший на 1667–1669 гг., тогда действия Степана Разина следует рассматривать вне контекста походов «за зипунами», традиционно идущих в сторону Черного моря как более удобного и знакомого всей «понизовой вольнице». Не будем забывать, что идея «казацкого воровства» была рождена в правительственных кругах, имевших прямую заинтересованность в создании негативного образа своего противника. Между тем, нейтральные источники рисуют другую картину. Согласно запискам Л. Фабрициуса, «проклятия, грубые ругательства, ... а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить». Если кто-то нарушал нравственные нормы, то «бросали его в воду»⁹.

Теперь перейдем к географии его походов. Мы почему-то забываем, что восточные патриархи и митрополиты прибыли судить русское православие со стороны Персии. От Шемахи их путь лежал вниз по Куре в Каспийское море, и далее от берегов Гиляна они на русских судах плыли до Астрахани и вверх по Волге до Симбирска. От этого города до Москвы добирались уже столбовой дорогой. Причем, двигаясь по реке, они самовольно чинили суд и вели розыск относительно всех противников новых церковных правил. Последний раз они свою волю показали в Симбирске. Здесь патриархи остригли и велели посадить в тюрьму протопопа Никифора за его нежелание служить по новым книгам и троеперстно креститься. При этом в обозе из Астрахани с ними ехал наборщик, решивший завести «латинское воровское согласие и многие римские соблазны» [14, с. 246]. После завершения работы Большого Собора в 1667 г. патриархи отправились той же дорогой, везя с собой богатые дары от царя. Это позволяет предположить, что движение «разинцев» на Волгу и Каспий могло быть вызвано

желанием вернуть увезенное золото и серебро. Возможно, они намеревались выследить этих иереев, прервав их связь с Москвой, идущую через Персию, и не дать им утвердить свою власть и своих людей в низовьях Волги, Яика и Терека.

Другая группа документов, относящихся ко второму этапу движения «разинцев» (1670–1672 гг.), говорит об активном сближении опального патриарха Никона с восставшими. Известно, что клич «Латиняне, латиняне!» Никон наряду с Аввакумом воспринимал как призыв к борьбе с врагами православной Руси. Из «роспросных речей» 1670 г. мы узнаем, что стрельцы слышали от казаков, как те «похваляют бывшего Никона патриарха, что де он, Никон, будет на Москве патриархом по-прежнему». А когда придет в Москву Степан Разин, то он «бояр и всяких начальных людей побьет, и ево де, Никона, возьмут и посадят на Москве на патриаршестве по-прежнему»¹⁰. О том же свидетельствует «Наказная память» архимандриту Чудова монастыря 1676 г. В ней говорится о связи Никона с людьми С. Т. Разина как со своими идейными союзниками. «Приезжал к Симбирску старец от него, Никона, и говорил ему (С. Разину — А.Н.), чтоб ему идти вверх Волгою... А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек, а те де люди у него готовы на Белеозере». И тот Никон «совет имел с ворами и с изменниками Московского государства с единомысленниками Стеньки Разина»¹¹.

Но если в этих документах просматривается желание некоторых групп «разинцев» вернуть власть Никону и тем добиться подчинения ему «царства», как это было до Большого Собора, то в других источниках мы встречаемся с явно противоположной политической установкой. Соглашаясь с тем, что надо побить «изменников бояр», чтобы «вконец не погибнуть», авторы «прелестных писем» говорили, что они «стали за дом пресвятыя богородицы и за ево, великого государя, и за всю чернь». Восставшие обещали не трогать тех, кто будет поддерживать «Царя Алексея Михайловича ... и веру православных христиан». Стоит обратить внимание, что подобные

⁸ Повесть о Соловецком восстании. Факсимилие рукописи XVIII в. «Описание лицевое осады и разорения монастыря Соловецкаго». М.: Книга; 1982. С. 4.

⁹ Из «Записок» Л. Фабрициуса. Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л.: Наука; 1968. С. 56.

¹⁰ 1670 г., августа 26. Из роспросных речей московских стрельцов Г. Свешникова с товарищами о походе С. Разина из Астрахани вверх по Волге. Крестьянская война под предводительством Степана Разина (далее Крестьянская война...). Сб. документов. М.; 1957. Т. II. Ч. 1. № 22. С. 30–31.

¹¹ 1676 г., мая 16. О сношениях бывшего патриарха Никона с восставшими (из Наказной памяти архимандриту Чудова монастыря Павлу). Дело о патриархе Никоне. СПб.; 1897. № 94. С. 345–347.

призывы шли от лица атаманов «Великого войска Данского и Еицкого и Запорожского»¹².

Вместе с тем приведенные нами цитаты вовсе не означают, что у Степана Разина отсутствовали собственные политические цели. В достижении их он мог использовать недовольство самых разных оппозиционных сил и придать им некоторое единство по ряду базовых социальных положений, так как религиозные и политические расхождения восставших такому единству не могли способствовать. Успех Лжедмитрия I еще был свеж в памяти казачества, принявшего деятельное участие в поддержке самозванцев. Недаром Разин держал в своем обозе «персидскую княжну» и «черкасского царевича», которого он выдавал за Алексея Алексеевича — старшего сына царя, якобы спасшегося от смерти в январе 1670 г. и бежавшего на Дон. Теперь Разин, уподобляясь Ивану Болотникову, «по велению государя идет предать смерти всех бояр, дворян, правителей и других высоких особ как изменников и врагов своей страны»¹³. Надо думать, что Степан Разин так и не смог найти общую идеологическую основу борьбы для «поповцев», «беспоповцев», «никониан» и примкнувших к «разинцам» мусульман и язычников Поволжья. Его авторитет упал. Став для всех чужим, он покинул восставших, навсегда выйдя из борьбы. На Дону он с октября по 14 апреля спокойно жил в Кагальницком городке, пока не был схвачен своим крестным отцом. В Москве его казнили 6 июня 1671 г. К началу 1672 г. пала Астрахань, которая, видимо, не приняла Разина, как не принял его Черкасск, закрыв перед ним ворота.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что главной причиной, толкнувшей народ к активной форме протестного движения, стало усиление во властных структурах страны проза-

падной ориентации, поддержанной грекофильской группировкой духовной власти. Таким образом, в сознании широких общественных масс рост крепостного гнета стал следствием усиления «западников», к которым были отнесены и греки. Возврат к «самобытным» корням русской православной государственности виделся «разинцам» единственным средством восстановления прав и свобод «простого всенародства» и возвращения России статуса последнего оплота «истинной веры». Эта принципиальная позиция делала старообрядцев главным оплотом «самобытничества», что, кстати сказать, сохранилось по сей день в их неприятии «западнизма» официальной церкви и всей социально-политической системы России.

В качестве одной из важнейших причин поражения «разинцев» следует считать отсутствие у них идеологического единства, что вело их к взаимным конфликтам и усиливало разобщение рядов. На этот аспект обращали внимание и европейцы, ставшие свидетелями данного народного недовольства: «Ежели бы силы мятежников, число которых умножилось до двухсот тысяч человек, соединились и действовали согласно, нелегко было бы ...одолеть их»¹⁴.

Однако надо отметить важную отличительную особенность всего движения «разинцев». Несмотря на идейную разобщенность повстанцев, их объединяло неприятие всего, что было связано с возрождением удельно-княжеской управленческой модели, которая предусматривала ослабление высшей светской и духовной власти в пользу наследственной аристократии. Таким образом, боярско-княжеское правление не рассматривалось в широких общественных кругах как политическая сила, угодная Богу и способная удовлетворить или защитить насущные интересы народа и веры. Но для победы этого оказалось слишком мало. Ведь аналогичной точки зрения придерживался и царь.

¹² «Прелестные грамоты» Степана Разина и других руководителей восстания. Крестьянская война... Т. II. Ч. 1. № 38, 53, 78, 207. С. 52, 65, 91, 252; Ч. 2. № 60. С. 74–75.

¹³ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным. Материалы по истории СССР. Вып. 3. С. 315, 321–322, 333–336.

¹⁴ Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным. Материалы по истории СССР. Вып. 3. С. 316–317.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. М.: Мысль; 1988.
2. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А. С. Суворина; 1906.
3. Платонов С. Ф. Москва и Запад. Борис Годунов. М.: Богородицкий печатник; 1999.
4. Макарий (Булгаков) м-т. История Русской Церкви. Кн. VI. М.: Изд-е Спасо-Преображенского Валаамского м-ря; 1996.
5. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия; 2003.

6. Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев; 1912.
7. Иловайский Д.И. Новая династия. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ; 2003.
8. Прозоров И.А. История старообрядчества. М.: Москва — Третий Рим; 2002.
9. Богданов А.П. Старообрядцы. *Старообрядчество: история, традиции, современность*. 1994;(1):3–20.
10. Г.Н. Собакин. Описание восстания 1662 г. Материалы по истории СССР. Вып 3. М.: Высшая школа; 1989.
11. Багдасарян В.Э. «Второй Рим против Третьего Рима»: исторический генезис конфликта Константинопольского Патриархата и Русской православной церкви. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019;(3):17–31. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31
12. Каптерёв Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев-Посад; 1909–1912. Т. 2.
13. Юхименко Е.М. Правительственная политика «борьбы с расколом» и история старообрядческого движения XVII — начала XX вв. *Старообрядчество: история, культура, современность*. 2002;(9):2–5.
14. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. VI. М.: Мысль; 1991.

REFERENCES

1. Klyuchevsky V.O. Works. In 9 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
2. Olearius A. Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back. SPb.: Edition of A.S. Suvorin; 1906. (In Russ.).
3. Platonov S.F. Moscow and the West. Boris Godunov. Moscow: Bogoroditskiy printer; 1999. (In Russ.).
4. Macarius (Bulgakov) Metropolitan. History of the Russian Church. Book VI. Moscow: Publishing house of the Spasso-Preobrazhensky Valaam Monastery; 1996. (In Russ.).
5. Andreev I.L. Alexey Mikhailovich. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003. (In Russ.).
6. Filippov A.N. Textbook of the history of Russian law. Part 1. Yuriev; 1912. (In Russ.).
7. Ilovaiskiy D.I. New dynasty. Moscow: Astrel Publishing House; AST Publishing House; 2003. (In Russ.).
8. Prozorov I.A. History of the Old Believers. Moscow: Moscow-the Third Rome; 2002. (In Russ.).
9. Bogdanov A.P. Old Believers. *Staroobryadchestvo: istoriya, traditsii, sovremennost'*. 1994;(1):3–20. (In Russ.).
10. Sobakin G.N. Description of the uprising in 1662. Materials on the history of the USSR. Issue 3. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. (In Russ.).
11. Bagdasaryan V.E. “Second Rome against the Third Rome”: The historical genesis of the conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2019;(3):17–31. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-17-31
12. Kapterev N.F. Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. In 2 vols. Vol. 2. Sergiev-Posad; 1909–1912. (In Russ.).
13. Yukhimenko E.M. Governmental policy of “struggle against schism” and the history of the Old Believers movement of the 17th — early 20th centuries. *Staroobryadchestvo: istoriya, traditsii, sovremennost'*. 2002;(9):2–5. (In Russ.).
14. Solovyov S.M. Works. Book VI. Moscow: Mysl; 1991. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии. Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 21.10.2020; принята к публикации 20.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.10.2020; accepted for publication on 20.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42
УДК 303(045)

Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или «эконометрика» социологии

Т.А. Горошникова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4033-0210>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается появление новой области исследования вычислительной социологии, обеспечивающей основы для количественной оценки социальных процессов и оперирующей большими ресурсами данных. Далее обсуждается перспектива динамики методологии социальной науки: в направлении традиционной социальной науки со способностью систематически выявлять и анализировать проблемы для понимания и объяснения социальных явлений или в направлении новой междисциплинарной области на стыке вычислительной науки и социологии. Приводятся аргументы, основанные на достижениях в объяснении социальных явлений и подтверждающие право сохранения/получения статуса основополагающей дисциплины. В заключение обосновываются утверждения о смене парадигмы в социальных науках в связи с изменениями, происходящими в обществе с появлением новых технологий и требующих от социальной науки понимания масштаба данного явления.

Ключевые слова: вычислительная социология; междисциплинарное взаимодействие; оценка социальных процессов

Для цитирования: Горошникова Т.А. Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или «эконометрика» социологии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):37-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42

ORIGINAL PAPER

Computational Sociology: A Paradigm Shift or “Econometrics” of Sociology

T.A. Goroshnikova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4033-0210>

ABSTRACT

The article discusses the emergence of a new field of research in computational sociology that provides a framework for quantitative assessment of social processes and operates with extensive data resources. Further, the perspective of the dynamics of social science methodology is discussed: towards traditional social science with the ability to systematically identify and analyze problems to understand and explain social phenomena, or towards a new interdisciplinary field at the intersection of computational science and sociology. The author presented arguments based on achievements in explaining social phenomena and confirming the right to maintain/obtain a fundamental discipline status. Finally, the author concluded that the paradigm shift in the social sciences is substantiated in connection with the changes taking place in society with the advent of new technologies and requiring social science to understand this phenomenon's scale.

Keywords: computational sociology; interdisciplinary interaction; assessment of social processes

For citation: Goroshnikova T.A. Computational sociology: A paradigm shift or “econometrics” of sociology. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):37-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-37-42

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция социальных наук с информатикой и инженерией обозначила появление новой области исследования — вычислительную социальную науку [1]. Под термином «вычислительная социология», используемым в статье, понимается новая междисциплинарная область, обеспечивающая основы для количественной оценки социальных процессов и оперирующая большими ресурсами данных. На смену традиционным статистическим инструментам и данным исследований поведения индивида, зачастую смещающих при анализе акценты с процессов, ответственных за поведение системы, предлагаются модели, интенсивно использующие цифровизацию социального мира.

Использование математических методов, аппарата логики, вычислительных процедур в социологии всегда было неоднородно, так как теория науки сама по себе не связана с математической формализацией. Строгие формы математики принципиально отличаются от не менее строгих, но своих форм социологии. Тем не менее исследования, вносящие вклад в социологическую теорию через соединение количественных и качественных методов, представлены в работах многих ученых [2–5]. На одном конце спектра — мнения о плодотворном использовании математических методов для решения социологических проблем с упором на ясность и точность изложения, с другой стороны — рассеянный скептицизм в отношении использования математики из-за особенностей социальной науки, с опасением потери фундаментальных интуитивных суждений.

Активное использование компьютерного моделирования в качестве альтернативы математическим моделям предоставило исследователям возможность проводить крупномасштабные макросоциологические эксперименты, в которых большие и разнообразные группы людей представляют собой набор отдельных социальных систем, а сбор данных фиксирует социальные процессы, эволюционирующие с течением времени. К числовым моделям добавились решения, позволяющие обрабатывать структуры, не содержащие числа: социальные сети и блоги, мобильная телефония, онлайн-игры, финансовые услуги, онлайн-шопинг, социальная реклама и т.д.

Математизация и алгоритмизация, присущие вычислительному моделированию, предлагают социальным и гуманитарным наукам новые способы утверждения статуса количественной науки, иногда неприемлемые для традиционного взгляда социолога, так как следуют методологическому принципу объяснения сложных явлений с помощью законов,

свойственных более простым явлениям. Тем не менее в истории социологии уже есть пример применения парадигм — структурной и интерпретивной — российско-американским социологом П. Сорокиным [6]. Методологическая основа его интегральной парадигмы включает в себя внутренние элементы как взаимодополняющие и контролирующие друг друга, но в пределах одной научной области.

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Границы междисциплинарного взаимодействия математики и социологии до сих пор не очерчены, и только большое количество исследований может обозначить пределы формализации и объяснить необходимость применения математики на пути к пониманию социальных явлений и позволить интерпретировать результат, оставаясь в рамках дисциплинарной ответственности социологии.

Ядро социологии, охватывающее философские, эпистемологические, методологические, теоретические и концептуальные аспекты, окружено предметными областями экономики, религии, права, политики, образования и т.д. Источником новых специализаций в отдельных дисциплинах становятся изменения, связанные с появлением новых технологий, открытий, разделения труда в соответствующей области знания. Специализация в естественных науках в большинстве своем следует принципу увеличения разделения области в пределах границ естественно-научных дисциплин, иногда с возрастающей удаленностью от близких отраслей науки. Источником новых специализаций в рамках социологии являются события, не всегда напрямую связанные с дисциплиной (например, новые общественные движения, возникновение социальных конфликтов, проблем, создание новых институтов, применение концепций и методов социальных наук к новым областям социального обслуживания) [7]. По мере того как общество претерпевает изменения под воздействием новых проблем, интересов или событий, постоянно добавляются новые специализации внутри социологии. Особенность новых цифровых технологий в том, что они меняют общество и методологию, оценивающую изменения в обществе, а также мышление исследователей, скептически относящихся к получению данных нетрадиционными способами: «ловлей» на эффекты и приспособлением последующих пояснений, соответствующих конкретному набору данных. Однако, учитывая текущее состояние социальной теории, было бы серьезной ошибкой игнорировать эти инструменты для основанного на данных

исследовательского анализа, при попытке лучше понять социальную динамику. Именно учет фактов реальной действительности в социологии имеет уникальные последствия для границ и направления дисциплины. Поскольку предметы дисциплины порождаются ее контекстом, специализация в социологии имеет тенденцию стирать границы между дисциплиной, ее объектами изучения и признанными границами других дисциплин. С другой стороны, в социологии многие специализации определяются социальными проблемами, которые связывают социологов с представителями и органами знаний других профессий (например, права, медицины и образования) и дисциплин (например, психологии, политологии и экономики).

Одной из сильных сторон традиционной социальной науки является ее способность систематически выявлять и анализировать проблемы для понимания и объяснения социальных явлений. Внимание, уделенное социальной науке, ориентированной на решение проблем, увеличивает интерес к ней и повышает ее значимость. Еще важнее — решение проблем, имеющих значение в других дисциплинах.

ДОСТИЖЕНИЯ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Традиционное предсказательное использование методов машинного обучения, распространенное среди ученых в области компьютерных наук, ученые-социологи начинают применять для измерения скрытых характеристик в социальном мире.

Социальные явления характеризуются сложностью и многообразием, обусловленными вариативностью состояний. Например, изучение явления миграции и прогнозирование миграционных процессов становится темой исследования ученых различных дисциплинарных областей. Планирование миграционной политики основывается на предположениях, касающихся демографической динамики, политических, экологических и социально-экономических изменений. Разработки и сложность методологий моделирования для оценки миграции ограничены значительным отсутствием входных данных и зачастую их грубым пространственным разрешением. Данные о миграции из традиционных источников, например национальные переписи населения, выборочные обследования и административные источники¹, обычно характеризуются

значительными количественными и качественными различиями, несмотря на растущие усилия правительств и международного сообщества. Перспективный подход к прогнозированию миграции заключается в выявлении и сборе эмпирических данных, надлежащим образом характеризующих явление миграции, а затем — в анализе данных с использованием методов системной динамики и/или машинного обучения. Целью методов машинного обучения при изучении миграции является обобщение еще невидимых данных (например, мобильных телефонов и социальных сетей) и восполнение пробелов в неполных или разрозненных данных путем объединения нескольких источников. Нетрадиционные данные — это в первую очередь Big Data, непреднамеренно созданные и хранящиеся, как правило, в базах данных частных компаний. Растущее число исследований и экспериментов свидетельствует о том, что некоторые виды больших данных особенно перспективны для изучения проблем миграции (<https://migrationdataportal.org/themen/big-data-migration-and-human-mobility>).

Анализ пространственного распределения пользователей мобильных телефонов с учетом анонимных записей о деталях вызовов (Call Detail Records, CDR) дает возможность измерения, прогнозирования миграции и последующего сравнения со статистическими данными, полученными в ходе переписи. Отчеты о вызовах содержат информацию о приблизительном местоположении вызывающего и принимающего абонента, времени и продолжительности вызова, а также о номерах, которые являются их анонимными идентификаторами. Хотя данные CDR обычно более полезны для выявления моделей внутренней миграции, они могут также использоваться для измерения международной миграции на субрегиональном уровне, особенно в сочетании с другими источниками. Например, объединение CDR со спутниковыми данными может помочь картировать перемещения между трансграничными сообществами.

Сами данные и их размер не отвечают на поставленные вопросы и отражают потенциал для решения проблем только при надлежащем использовании данных в теоретической структуре, формирующейся исследователями новой области — вычислительной социологии. Широкий диапазон данных миграции приводит к выбору моделирования прогнозирования в зависимости от уровня масштаба данных: макро-, мезо-, микро-. Наивысшая агрегированная шкала (уровень макроинформации) включает модели отслеживания взаимодействия между страна-

¹ DATA BULLETIN SERIES, Informing the Implementation of the Global Compact for Migration 2018, IOM's Global Migration Data Analysis Centre.

ми/регионами в течение определенного периода времени или мониторинга региональной миграции. Данные мезоуровня могут использоваться для мониторинга поведения отдельных лиц в регионе и создания механизмов обратной связи, которые впоследствии структурируют миграционные потоки. Наборы взаимодействий лиц с их родственниками в общих телефонных чатах, в записях блога в течение определенного периода времени и т.д. отслеживаются на уровне микроданных. Такого рода данные могут представлять поведенческий временной ряд действий человека, более точный способ описания их цифровых следов.

Микромоделю миграции, как правило, основаны на дезагрегированных данных. В качестве входных переменных в микромоделях используются как характеристики регионов происхождения и назначения, так и характеристики лиц, участвующих в миграционных процессах. Выходные переменные могут описывать миграционное поведение индивида (типичное для наблюдаемых территориальных моделей миграционного поведения) или, как в случае макромоделей, агрегированные индикаторы миграционных процессов. Микроданные могут агрегироваться для решения проблем более высокого уровня. Хотя подходы к макро- и микромоделям традиционно развиваются независимо друг от друга, фактические миграционные потоки всегда являются результатом сочетания индивидуальных решений.

Сценарный анализ как мощный инструмент проверки существующих парадигм (парадигмы детерминированного будущего, парадигмы неопределенного будущего и парадигмы стохастического будущего) может использовать системы данных для одновременного запуска огромного количества моделей. Информация о различных исходах, предоставляемая лицам, принимающим решения, с большой скоростью формирует индикативное множество сценариев «что-если» для лучшего понимания предлагаемых политик в режиме реального времени. Учет изменения политики в качестве входных данных предоставляет информацию о ее влиянии на общество и экономику. Социальные данные, поступающие в текстовой форме, могут быть обработаны с помощью инструментов классификации содержания в больших документах, семантического анализа и изучения мнений [8]. Эти инструменты, доступные для исследователей в области социальных наук, делают текст доступным для масштабного количественного анализа.

Несомненно, мощный инструмент вычислительной социологии открывает новые возможности для

изучения в систематическом масштабе социальных изменений, конфликтов, анализа индивидуального самовыражения и сокращает качественно-количественный разрыв в социальных науках.

Богатые данные наблюдений из мобильных приложений, сайтов социальных сетей, дискуссионных форумов и коммерческих платформ представляют собой более детализированную информацию с временными рамками для социологического исследования. Этот тип данных определяет не только выбор индивидов, но и рассмотрение ими альтернатив, корректировку определенных вариантов. С точки зрения причинно-следственного вывода возможно проводить анализ любых наборов данных, даже с бесконечно малыми периодами при точном сопоставлении, опираясь на тысячи индивидуальных и контекстуальных атрибутов, выраженных социально-демографическими переменными [8]. Эти данные, по своей сути, отличаются от тех, которые традиционно используются в социальных науках, что стимулирует интерес социологов к изучению новых методов, включая область машинного обучения. Исследования последнего десятилетия дают повод предполагать возможность изменения научной парадигмы в сторону вычислительной социальной науки в связи с меняющимися затратами на сбор данных и новыми перспективами использования данных микро-, мезо- и макроуровня [9]. В поддержку подобного мышления выступает реалистичная и прагматичная эпистемология цифровых больших данных [10] с объектом, о котором получены полезные знания, отличные от того, что было известно о нем ранее.

ДОВОДЫ ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИОЛОГИИ

В отличие от других общественно-научных дисциплин, социология не просто концентрируется на понятии «общество» как объекте, а скорее, подходит к нему через понимание общественных отношений. Контекст социальных взаимодействий с точки зрения социологии важен, например социологи делают большие различия между понятиями дружбы, сотрудничества и семейными узами. Связи как социальные отношения значимы до тех пор, пока вовлеченные в них лица доверяют и поддерживают друг друга конкретными способами [11]. Социологи объясняют формирование социальной сети особенностями индивидов и контекстом. Основной интерес заключается в понимании того, почему люди хотят поддерживать связи, поиске причины, движущей формирование сети.

В моделях вычислительной социологии понятие связей трактуется более абстрактно и обуславливается наличием данных, что резко контрастирует с определениями, принятыми в социологии. Количественные подходы, основанные на присвоении чисел связям, называемым весами, не останавливаются в концептуализации того, что такое связи, а распространяются на механизмы формирования связей, используемые для объяснения структуры сетей. Наблюдается игнорирование различий в причинах, по которым узлы связей соединяются, особенно если механизмы не вносят изменения в структуру полученной сети. Последствия социальных взаимодействий меняются по мере перехода от одной измерительной шкалы к другой. Одной из первых задач вычислительной социологии является обеспечение соответствия с социологической традицией, заинтересованной, прежде всего, в объяснении социальной сети и ее динамики. Этот подход важен, в том числе, и потому, что помогает задавать правильные вопросы и осмысливать эмпирические результаты.

Исследования, посвященные анализу человеческого поведения, проводятся на стыке социологии и психологии. Очевидная неоднородность в поведенческих рамках наблюдается даже у одного человека в различных ситуациях и временных масштабах. При анализе же динамики человеческой толпы, даже при достижении определенного успеха, отождествление отдельных индивидов с атомами не дает возможности для понимания социальных явлений. Данные и с большим, и с малым разрешением практически не оставляют пространства для собственных интерпретаций результатов. Возможные проверки основных причин наблюдаемых явлений, интерпретации причинных эффектов и переносимости результатов из области вычислительной социологии в концептуальную схему требуют обобщающего механизма, без которого понимание остается неполным, а обобщение за пределами конкретного случая — затруднительным.

Само наблюдение за социальными сетями и поведением индивидов в различных масштабах в течение длительных промежутков времени, сбор доказательств гипотез при анализе стохастических и многогранных социальных явлений — особенная задача, в то время как установление причинно-следственных связей с помощью макросоциальных экспериментов — еще более сложный и зачастую невозможный процесс. Поэтому попытки понять или повлиять на результаты в реальном мире часто приводят к выбору между концентрацией на небольшой части проблемы (в таком случае можно

упустить полную картину) и попыткой охватить все аспекты и не найти решение из-за сложности.

Методологической основой компьютерного моделирования в вычислительной социологии является экспериментальная проверка гипотез, но большое количество зависимых и неустойчивых внешних факторов, влияющих на социальные явления, делают сложным количественное тестирование и проверку социальных теорий с помощью повторных экспериментов в замкнутой среде. Причинно-следственные же законы, устанавливаемые с помощью ресурсоемких моделей большой вычислительной сложности, обычно являются гипотезами, применимыми только к немногим и небольшим системам, и характеризуются сложными функциональными зависимостями. Эти модели обладают меньшей объяснительной способностью. Изменение ситуации и устранение основной критики в адрес вычислительной социологии, вероятно, произойдет при увеличении количества научных исследований, имеющих отношение к социальным наукам, и совершенствовании обобщающего механизма при интерпретации результатов.

Ученые-исследователи, работающие в любой научной области, являются интерпретаторами количественных или качественных данных. Во все времена способность предлагать теории опережала способность проверять их. Утверждение, что вычислительная социология в эпоху больших данных даст ответ на все вопросы, поднятые социологами, преждевременно, так как она следует описательному и прогностическому подходу к социальным явлениям при недостаточном внимании к механизмам, с помощью которых обеспечиваются социальные результаты. Это не замена устоявшихся методов или хорошо зарекомендовавших себя теорий. Скорей всего, новые методы лучше всего подходят для совместной работы при успешном междисциплинарном сотрудничестве, а подготовку междисциплинарных специалистов необходимо начинать в системе высшего образования.

Выводы

Изменения, происходящие в обществе в связи с появлением новых технологий, требуют от социальной науки понимания масштаба данного явления. Традиционная социология не достигла хороших результатов в прогнозах на будущее, но понимание, описание и объяснение социальных явлений очень актуально в деле ее сотрудничества с областью вычислительных наук. Совместный подход обеспечивает новый образ мышления по неразрешенным вопросам.

Утверждения о смене парадигмы в социологии в связи с доступностью данных, где корреляция заменит причинно-следственную связь и где не нужны когерентные модели, не имеют под собой научной основы, объясняющей фактические причинно-следственные механизмы в понимании социальных явлений. Но, независимо от того, привнесет ли фундаментальные изменения вычислительная социология, станет ли она наукой с четкими границами или полностью интегрируется в рамки традиционной социальной науки, вышеупомянутая новая перспектива и методология, основанные на больших данных,

безусловно, станут мейнстримом. Проводя аналогию с экономикой, показывающей высокий уровень количественной оценки в большом количестве теоретических моделей, можно сказать, что социология явно уступает по изящным уравнениям. Однако большинство экономических теорий замкнулись на идеальных предположениях и тоже в значительной степени игнорировали реальные данные, что сделало их красивыми, но непрактичными. Возможно, вычислительная социология трансформируется в вычислительную социэкономику и поможет нам лучше понимать окружающий мир.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Edelman A., Wolff T., Montagne D., Bail C. Computational Social Science and Sociology. *Annual Review of Sociology*. 2020;46(1):61–81.
2. Abell P. Putting Social Theory Right? *Sociological theory*. 2000;18(3):518–523. DOI: <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00118>
3. White H.C. PARAMETERIZE!: Notes on Mathematical Modeling for Sociology. *Sociological theory*. 2000;18(3):505–509. DOI: <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00116>
4. Heise D.R. Thinking Sociologically with Mathematics. *Sociological theory*. 2000;18(3):498–504. DOI: <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00115>
5. Edling C.R. Mathematics in Sociology. *Annual Review of Sociology*. 2002;(28):197–220.
6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Пер. с англ. М.: Астрель; 2006. 1176 с.
Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. Transl. from Eng. Moscow: Astrel; 2006. 1176 p. (In Russ.)
7. Starr J.M. Specialization and the development of sociology: Differentiation of fragmentation? *Qual Sociol*. 1983;(6):66–86. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00987198>
8. Keuschnigg M., Lovsjö N., Hedström P. Analytical Sociology and Computational Social Science. *Journal of Computational Science*. 2018;18(1):3–14. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42001-017-0006-5>
9. Chang R.M. et al. Understanding the paradigm shift to computational social science in the presence of big data. *Decision Support Systems* 2014;(63):67–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.dss.2013.08.008>
10. Hacking I. 2015. Biopower and the Avalanche of Printed Numbers. In: *Biopower: Foucault and Beyond*. Vernon W. Cisney, Nicolae Morar, eds. Chicago: University of Chicago Press. Original edition; 1983:65–80.
11. Hidalgo C.A. Disconnected, fragmented, or united? A trans-disciplinary review of network science. *Applied Network Science*. 2016;(1):1–19. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41109-016-0010-3>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Аркадьевна Горошникова — кандидат технических наук, первый заместитель декана факультета международных экономических отношений, доцент Департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
tgoroshnikova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Goroshnikova — Cand. Sci. (Technical Sciences), First Deputy Dean of the Faculty of International Economic Relations, Associate Professor, Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia
tgoroshnikova@fa.ru

Статья поступила 21.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
УДК 130.2(045)

Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются социокультурные трансформации, происходящие в эпоху цифровизации, затрагивающие в первую очередь ценностные парадигмы социума, которые включают в себя и сами традиции, и общественные институты, их формирующие и поддерживающие. Отмечается, что цифровизация, коренным образом меняя традиционное общество, формирует новые ценностные ориентиры. Выявлено, что стабильность, устойчивость, уверенность в завтрашнем дне заменяются на нестабильность, реактивность и мобильность, формируя две основные тенденции: детрадиционализацию и фундаментализм. Выявлено, что глобальное космополитическое общество порождает глокализацию как форму протеста, в основе которого лежит идея децентрализации и сохранения локальных культур. Отмечено, что элиминируется традиционный институт семьи. Анализ процессов самоидентификации в эпоху цифровизации приводит к выводу о формировании множественной идентичности, всемирного сообщества цифровых транс-индивидов. В конце статьи автор делает вывод о том, что устойчивое состояние незащищенности, неуверенности, постоянная смена точек зрения и социальных ролей порождает поликультурность и гибридность идентичности, а социокультурные трансформации в эпоху цифровизации коренным образом переформируют основные области жизни социума, формируя новые жизненные ценности.

Ключевые слова: социокультурные трансформации; цифровизация; традиционные институты; ценностные ориентиры

Для цитирования: Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48

ORIGINAL PAPER

Socio-cultural Transformations in the Era of Digitalisation

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

ABSTRACT

The article analyses the socio-cultural transformations taking place in the digitalisation era, affecting primarily the value paradigms of society, which include the traditions themselves and the social institutions that form and support them. The author noted that digitalisation, radically changing the traditional society, forms new value guidelines. Further, the author revealed that stability, resilience, confidence in the future are replaced by instability, reactivity, and mobility. It forms two main trends: detraditionalisation and fundamentalism. The author revealed that the global cosmopolitan society generates glocalisation as a form of protest, based on the idea of decentralisation and preservation of local cultures. Also, the author noted that there is the process of eliminating the traditional institution of the family and the creation of its new forms. An analysis of self-identification processes in the era of digitalisation leads to the conclusion about the formation of multiple identities – a worldwide community of digital trans-individuals. The author concluded that a stable state of insecurity, insecurity, a constant change of points of view and social roles gives rise to multiculturalism and hybridity of identity. The author also concluded that socio-cultural transformations in the era of digitalisation fundamentally reformat the main areas of society's life, forming new life values.

Keywords: socio-cultural transformations; digitalization; traditional institutions; values

For citation: Zamaraeva E.I. Socio-cultural transformations in the era of digitalisation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):43-48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48

Скорость цифровых трансформаций беспрецедентна, цифровые технологии стремительно вошли в нашу жизнь и стали основой науки, образования, экономики, промышленности, информационной сферы, во многом изменив различные сферы жизни человека, его привычки, менталитет, образ жизни. Трансформация социума в эпоху цифровизации затрагивает традиционные социальные институты и парадигмы, что обуславливается объективными процессами, происходящими в глобальном мире. «Экспертное мнение в целом едино: эти процессы необратимы, они приобретают глобальный масштаб и обуславливают формирование нового социального устройства в мире» [1, с. 7].

Эти изменения касаются, прежде всего, ценностных парадигм традиционного общества, которые включают в себя и сами традиции, и их формирующие общественные институты, такие как: традиционные трансляторы культуры (университеты, библиотеки, музеи, театры), институт государства, институт семьи и брака, институт трудовых отношений, а также современные средства массовой информации и коммуникации.

В первой четверти XXI в., когда процессы цифровизации определяют основные сферы жизни, можно определить стремительное изменение и разрушение традиционного общества и его ценностных парадигм. Традиционное общество регулируется ритуалом, обычаем, традицией, жесткой сословной социальной иерархией. Традиционному человеку свойственен холизм в восприятии мира, неразрывно-целостное его понимание, не подлежащее изменению, которое несет сакральные смыслы. Место человека в этом мире четко определено, жизнь имеет цель и смысл, который поддерживается всей социальной структурой общества. В таком обществе преобладают коллективистские настроения, индивидуализм не одобряется, нарушение заведенного порядка рассматривается как катастрофа, человек живет в локальном сообществе с сильными родовыми связями, основанными на авторитете и традиции. Это парадигма так называемой «механической солидарности».

Эпоха цифровизации коренным образом меняет эту парадигму, трансформируя, прежде всего, ценностную и смысловую ориентацию. Традиция и ритуал, основанные на повторяемости, устойчивости и стабильности, однозначности смыслов, заменяются неопределенностью и тотальным

плюрализмом во всех областях. Иерархичность традиционного общества размывается, коллективизм заменяется индивидуализмом, традиционные ценности, такие как семья, община, труд, ритуалы, обычаи, заменяются на нечто новое, постоянно меняющееся. Стабильность, устойчивость, уверенность в завтрашнем дне заменяются на турбулентность, реактивность и мобильность; динамичность и риск становятся главными характеристиками цифрового общества начала XXI в., его основной мобилизующей силой.

Традиция — главная концепция консерватизма, которой противостоит детрадиционализация как основная тенденция либерализма. Детрадиционализация ведет к космополитизму, концу традиции, которая сохраняется только в музейном деле и индустрии туризма, когда происходит ее коммерциализация, переходящая в китч. Закрытость и консерватизм традиции трансформируются в свободу, открытость, автономность и независимость, диалог и дискуссию. Современное постиндустриальное цифровое общество, прежде всего западное — это общество вне традиций, что требует от человека самостоятельности в принятии решений и ответственности за свои действия. Если традиция защищает, охраняет, дает устойчивость и уверенность в завтрашнем дне, то детрадиционализация, лишая человека устойчивости, дает свободу действий, освобождение от ограничений прошлого. Уходит традиция — меняется основа для самоидентификации. В традиционном обществе ощущение себя как личности осуществляется за счет стабильности социального положения в рамках общества, разрушение традиции требует активности, создания иной идентичности.

Другой моделью, которая появляется в ответ на разрушение традиции, является фундаментализм. Фундаментализм, по меткому выражению Э. Гидденса, — это «традиции в осаде», это нежелание понять неоднозначность современного мира, отказ от диалога и компромиссов. «Главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. В глобализирующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы. Космополиты приветствуют и воспринимают это культурное многообразие, фундаменталисты считают его тревожным и опасным явлением. Они ищут прибежище в об-

новленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии» [2, с. 20]. Фундаментализм — явление, базирующееся на страхе, неуверенности, растерянности перед стремительно меняющимся миром, чувстве враждебности к тому, что считается причиной неудач. Ресентимент — основа фундаментализма, так как чувство слабости и неполноценности, приводит к формированию такой системы ценностей, которая кардинально отличается от системы ценностей оппонента. Создается образ врага, чтобы свалить на него все неудачи собственной жизни. Фундаментализм, с одной стороны, борется с глобализацией, а с другой, использует все ее достижения, и прежде всего цифровые технологии, в своих целях, что перерастает в кибертерроризм — основную угрозу современности [3].

Социокультурные трансформация цифровой эпохи затрагивают и общественные институты, важнейшими из которых являются традиционные системы транслирования культуры и знаний, каковыми всегда считались университеты, библиотеки, музеи, театры. К концу XX в. эти функции взяла на себя медиасфера, узурпировав право распространять и пропагандировать знания, формируя «желательное» общественное мнение, заменив традиционных «создателей смыслов», писателей, ученых, университетских профессоров, высокообразованных специалистов популярными медийными лицами без специального образования. Именно цифровая реальность способствовала формированию медиапространства как новой реальности. Наиболее влиятельным медийным средством П. Бурдьё [4] считал телевидение, на смену которому сегодня пришел интернет. И речь идет не об отражении действительности, а о создании новой реальности: людей заставляют верить в происходящее на телеэкране и экране монитора. Это мощная «индустрия сознания», циничный безнравственный бизнес, связанный с производством и распространением информации.

Телевидение, а в последнее время интернет являются мощнейшим оружием в политической и идеологической борьбе, именно они мобилизуют социальные группы населения, внушая определенные идеологические установки. СМИ и интернет обладают беспрецедентным влиянием в информационном обществе, однако сами являются заложниками системы, выполняя заказы владельцев медийных корпораций. Поэтому телевидение и интернет как «индустрия

сознания» являются именно символической властью, создающей и навязывающей определенные представления. Информация и коммуникация выступают для производителей как коммерческий продукт, поэтому олигополия новостей — это рынок с несколькими крупными игроками. Именно медийные «интеллектуалы», чей научный кругозор невелик, выступают в качестве «создателей» смыслов, не неся при этом никакой ответственности за распространяемые идеи, мнения, прогнозы. При этом именно дилетантами осуществляется мощное давление на научное и культурное поле, — так медийные лица определяют темы, проблемы, мнения.

В начале XX в. на смену телевидению приходит интернет, и современные интернет-журналисты и блогеры выполняют все те же функции, которые в конце века выполняли тележурналисты, только с большим успехом и на большую аудиторию.

Рынок медийных услуг глобализуется. Транснациональные медиакорпорации, поглощая частные небольшие издания, формируют глобальное информационное пространство, которое для огромного количества людей имеет большее значение, чем включенность в собственную национальную культуру, манипулируют общественным мнением и создают иллюзию свободного информационного поля. К началу нового тысячелетия, по мнению Э. Гидденса, формируется новый цифровой медиапорядок, особенностью которого является не только концентрация собственности в руках крупных игроков, но и переход СМИ от общественных к коммерческим, частным; сокращение государственного регулирования; возрастание многообразия медийных продуктов и преобладание экономической и политической цензуры. В настоящий момент на мировом информационном рынке лидирует несколько глобальных транснациональных корпораций, в числе которых America Online — Time Warner, Walt Disney Co, News Corporation и некоторые др. Продукцией, распространяемой глобальными СМИ, являются не только новостные и развлекательные программы, но и фильмы, сериалы, музыка, реклама, которая тоже глобализуется.

Доминирование западноевропейских и американских транснациональных медиахолдингов обусловлено экономическим и технологическим превосходством, которое продуцирует культурное превосходство, создает европоцентристский «образ мира» для всего человечества. Источником 90% всех информационных сообщений на

международные темы служат четыре западных агентства: Associated Press, UPI (США), Reuters (Великобритания), France Press (Франция), которые определяют идеологический подтекст сообщений. Таким образом, весь мир смотрит на происходящие события глазами «белого человека», «большого брата». Поэтому информационное неравенство — это еще одно проявление доминирования западной парадигмы мышления, так называемый медиаимпериализм.

Важнейший социокультурный институт государства тоже претерпевает значительные изменения. Цифровизация формирует глобальное космополитическое общество, традиционные национальные государства трансформируются в постсовременные, в которых все больше полномочий делегируется международным организациям (ВТО, ООН, МВФ и др.) и транснациональным корпорациям, так как государственное вмешательство в экономику снижается. Легкость миграции и свободное перемещение капиталов ослабляют влияние государства на своих граждан. Европейский союз — ярчайший пример такого транснационального управления, при котором происходит отказ от части суверенитета государств, входящих в его состав. Глобализация — это не только изменение системы мирового хозяйства, но и конец эпохи суверенных государств, когда локальные политические деятели почти ничего не решают и ни на что не влияют. Полномочия отдельных государств переносятся на международный уровень, суверенные государства теряют свою независимость. Становится популярной концепция глобального космополитического общества (global society), согласно которой все люди Земли являются гражданами мира.

Однако следствием глобализации является и проблема автономий на местах, новый регионализм, так называемая глокализация. Глобальные государственные объединения не в состоянии увидеть и решить проблемы регионов. Поэтому активизируется процесс глокализации как формы протеста, в основе которого лежит идея децентрализации и сохранения локальных культур. Ярчайшими примерами таких процессов являются Brexit и референдум о независимости в Каталонии. Особенно ярко проявили себя процессы глокализации в период пандемии 2020 г., когда закрылись границы государств, стало невозможным свободное перемещение не только по миру, но и внутри стран, и глобальное космополитическое общество стало разваливаться буквально на

глазах, потому что западная парадигма мышления — это индивидуализм, в котором нет места единству и сплоченности в минуты опасности.

Областью проявления социокультурной трансформации в цифровую эпоху является и традиционный институт семьи и брака. Существование семьи как малой социальной группы и социального института в традиционном обществе обусловлено общественными потребностями. Семья и брак — это исторически сложившаяся, социально обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая обязанности по отношению друг к другу, обществу, детям. Традиционная семья основывается на неравенстве полов, двойных стандартах по отношению к мужчине и женщине (что можно мужчине, то не дозволено женщине), отсутствии законодательно оформленных прав у детей. Семейные и брачные отношения принципиально меняются в начале XXI в. «Стандартная» семья 50-х гг., где мужчина является добытчиком, а жена домохозяйкой, уходит в прошлое. Углубляется феминизация, расширяются права женщин, они активно участвуют в жизни общества. Традиционный институт семьи в эпоху глобализации и цифровизации заменяется мобильной семейной сетью, раскинувшейся в нескольких странах. Зачастую это двуязычная семья, поэтому билингвизм и полилингвизм все активнее завоевывают мир.

Современная семья не создается для узаконения сексуальных отношений, секс отделяется от продолжения рода, предполагает наличие чувства любви и привязанности друг к другу, чего не было раньше в традиционных браках. Происходит узаконение гомосексуальных отношений и гомосексуальных браков, увеличивается количество семей с одним родителем, женщины все чаще рожают вне брака, осознанно выбирая этот путь. Треть детей рождается вне брака. Все шире заявляет о себе движение «чайлдфри», т.е. осознанный выбор семьи без детей [2].

Традиционные брак и семья — это «институты-пустышки», по выражению Э. Гидденса. Новой ячейкой глобального общества становится «пара», место института брака занимает новая форма — «отношения», не санкционируемые ни обществом, ни государством, легко создающиеся в цифровом пространстве и легко распадающиеся, демократия чувств и отношений, основывающихся на равенстве, доверии, дружбе, открытости

и свободе коммуникации. Однако свобода выбора и отсутствие обязательств порождают инфантилизм, позднее взросление молодежи, стремление уйти от ответственности, эскапизм, в первую очередь цифровой. Именно поэтому пандемия коронавируса привела к стремительному росту количества разводов, ведь общаться и сосуществовать в цифровом пространстве гораздо легче, чем в реальности. По данным Росстата, в апреле 2020 г. было зафиксировано 13,8 тыс. разводов, после снятия ограничений количество выросло до 19 тыс.¹

Социокультурные трансформации затрагивают и область личной идентичности. «Цифровая реальность в определенной мере вытесняет наши языки, культуры, идентичность», — пишет исследователь Е.В. Бестаева [5, с. 83]. Происходит перераспределение личной идентичности, появляются так называемые множественные идентичности, всемирное сообщество цифровых транс-индивидов, которые переходят из одной культурной системы в другую, везде ощущая себя чужими. Устойчивое состояние незащищенности, неуверенности в себе и в завтрашнем дне, постоянная смена точек зрения и социальных ролей, поликультурность, гибридность идентичности приводят к формированию так называемого трикстерного сознания, воспринимающего субъектность как карнавал с различными масками сознания, легко входящими в другие культурные системы, иные идентичности.

Формируется новая социокультурная модель: транс-модерная идентичность, кочевник цифрового мира. Высокая динамика цифровой коммуникации, гибкий рационализм, отсутствие связи информационной картины мира с реальностью приводят к тому, что человек теряет свою идентичность, он не знает, кто он, каков смысл его жизни, каковы его ценности и цели, идентичность становится текучей, фрагментированной, а сознание — клиповым [6].

Не менее важной областью трансформации современного цифрового социума являются трудовые отношения. Глобальные процессы, связанные с четвертой промышленной революцией, с особой остротой ставят проблему трудовых отношений и социального неравенства. Цифровое неравенство наносит удар по экономикам развивающихся стран, стремительно исчезают рабочие

места в связи с автоматизацией и роботизацией. Цифровые технологии используются для того, чтобы обойти трудовые соглашения, фискальные системы, цифровизация ликвидирует рабочие места, меняет экономические, юридические, аксиологические характеристики труда. Многие профессии исчезают, другие исчезнут в ближайшее время. Причем прогнозировать эти тенденции подчас невозможно в связи с появлением так называемых «подрывных» (дизруптивных) технологий, меняющих кардинальным образом наш мир в считанные дни. Прежние трудовые отношения, которые строились на единстве целей, доверии, на основе командного духа, дружного коллектива (Team building), моделей корпоративного менеджмента (когда ответственность за результат несут все члены коллектива), исчезают, так как «человеческое облако» позволяет работодателю быть свободным от социальных и тем более моральных обязательств. Формируется мир прекариата, открывается путь «легальной и нелегальной миграции из стран третьего мира (причем, преимущественно инокультурной)» [8, с. 58], что размывает устойчивость социума. Вместо коллективной ответственности — так называемая распределенная ответственность, вместо единых целей — индивидуальные, новая цифровая реальность формирует новые ценности.

Динамика развития социума в цифровую эпоху ведет к вымыванию так называемого среднего класса, увеличению неравенства. Успеха достигает тот, кто способен в полной мере участвовать в инновационно ориентированных системах через поставку новых идей, остальные становятся неудачниками, и их число растет. Формируется не только социальное, но и онтологическое неравенство. В обществах, где растет неравенство, меньше продолжительность жизни, ниже уровень доверия и благополучия детей и стариков, выше уровень агрессии, психических заболеваний, процент наркомании и самоубийств, эпидемий и несчастных случаев, велик рост социальных рисков.

Таким образом, социокультурная трансформация в эпоху цифровизации, затрагивая основные области жизни социума, переформатирует саму сущность человека, его ценностные и смысловые ориентиры. Гиперкоммутированный высокотехнологичный социум начала XXI в. меняет не только традиционные социальные институты, но и мышление человека, его аксиологические парадигмы.

¹ URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2020/5f4498929a7947297c66f79b>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Весь мир; 2004. 129 с.
3. Волобуев А.В. Фундаментализм в религии, науке и политике: краткий обзор. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-5-439>.
4. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. Перевод с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; 2002. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3061>.
5. Бестаева Е.В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):80–85.
6. Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/10.pdf>.
7. Шатилов А.Б. Элита, лидер, народ в современных развитых государствах: опыт рационального анализа иерархии власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016;6(3);54–60.

REFERENCES

1. Tyurikov A. G., Bolshunov A. Ya. Information technologies as a social challenge of the XXI century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.).
2. Giddens E. *The Elusive World: How Globalization Changes Our Lives*. Translated from English. Moscow: Ves Mir Publishing House; 2004. 129 p. (In Russ.).
3. Volobuev A. V. Fundamentalism in Religion, Science and Politics: An Overview. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-5-439>. (In Russ.).
4. Bourdieu P. *About television and journalism*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 2002. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3061>. (In Russ.).
5. Bestaeva E. V. Sociolinguistic aspect of the development of modern digital technologies. Benefits and risks. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):80–85. (In Russ.).
6. Tlostanova M. V. *Man in the modern world: problems of multiple identity*. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/10.pdf>. (In Russ.).
7. Shatilov A. B. *Elite, leader, people in modern developed states: Experience of rational analysis of the hierarchy of power*. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016;6(3);54–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
zamaraeva_e@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
zamaraeva_e@mail.ru

Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 05.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-49-57
УДК 93(045)

Курс «История» в стратегии гуманитарного образования современного университета*

Е.Г. Панов^а, Е.М. Скворцова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4879-3092>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2965-7415>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается содержание одного из модулей концепции преподавания курса «История», разработанной коллективом авторов для студентов Финансового университета. В этой части курса предполагается проанализировать проблемные моменты исторического развития человечества и место в нем российской цивилизации. Основой анализа является теория волнового развития исторического процесса. В нем выделяются, с одной стороны, ключевые моменты кардинальных изменений трендов развития цивилизации, а с другой стороны, определяются фундаментальные социальные константы (ФСК), обеспечивающие преемственность культурно-исторической традиции. Таким образом, у обучающихся формируется общее представление о законах и характере развития мировой и отечественной истории. Это обеспечивает междисциплинарный историко-философский подход в преподавании, соединяя в курсе «История» исторические данные с ценностными ориентирами эпох, базирующимися на определенных мировоззренческих основаниях. Представленная обучающимся концепция философии истории коррелируется с теориями волн в развитии мировой экономики Н.Д. Кондратьева, а также с антропным принципом в физической теории Большого взрыва. Это позволяет вписать позиции гуманитарного образования в процесс профессионального обучения и связать их с достижениями современных естественных наук.

Ключевые слова: история; волны развития; российская цивилизация; гуманитарное образование

Для цитирования: Панов Е.Г., Скворцова Е.М. Курс «История» в стратегии гуманитарного образования современного университета. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):49-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-49-57

ORIGINAL PAPER

Course “History” in the Strategy of Humanitarian Education of the Modern University**

E.G. Panov^a, E.M. Skvortsova^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-4879-3092>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-2965-7415>

ABSTRACT

The article examines the content of one of the modules of the concept of teaching the course “History”, developed by a team of authors for students of the Financial University. This part of the course is supposed to analyse the problematic aspects of humanity’s historical development and Russian civilisation’s place in it. We based our analysis on the theory of wave development of the historical process. On the one hand, it highlights the key moments of cardinal changes in the development trends of civilisation. On the other hand, defines the fundamental social constants (FSK) that ensure the continuity of the cultural and historical tradition. Thus, students develop a general understanding of the laws and nature of the world’s development and national history. It provides an interdisciplinary historical and philosophical approach to teaching, combining historical data in the “History” course with the value reference points of eras, based on certain worldview foundations. The concept of philosophy of history presented to students is correlated with the theories of waves in the development of the world economy by N.D. Kondratyev and the anthropic principle in the physical theory

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках проекта «Стратегия гуманитарного образования» за счет средств Научного фонда Финансового университета.

** The study was carried out within the framework of the project “Strategy for Humanitarian Education” at the expense of the scientific fund of the Financial University.

of the “big bang”. It makes possible inscribing the positions of liberal arts education in vocational training and linking them with the achievements of modern natural sciences.

Keywords: history; waves of development; Russian civilisation; humanitarian education

For citation: Panov E.G., Skvortsova E.M. Course “History” in the strategy of humanitarian education of the modern university. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):49-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-49-57

О билие информации в сфере современного образования ставит обучающихся в трудную ситуацию. При наличии у них сформированной мировоззренческой позиции необходимые для получения образования сведения укладываются в наличную картину мира. Если же таковая отсутствует или фрагментарна, то «информационный шум» порождает безразличие и внутреннюю незаинтересованность в познании. Возможно, поэтому в сфере гуманитарного образования обучающиеся переходят на позиции здравого смысла, ориентируясь на примитивные бинарные оппозиции, которые подтверждаются данными из сети Интернет [1].

В настоящей статье авторы попытались сформулировать основные проблемы современного исторического познания, которые предполагается взять за основу реконструкции преподавания курса «История» в университете. Вывод обучающихся на уровень проблемного подхода в сочетании с проектным методом проведения практических занятий, на наш взгляд, способен подсказать обучающимся иной «путь в Историю». Это станет существенным вкладом в стратегию современного гуманитарного образования, составляющую тренд развития большинства ведущих университетов мира.

Ключевой проблемой современного исторического познания является определение субъекта развития. Начиная с эпохи Просвещения, традиционно в качестве такового фигурировало государство, что лежит в основании курсов истории в системе среднего образования. Однако уже в прошлом веке сформировалось теоретическое представление о Человечестве как о важнейшем факторе общепланетарной жизни и духовного начала Универсума. Именно этому субъекту приписывается способность в силу своей разумности организовать неповторимые для других существ Земли сообщества: цивилизации, страны, государства. Поэтому предметом анализа выступает само человечество в его поступательном общеисторическом

развитии, а также определяется место каждой его составной части в этом процессе.

Такого рода анализ показывает, что человечество развивалось, будучи поставлено в жесткие условия выживания, и совершенствовалось в ответ на вызовы времени. Сходные траектории выживания в разных пространственно-временных условиях определялись некоторой общностью заданных параметров существования сообществ, в основе которых лежит отличительное свойство человечества — его социальность. Причем смена фаз прогресса-регресса, интеграции-дифференциации, усложнения-дегенерации неизбежно заканчивалась результирующим вектором, отсеивающим недееспособное и дававшим продолжение историческим формам, пригодным к эволюции. Включенность людей в общественные отношения формирует взгляд на историю как на процесс изменения форм человеческого общежития. Наглядная динамика смены таких форм заставляет нас делать вывод о единстве и многообразии мирового исторического процесса.

Формированию подобных представлений способствовали многочисленные факторы, заложившие «планетарное мышление» современного человечества. В первую очередь следует выделить реализацию мечты о путешествиях к звездам, выразившуюся в выходе человека в космос и начале освоения околоземного пространства. Была осознана возможность контакта с представителями других разумных существ, для которых мы выступали бы как представители особого типа жизни. На этом основании возникла проблема выделения общих свойств и характеристик всех людей, которые жили, живут и будут жить на Земле, обозначенных понятием «человечество».

В естественных науках сформировался антропный принцип возникновения нашей Вселенной после Большого взрыва [2]. Согласно ему, конечной причиной обретения именно такого сочетания фундаментальных физических констант (ФФК) материального мира является возможность возникновения Человека [3]. Более того, жизнедеятельность всех людей создает особую оболочку планеты, которая свидетельствует о наличии на

ней разумных существ. Это выявляется спектральным анализом излучения Земли, что создает условия поиска разумной жизни во Вселенной с помощью современных технических средств. Подобного рода выводы послужили основой появления теоретической концепции о ноосфере как особой оболочке нашей планеты [4].

Признанию единства Человечества также способствовал ряд факторов, к которым можно отнести процесс глобализации различных сфер жизни современного общества. Прежде всего, эти процессы затронули сферу коммуникации, создав виртуальную среду, преодолевающую границы пространства и времени. Социальные сети объединяют людей различных государств, культур и языков, формируя единство социального общения, развивающегося по своим собственным законам. Такого же рода сетевые структуры связывают воедино современный мир финансов и денежного обращения, дополняя мировой рынок товаров и услуг элементами символического обмена.

Развитие политических процессов привело к созданию международных организаций, в своей деятельности ориентированных на решение проблем в интересах всего мирового сообщества. Дальнейшее развитие получили процессы межгосударственной интеграции, в результате которых возникло новое европейское сообщество — Объединенная Европа. Установленные в нем порядки оказались привлекательными для представителей совершенно различных наций и культур.

Однако сложились и крайне негативные факторы, которые осознаются как современные глобальные проблемы, затрагивающие все Человечество. Прежде всего, это связано с предотвращением угрозы мировой войны с применением ядерного оружия, а также вывода гонки вооружений в околоземное космическое пространство (концепция «звездных войн»). Всего населения земного шара коснулись экологические проблемы: загрязнение окружающей среды, утилизация промышленных и ядерных отходов, сохранение озоновой оболочки Земли и т.п.

Фактически к концу прошлого века человеком были освоены все части земной поверхности, включая Арктику и Антарктику, горные массивы Центральной Азии и джунгли Амазонки, африканские пустыни и сибирскую тайгу. Именно в ходе этого освоения окончательно возникло осознание единства Человечества в многообразии

жизни людей на нашей планете. В каждом географическом регионе в течение веков сложились традиции наиболее эффективного существования, которые стали предметом исследования и учитывались в создании новых технологий. Обобщенно представления о специфических культурно-исторических традициях многообразной жизни человеческих сообществ получили в науке обозначение через понятие цивилизации [5].

При всей многозначности понятия «цивилизация» [6] можно отметить две существенные характеристики, объединяющие смысловые аспекты его употребления. Прежде всего, этим понятием подчеркивается процесс выделения Общества из Природы и его развитие на собственной основе. Материально-вещественным воплощением такой основы становится комплекс созданных трудом многих поколений предметов быта, зданий, сооружений, предприятий и т.п. Все они необходимы для жизни, но взамен требуют от нас особой деятельности по их сохранению, уходу, ремонту и утилизации. В целом созданный комплекс вещей, становящийся посредником между Природой и Человеком, получил наименование «Вторая Природа» [7]. В некоторых случаях для его обозначения употребляется понятие «материально-техническая база» общества.

Существование посредством этого комплекса созданных людьми вещей требует формирования наиболее эффективного использования «Второй Природы». Это выражается в выработке особых правил и норм пользования вещами, их употребления и утилизации. Так, в обществе формируется особый порядок посреднического взаимодействия со средой обитания, закрепляемый традициями и обычаями. Он находит отражение в сложившейся технике и технологии использования материально-вещественной основы существования, одновременно воспроизводящей и развивающей ее. Это можно обозначить понятием «материальная культура» [8]. В целом материально-вещественный комплекс и присущая ему технология формируют представление об «общественном богатстве».

Воплощением богатства служит производительная способность людей, объединяющихся для его продуктивного присвоения в качестве основы собственной жизнедеятельности. Такое объединение получило наименование «социальная ассоциация», а эффективный способ присвоения ею богатства — хозяйственный уклад или «народное хозяйство» [9]. Способ ведения хозяйства закреп-

пляется в особых навыках работников, способах передачи информации из поколения в поколение и в формирующейся в обществе «концепции труда». Сложившиеся компоненты общественного богатства и хозяйственного уклада, выраженные структурой социальной ассоциации и порядком трудовой деятельности, составляют ядро цивилизации и первую из ее основных характеристик.

Второй из характеристик считается создание цивилизацией особой картины мира и системы ценностей, которые формируют мировоззренческие ориентиры и убеждения членов сообщества. Они закрепляются социальными нормами, реализуются специфическими способами управления социальными процессами и особой формой осуществления власти. Эти особенности создают внешнюю границу культурно-исторической общности, отделяющую ее от других социальных образований, а также отличительные черты «своих» членов. Нарушение ими сложившихся норм может привести к отторжению от общности и переводу в разряд «чужих» [10].

Наиболее ярко особые черты общности представлены в языковой картине мира, которая служит основой для развития естественного языка цивилизации. В нем закрепляются и транслируются все основные способы жизнедеятельности, которые присущи этому сообществу. Язык является основным способом коммуникации внутри «своих» и отличия их от «чужих». Вместе с иными структурами коммуникации им создается специфический «социокод», передаваемый из поколения в поколение [11]. Таким образом осуществляется преемственность основных характеристик цивилизации в историческом пространстве и времени.

Цикличность истории отражает закон общности мирового развития. Колебательная динамика присуща всем явлениям мироздания, от звездного пространства до микромира, от естественных проявлений природы до социальных отношений человечества. Чередование и наложение волн разной величины и качества создают хитросплетение судеб явлений. На сегодняшний день человечество уже пережило шесть мегаволн собственной эволюции: антропогенез, социогенез, этногенез, политгенез, культурогенез, техногенез. Современная информационная стадия развития продолжается примерно полвека [12].

На выходе каждой из зон эволюции получался устойчивый новый качественный жизненный формат отношений, структур и свойств

человечности. Результатом антропогенеза стало формирование современного вида человека разумного. В ходе социальной эволюции были сформированы основы общественного бытия людей. Этногенез привел к появлению больших языковых семей и задал тренд их последующей дифференциации на группы и народы. Политгенез привел к складыванию цивилизаций, городов и государств. Культурогенез закончился формированием мировых религий и философии. Техногенез утвердил современную мирсистемную организацию человечества на базе развития всеобщего товарного хозяйства, технологизма и гегемонизма [13].

Информационный тренд современности задает качественно новое направление человеческой эволюции через синтез биологических, социокультурных и технологических начал, нарабатанных за шесть витков спирали. Возможно сделать вывод о том, что мегаволны эволюции вписываются в еще большие гиперволны, которые нам пока трудно отследить из-за их исторической нереализованности. Однако наблюдается устойчивая закономерность, определявшая движение глобальной истории человечества. Каждый новый виток эволюционной спирали задавался ответом на вызовы Природы с целью сохранения устойчивости созданной искусственной среды обитания человечества посредством прироста умелости и способности к аккумулярованию и передаче информации [14].

На сегодняшний день можно говорить о существовании следующих переходов и стадий развития мировой истории: переход от первобытности к цивилизациям — движение «народов моря» (III тыс. до н.э.); стадия Древнего мира (IV тыс. до н.э. — сер. I н.э.); переход к Средневековью — Великое переселение народов (III–VII вв.) и «юстинианова» чума (VI в.); стадия Средних веков (V–XVII вв.); переход к Новому времени — «Черная смерть» (XIV в.) и эпоха Великих географических открытий (XV–XVII вв.); стадия Нового времени (1640–1917 гг.); переход к Новейшей эпохе: Первая мировая война (1914–1918 гг.) и революции 1917 г. в России; стадия Новейшее время (1917–2021 гг.); переход к постмодерну: пандемия 2021 г. [15].

В эти исторические периоды на смену одним цивилизациям приходили новые культурно-исторические общности, менявшие способ жизни в пределах данной территории. К числу таких «исчезнувших реликтов» обычно относят

цивилизацию майя в Центральной Америке, цивилизацию Междуречья и Древнего Египта [16]. Для характеристики устойчивого долгосрочного культурно-исторического развития определенных регионов употребляется понятие «традиционная культура», которое описывает преемственность цивилизационной эволюции в долгосрочной исторической ретроспективе. Наиболее ярко этот тип развития демонстрируют Китай и Индия. Для Западной цивилизации характерно считать себя продолжением традиций Древней Греции и Древнего Рима, что было отмечено европейским самосознанием уже в эпоху Возрождения.

Цивилизация обладает способностью самостоятельного развития, преодолевающего внешние обстоятельства природного характера и разрешающего внутренние социальные противоречия. Эта способность выражается в специфическом образе жизни, определяемом материально-вещественными и мировоззренческими основаниями, а также в процессе его воспроизводства на определенном географическом пространстве в различные периоды существования этой общности [17].

Образ жизни цивилизации определяет фундаментальные социальные константы (ФСК), которые формируются и трансформируются в процессе ее развития. ФСК наследуются в случае смены одной цивилизации другой с течением времени, а также вовлекают в сферу цивилизационного влияния соседние сообщества, обеспечивая экспансию цивилизации в историческом пространстве. В первую очередь следует отметить константу, формируемую географическим, геоклиматическим и геополитическим факторами [18]. Так возникают континентальные и островные цивилизации, морские державы и степные царства, сообщества жителей лесных или горных массивов. Некоторые цивилизации могут в течение длительного времени находиться в относительной изоляции или, напротив, становятся посредниками на основных торговых путях континента. Эти факторы обуславливают константу хозяйственной жизни, отношений собственности и общественного производства.

Следующая по значимости константа выражает этническую составляющую цивилизации, связанную со структурой семейно-брачных отношений, возникновением национальной идентичности и межкультурных коммуникаций. Эта ФСК выражается в организации повседневной жизни членов сообщества, правилах обыденных

действий и традиций социального общения. Она формируется в процессе, который обозначается понятием «этногенез» [19] и представлена в традициях питания, одежды, устройстве жилища, специфических предметах быта членов сообщества. Именно эти отличия привлекают внимание туристов и выступают «визитной карточкой» иного образа жизни.

Несомненной константой цивилизации является сложившаяся в ней форма социальной организации, принятая для объединения членов общества. Благодаря ей возникает специфическое социальное единство общности, формируются черты социальной однородности и равенства ее членов, а также сложившиеся структуры социальной дифференциации. Социальная структура цивилизации обуславливает механизмы управления социальными процессами и институты власти. Характеристики народовластия и институтов государственности наиболее ярко представляют эту ФСК.

Завершающей константой является специфичная для цивилизации конструкция социальной реальности, формируемая процессами общественного самосознания. Эта константа представлена народными верованиями, фольклором, произведениями искусства и литературы. Обычно ее обозначают как исторически выраженную национальную культуру или мировоззренческую основу цивилизации.

Все ФСК выделяются и описываются не только самой цивилизацией, но и ее соседями и преемниками. Они могут быть представлены в терминах науки или произведениями искусства, разделены по сферам жизнедеятельности общества или по этническим традициям. Чаще всего выделяют хозяйственные или производственные константы, социальные, властные или государственные, а также идеологические или мировоззренческие.

В течение последнего тысячелетия Россия выступает как один из основных субъектов мировой истории, существенно влияющих на процессы развития человечества. Она пережила несколько периодов взлетов и падений, сохраняя территориальную определенность и свои ФСК. Это обусловлено устойчивыми самобытными чертами форм организации жизнедеятельности, а также теми явлениями и процессами, в которых эти черты находят свое выражение. На развитие российской цивилизации существенное влияние оказали следующие объективные факторы.

В первую очередь на всем протяжении своего существования Россия оставалась континентальной державой с большим пространством неосвоенной территории и сложными структурами транспортных коммуникаций. Основными сезонными путями являлись реки, в том числе и в зимний период. Сухопутные передвижения требовали организации особой ямской службы. Одной из тенденций внешней экспансии в течение длительного периода выступала необходимость выхода к морским путям мировых коммуникаций.

Вторым по значимости выступает геоклиматический фактор, который обуславливает специфику общественного производства средств жизнеобеспечения. В целом на всей территории хозяйственная деятельность проходит в неблагоприятных природных условиях. Прежде всего, это касается сельскохозяйственного производства, которое сокращено по циклу до 4–6 месяцев, при резких колебаниях параметров естественной среды: температуры, влажности, т.е. соотношения тепла и осадков. Поэтому в аграрной сфере вложенный труд не дает гарантированного результата и требует жесткого районирования сельскохозяйственных культур [20].

Существенную роль в формировании ФСК играет геополитический фактор. Развитие российской цивилизации протекало в условиях процессов перемещения через занимаемую ею территорию не только товаров («Великий шелковый путь», «Путь из варяг в греки», «Волжский путь»), но и потоков политических процессов колонизации (с Запада на Восток) или миграционных движений с Востока к «последнему морю». В этом отношении вырабатывался собственный цивилизационный механизм социально-культурного симбиоза, включавший в орбиту цивилизационного воздействия соседние народы и сообщества.

Под влиянием этих факторов основные ФСК российской цивилизации формировались и трансформировались в процессе ее волнового развития. В период восходящей стадии волны происходило становление констант в определенной форме, которое накладывало отпечаток на весь процесс развития и существенно влияло на соседние общности. В нисходящей стадии волны ФСК трансформировалась, общность распадалась на отдельные структуры, в которых константы находили новое выражение. Наиболее эффективная форма трансформации начинала доми-

нировать на следующей стадии, что определяло новую восходящую волну. В развитии российской цивилизации можно выделить четыре волны, обусловившие формирование ее ФСК.

Основную константу всех волн исторического процесса принято называть «державность». В содержании этого понятия выражается особый тип жесткой централизации общества, построенный на коллективистских началах образа жизни; минималистском характере потребительской этики; неразделенности ветвей власти, слитых с правами собственности; мессианском типе общественного сознания [21]. Внутренним стержнем развития цивилизации выступает противоречие социальных процессов, которое П.Г. Струве выразил в политическом оксимороне: «антиобщественное государство — антигосударственное общество» [22]. Каждая волна развития трансформировала основную константу, модифицируя лежащее в ее основании противоречие и находя способы его разрешения.

Россия пережила два полных цикла своей истории, причем последний пока представляется еще не оконченным. Оба витка цивилизационной спирали примерно равноценны по времени и составляют по восемь столетий: VI–XIII и XIV–XXI вв. Их изучение требует анализа факторов инициации исторических процессов; духовных ценностей, отражавших ступени общественного самоосознания произошедших перемен; институтов, определявших степень прогрессивного развития страны; важнейших результирующих показателей эволюции прошлого.

Цивилизация русских начал (VI–XIII вв.) стартовала с момента широкого расселения славян на Великой Русской равнине в VI в., завершила свое существование с нашествием монголо-татар и подчинением Руси Золотой Орде в XIII в. Начальный цикл развития способствовал формированию основ общественного бытия Руси как государства и страны: института власти-собственности и модели взаимодействия культур на базе менталитета русского народа с его уникальной способностью непротиворечиво усваивать лучшие достижения других культур.

В первом цикле выделяется стартовая волна первичной консолидации восточнославянского этноса под влиянием включения славян в Великое переселение народов в VI в. Необходимость охранять днепровский торговый путь способствовала объединению племен в единую древнерусскую народность (к VIII в.). Раннее

политическое единство древнерусской территории сложилось в киевский период (IX–XI вв.) посредством переплетения даннических отношений с раннефеодальным государственным строем. Деструкция единства имела место с момента смерти Ярослава Мудрого и продолжалась примерно столетия. Это дало начало первому витку распада Киевской Руси в XII–XIII вв., осложненному внешним вторжением монголо-татар. Однако подчинение Золотой Орде включило исторический стабилизатор — консолидацию русских княжеств в новые социальные образования.

Далее, с XIV в. и вплоть до сегодняшнего дня, мы сталкиваемся с трехфазовым процессом формирования цивилизации российской державности, соответствовавшим стадиям Средних веков (XIV–XVII вв.), Нового (XVIII — начало XX в.) и Новейшего (1917–2021 гг.) времени.

Средневековая волна включает восходящую фазу консолидации, от зарождения Московского княжества в 1276 г. к становлению российского государства в XV–XVI вв., и стремительное нисходящее движение, захлестнувшее Московское царство в Смутное время. Фактором деструкции выступила опричнина (1565–1572 гг.), но она же способствовала аграрному перевороту, вытеснению вотчины поместьем, развитию прогрессивных на тот момент институтов поместного землевладения и обслуживавшего его крепостного права. Фаза стабилизации отношений пришлось на время правления первых Романовых (1613–1689 гг.), когда включились механизмы социальной самозащиты на базе развития новых рыночных отношений, утверждения новых ценностей российской державности. Они выразились в общественном самосознании феноменом священного цезаризма, Святой Руси и идеей единства власти, народа и веры. Акселераторами исторического прогресса средневековой волны оказались завоеватели, причудливая воля грозного монарха и «война всех против всех» в междинастический период.

Волна Нового времени проявила себя в имперской консолидации России, интеграции ее в мировое сообщество, разворачивании модернизационных проектов. Научно-технические революции сыграли роль ускорителей исторического процесса и привели страну к развитию капитализма, формированию в его недрах новых укладов хозяйствования и новых институтов управления. Главную роль играл бюрократический абсолютизм, обслуживавшийся теорией официальной народности. Фазу деструкции общественной жизни запустил кризис крепостнической системы в первой половине XIX в. Эра капитализма в России (1861–1917 гг.) прошла под знаком высокой социально-политической нестабильности, экстремум которой пришелся на 1917 г. Завершился имперский монархический проект России, и стабилизатором российской истории в эпоху хаоса выступили большевики [23].

Волна Новейшего времени задала тренд поиска нового качества интеграции «державности» и «имперскости» Советской России. Первоначально его базой стала идея построения социализма в одной отдельно взятой стране, а после окончания Второй мировой войны — идеология «сверхдержавности биполярного мира». Фактором запуска новой волны отечественной истории стало коренное изменение строя жизни российского государства, поставленного перед фактом необходимости оперативного реагирования на частые смены мировой исторической конъюнктуры.

Представленный проект курса «Истории» выдвигает обучающую стратегию, нацеленную на развитие навыков нестандартного исторического мышления обучающихся. Он органически вписывается в стратегию гуманитаризации образования современного университета. Новый угол зрения на российскую и мировую историю позволит студентам расширять способности проективного сознания и на его основе учиться принимать оптимальные решения в своей будущей профессиональной деятельности во имя процветания Отечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпенкова Т.В. Проблемы преподавания истории в высшей школе. *Вестник МИЭП*. 2017;1(26):76–88.
2. Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности. Философско-религиозные истоки науки. М.: МАРТИС; 1997.
3. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ; 2005.
4. Минасян Л.А. Антропный принцип и становление ноосферного мышления. *Успехи современного естествознания*. 201;1(1):118–120.

5. Мchedlova M.M. Понятие «цивилизация»: история и методология. *Философия и общество*. 1999;(1):149–164.
6. Велижев М. Цивилизация, или Война миров. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019.
7. Шишкина А.А. «Вторая природа» и «Культурный ландшафт» как философские категории. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;1(63):203–206.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2004.
9. Лавров И.В. Взаимосвязь национального богатства и благосостояния в российской переходной экономике: подходы и проблематика. *Управление экономическими системами*. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz: cyberleninka:7255:14857803>.
10. Липкин А.И. Духовное ядро цивилизационной общности. Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. Вып. 2. ИНИОН РАН, Институт Европы РАН, Центр межкультурных исследований. М.; 2004.
11. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М.: Едиториал УРСС; 2004.
12. Степин В.С. Методологические идеи В.И. Вернадского и наука XXI столетия *Философские науки*. 2014;(3):8–22.
13. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век; 2003.
14. Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Гринина Л.Е., Коротаева А.В., Бондаренко В.М. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; 2017.
15. Pop A., Răzvan G. Long Cycles: A Bridge between Past and Futures. 6th International Conference on Future-Oriented Technology Analysis (FTA) — Future in the Making, Brussels, 4–5 June 2018.
16. Никонов А. Исчезнувшие цивилизации: взаимосвязь культур и парадоксы истории. М.: АСТ; 2020.
17. Моисеева Л.А. История цивилизаций. Ростов-на-Дону: Феникс; 2000.
18. Гринин Л.Е. Природный фактор в аспекте теории истории. *Философия и общество*. 2011;(2):168–199.
19. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл; 2001.
20. Цуриков В.И. Влияние географических и природно-климатических факторов на русский менталитет. *Человек и культура*. 2016;(4):15–32.
21. Duncan Peter J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London, Routledge; 2000.
22. Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М.: Проспект; 2014.
23. Grinev A.V. Transformation of the Russian «Leviathan» over the Centuries. URL: https://www.academia.edu/38475663/Grinev_AV_Transformation_of_the_Russian_Leviathan_over_the_Centuries_pdf.

REFERENCES

1. Karpenkova T.V. Problems of teaching history in higher education. *Vestnik MIEP*. 2017;1(26):76–88. (In Russ.).
2. Pavlenko A.N. Anthropoc principle: origins and consequences in European scientific rationality. Philosophical and religious origins of science. Moscow: MARTIS; 1997. (In Russ.).
3. Piyin V.V. Axiology. Moscow: Publishing house of Lomonosov Moscow State University; 2005. (In Russ.).
4. Minasyan L.A. Anthropoc principle and the formation of noospheric thinking. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya*. 201;(1):118–120. (In Russ.).
5. Mchedlova M.M. The concept of “civilisation”: History and methodology. *Filosofiya i obshchestvo*. 1999;(1):149–164. (In Russ.).
6. Velizhev M. Civilization, or the War of the Worlds. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2019. (In Russ.).
7. Shishkina A.A. “Second nature” and “Cultural landscape” as philosophical categories. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul’turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2016;1(63):203–206. (In Russ.).
8. Ionin L. G. Sociology of culture. Moscow: Publishing house of the State University “Higher School of Economics”; 2004. (In Russ.).

9. Lavrov I.V. Interrelation of national wealth and welfare in the Russian economy in transition: approaches and problems. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:7255:14857803>. (In Russ.).
10. Lipkin A.I. The spiritual core of a civilisational community. Synthesis of civilisation and culture. International almanac. Issue 2. INION RAS, Institute of Europe RAS, Center for Intercivilisational Studies. Moscow; 2004. (In Russ.).
11. Petrov M.K. Language. Sign. Culture. Moscow: Editorial URSS; 2004. (In Russ.).
12. Stepin V.S. Methodological ideas of V.I. Vernadsky and science of the XXI century *Filosofskiye nauki*. 2014;(3):8–22. (In Russ.).
13. Pantin V.I. Cycles and waves of global history. Globalisation in the historical dimension. Moscow: New century; 2003. (In Russ.).
14. Kondratiev N.D. Crises and forecasts in the light of the theory of long waves. A look from the present / ed. Grinina L.E., Korotaeva A.V., Bondarenko V.M. Moscow: Moscow Uchitel publishing house; 2017. (In Russ.).
15. Pop A., Răzvan G. Long Cycles: A Bridge between Past and Futures // 6th International Conference on Future-Oriented Technology Analysis (FTA) — Future in the Making, Brussels, 4–5 June 2018.
16. Nikonov A. Disappeared civilisations: interrelation of cultures and paradoxes of history. Moscow: AST; 2020. (In Russ.).
17. Moiseeva L.A. History of civilisations. Rostov-on-Don: Phoenix; 2000. (In Russ.).
18. Grinin L.E. The natural factor in the aspect of the theory of history. *Filosofiya i obshchestvo*. 2011;(2):168–199. (In Russ.).
19. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and the Earth's biosphere. St. Petersburg; Kristall; 2001. (In Russ.).
20. Tsurikov V.I. The influence of geographic and climatic factors on the Russian mentality. *Chelovek i kultura*. 2016;(4):15–32. (In Russ.).
21. Duncan Peter J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London, Routledge; 2000.
22. Kornev A.V. State and Law in the Context of Conservative and Liberal Ideology: An Experience of Retrospective Analysis. Moscow: Prospect; 2014. (In Russ.).
23. Grinev A.V. Transformation of the Russian “Leviathan” over the Centuries. URL: https://www.academia.edu/38475663/Grinev_AV_Transformation_of_the_Russian_Leviathan_over_the_Centuries_pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Генрихович Панов — кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
EPanov@fa.ru

Елена Михайловна Скворцова — кандидат исторических наук, доцент, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
EMSkvortsova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Evgeny G. Panov — Cand. Sci. (Philosophical Sciences), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
EPanov@fa.ru

Elena M. Skvortsova — Cand. Sci. (Historical Sciences), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
EMSkvortsova@fa.ru

*Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 15.12.2020.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 15.12.2020.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65
УДК 325.254.4(045)

Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию*

К.В. Аршин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – анализ возможных негативных последствий расширения масштабов кризисной миграции из стран Центрально-Азиатского региона (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан) на территорию Российской Федерации в связи с активизацией террористических организаций, действующих в Афганистане. Предметом статьи выступают вероятностные характеристики подобной кризисной миграции, ее объемы и направления, а также потенциал субъектов Российской Федерации (которые могут стать основными реципиентами такой миграции) по рецепции массовой кризисной миграции. Итогом исследования стал список субъектов Российской Федерации, для которых массовая кризисная миграция из стран Средней Азии может представлять опасность. Также автором предложены модельные меры по купированию негативного воздействия кризисной миграции на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: кризисная миграция; терроризм; Центральная Азия; афтершок; Афганистан; пограничные регионы; беженцы; диаспора

Для цитирования: Аршин К.В. Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):58-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65

ORIGINAL PAPER

The Risks of Crisis Migration from Central Asia to Russia**

K.V. Arshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the possible negative consequences of expanding the scale of crisis migration from the countries of the Central Asian region (Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan) to the territory of the Russian Federation in connection with the activation of terrorist organizations operating in the territory of Afghanistan. The subject of the article is the probabilistic characteristics of such crisis migration, its volumes, and directions, and the potential of the constituent entities of the Russian Federation, which can become the main recipients of such migration, according to the reception of mass crisis migration. The study's result was a list of constituent entities of the Russian Federation for which massive crisis migration from Central Asian countries could be dangerous. Model measures have also been proposed for stopping the negative impact of crisis migration.

Keywords: crisis migration; terrorism; Central Asia; aftershock; Afghanistan; border regions; refugees; diaspora

For citation: Arshin K.V. The risks of crisis migration from Central Asia to Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):58-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Регион Центральной Азии в XXI столетии превратился в один из важнейших геополитических регионов мира. С одной стороны, он выступает «узлом», связывающим четыре ядерные державы планеты — Россию, Китай, Пакистан и Индию [1]. С другой стороны, служит важным транспортным коридором для создания амбициозного логистического проекта — «Новый шелковый путь», — призванного связать Азиатско-Тихоокеанский регион с рынками Европы [2, 3]. Тот факт, что страны региона граничат с Афганистаном, в значительной мере предопределил интерес к ним со стороны Соединенных Штатов Америки.

Военные и внешнеполитические усилия России также сосредоточены на поддержании стабильности в регионе [4], в котором вопрос терроризма стоит крайне остро. Так, в настоящее время на границе Центрально-Азиатских государств со стороны Афганистана террористические организации: Исламское государство, Талибан, Аль-Каеда (все запрещены в Российской Федерации) сосредоточили значительные силы. По оценкам командующего пограничными войсками Государственного комитета национальной безопасности Таджикистана (ГКНБ), генерал-полковника Раджабали Рахмонали, численность боевиков указанных террористических группировок в приграничных провинциях Афганистана (Бадахшан, Кундуз и Тахор) составляла более 16 тыс. чел., из которых более 6 тыс. — иностранные наемники (<https://regnum.ru/news/polit/2580897.html>). Факт скопления боевиков в приграничных провинциях подтвердило министерство обороны Афганистана, указав, что в ряде районов Бадахшана, Тахора, Джузджана и Фарьяба действуют тренировочные лагеря «Исламского государства» (<https://rus.azattyq.org/a/29671838.html>). Начало 2019 г. было отмечено ростом активности террористических групп в провинциях Кандагар, Фарьяб и Фарах [5].

Изложенная информация подтверждается отчетом Совета Безопасности ООН, в котором также говорится о концентрации боевиков «Исламского государства» и «Аль-Каеды» вдоль границы Афганистана со странами СНГ, а именно — в провинциях Бадахшан, Кундуз, Балх, Сари-Пуль и Фарьяба. По преимуществу

боевики указанных группировок являются уроженцами Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Северного Кавказа и Пакистана (https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2019/02/N1846950_EN.pdf).

Поскольку численность террористов недостаточна для полномасштабного вторжения, они предпочитают использовать такие методы борьбы, как террористические акты. Последние реализуются представителями «спящих ячеек», которые создаются террористами, проникающими на территорию стран ЦАР под видом местных жителей. Так, в Таджикистане, который рассматривается в качестве наиболее уязвимой для террористов страны, за 2018 г. было совершено 11 терактов (<https://easaily.com/ru/news/2019/02/14/v-tadzhikistane-v-2018-godubylo-zaregistrirvano-11-teraktov>). Вместе с тем террористы предпринимают попытки вторжений на территорию страны. Одним из последних примеров может служить нападение в ночь на 6 ноября 2019 г. на погранзаставу «Ишкобод» в Таджикистане (<https://stanradar.com/news/full/37017-napadenie-na-pogranzastavu-v-tadzhikistane-preduprezhdenie-dlja-vsego-regiona.html>).

Однако, в случае вывода подразделений армии США из Афганистана, террористические атаки могут стать более частыми и усилиться, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе может привести к дестабилизации обстановки в регионе и вызвать массовую вынужденную миграцию [6, 7].

Таджикистан является одной из самых больших стран региона. По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, на 1 января 2019 г. численность населения составляла 9126,6 тыс. чел. При этом в стране наблюдается крайне высокий суммарный коэффициент рождаемости. Он составляет 3,7 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста. Средний размер семьи — 6 чел. Важно отметить, что в регионах, непосредственно граничащих с Афганистаном, проживает 3265,1 тыс. чел. (Горно-Бадахшанский автономный район — 216,9 тыс. чел., Хатлонская область — 30,48,2 тыс. чел.), что составляет около 35% населения страны.

В Узбекистане, по данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан, в 2019 г. численность населения достигла

33,7 млн чел. при растущем коэффициенте рождаемости, который, по состоянию на 2019 г., составил 23,5 чел. на 1000 населения (за аналогичный период прошлого года — 22,5 чел. на 1000 населения). Средний размер семьи — 5,7 чел. В Сурхударьинской области, которая непосредственно граничит с Афганистаном, по состоянию на 1 января 2019 г. проживало 2569,3 тыс. чел., что составляет 7,6% от населения страны.

Кыргызстан не граничит непосредственно с Афганистаном, но социально-политическая обстановка, а также демографические показатели делают данное государство одним из наиболее уязвимых в регионе. Общая численность населения страны составляет 6,4 млн чел. При этом население по территории страны распределено неравномерно. Наиболее густонаселенные области — Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская и город Ош. В указанных районах проживает 3,4 млн жителей, или 53% населения республики. Также значительная часть населения проживает в Чуйской долине — 1,9 млн чел. (31% населения страны). Важно отметить концентрированное проживание крупнейших национальных меньшинств страны. Так, узбеки, численность которых составляет 918 262 чел., сконцентрированы на юго-западе страны в приграничных с Узбекистаном районах. Русские (численность — 352 960 чел.) преимущественно проживают на севере страны¹.

Важно отметить, что именно Российская Федерация выступает важнейшим направлением для трудовых мигрантов из указанных стран [8]. По экспертным оценкам, Россия служит конечным пунктом для «85% трудовых мигрантов из Таджикистана, 60% трудовых мигрантов из Кыргызстана и около 70% трудовых мигрантов из Узбекистана» [9]. В абсолютном выражении указанные цифры выглядят следующим образом. За 2018 г. на миграционный учет в России поставлено 2,3 млн граждан Таджикистана, 876 тыс. граждан Киргизии и 4,5 млн граждан Узбекистана. За 9 месяцев 2019 г. на миграционный учет поставлено 2,09 млн граждан Таджи-

кистана, 751 тыс. граждан Киргизии и 3,7 млн граждан Узбекистана².

Таким образом, статистическая информация свидетельствует о том, что именно указанные три страны выступают лидерами по потокам трудовых мигрантов в Российскую Федерацию.

Однако граждане этих же стран в значительной степени формируют диаспоральные структуры в Российской Федерации, получая разрешение на временное проживание, вид на жительство или гражданство.

Статистика Главного управления по вопросам миграции МВД России свидетельствует, что в течение 2016–2019 гг. из указанных стран РВП, ВнЖ и гражданство получили 575 204 чел. (табл. 1–3). Поскольку за данный период РВП, ВнЖ и гражданство получили в общей сложности более 2,86 млн чел., численность представителей государств Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана и Киргизии) составляет 20,1% от всех иностранных граждан, получивших за данный период РВП, ВнЖ и гражданство России.

Безусловно, в рамках общей численности населения России указанное число получивших РВП и ВнЖ, а также получивших гражданство России жителей Таджикистана, Узбекистана и Киргизии незначительно и составляет 0,39% от общей численности населения. Однако если принять во внимание среднюю численность семей в указанных странах, то в случае развития негативного сценария потенциальное количество беженцев будет составлять около 1,56% от населения страны (при консервативном расчете численности семей в 4 чел. фактически цифра будет больше).

Какова возможная численность вынужденных мигрантов в случае активных боевых действий в регионе? История современных локальных конфликтов свидетельствует, что в случае начала военных действий общая численность беженцев, ищущих убежище в другой стране, в общей численности населения, фиксируемого в предвоенные годы, составляет от 4,7% (как в случае боевых действий во время гражданской войны в Таджикистане 1992–1993 гг.) до 23–30% (как в случае событий на Украине 2014–2018 гг. и Сирии 2012–2018 гг.). Взяв среднее значение в 14–15% от численности довоенного населения,

¹ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: <https://stat.tj/ru/>; Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://data.gov.uz/ru/sphere/authority/28>; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/>.

² Ведомственная статистика ГУВМ МВД России, опубликованная на сайте МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

Таблица 1 / Table 1

Численность граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, получивших разрешение на временное проживание в Российской Федерации / The number of citizens of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan who received a temporary residence permit in the Russian Federation

№ п/п	Страна	Численность иностранных граждан, получивших разрешение на временное проживание в Российской Федерации (чел.)			
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	9 месяцев 2019 г.
1	Узбекистан	41 547	36 469	27 768	18 946
2	Таджикистан	33 157	19 563	39 954	34 068
3	Киргизия	7 125	7 572	7 771	5 618

Источник / Source: составлено по данным сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/> compiled by the author according to the website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/>.

Таблица 2 / Table 2

Численность граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, получивших вид на жительство в Российской Федерации / The number of citizens of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan who received a residence permit in the Russian Federation

№ п/п	Страна	Численность иностранных граждан, получивших вид на жительство Российской Федерации (чел.)			
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	9 месяцев 2019 г.
1	Узбекистан	19 918	18 605	21 488	21 488
2	Таджикистан	17 882	19 563	24 778	21 921
3	Киргизия	6 338	4 986	5 006	3 677

Источник / Source: составлено по данным сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/> compiled by the author according to the website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/>.

Таблица 3 / Table 3

Численность граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, получивших гражданство Российской Федерации / The number of citizens of Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan who received the citizenship of the Russian Federation

№ п/п	Страна	Численность иностранных граждан, получивших гражданство Российской Федерации (чел.)			
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	9 месяцев 2019 г.
1	Узбекистан	23 216	23 334	21 067	13 641
2	Таджикистан	23 012	29 039	35 732	30 358
3	Киргизия	9 316	8 777	8 793	6 711

Источник / Source: составлено по данным сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/> compiled by the author according to the website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/>.

Таблица 4 / Table 4

Численность таджиков, узбеков и киргизов в регионах, граничащих с Казахстаном, а также уровень экономического развития данных регионов / The number of Tajiks, Uzbeks and Kyrgyz in the regions bordering Kazakhstan, as well as the level of economic development of these regions

№ п/п	Наименование субъекта РФ	Численность диаспоры (чел.)			ВРП на душу населения в разрезе субъектов РФ на 2017 г., руб.	Средняя заработная плата, на 01.09.2019 г., руб.
		Таджикской	Узбекской	Киргизской		
1	Астраханская обл.	932	2658	402	413 440,6	33 875
2	Волгоградская обл.	4674	6947	292	305 129,9	31 764
3	Саратовская обл.	1686	2909	547	270 766,2	26 647
4	Самарская обл.	7195	11 242	2105	422 024,7	34 857
5	Оренбургская обл.	4093	4964	688	414 936,9	32 198
6	Челябинская обл.	7375	6446	1410	385 559,9	36 407
7	Курганская обл.	569	536	504	236 364,7	29 580
8	Тюменская обл.	14 328	14 743	8652	1 900 322,7	69 345
9	Омская обл.	1257	2810	1578	331 087,6	34 367
10	Новосибирская обл.	10 054	12 655	6506	409 763,0	37 224
11	Алтайский край	2087	2763	558	215 768,4	27 708
12	Республика Алтай	123	262	238	204 895,4	31 944

Источник / Source: составлено на основании данных Всероссийской переписи населения 2010 г. / compiled by the author based on data from the 2010 All-Russian Population Census.

число вынужденных мигрантов можно оценить: для Таджикистана в 1277 тыс. чел., для Узбекистана — 4721 тыс. чел., для Киргизии — 910 тыс. чел. Итого — 6908 тыс. чел.

Принимая во внимание, что Российская Федерация не имеет общих границ с рассматриваемыми странами Центральной Азии, справедливо будет предположить, что часть беженцев останется в государствах, непосредственно граничащих с республиками. Это, прежде всего, Казахстан, который отличается высоким уровнем жизни (сопоставимым с уровнем жизни в России и превосходящим уровень жизни в сопредельных государствах Центральной Азии), но, вместе с тем, имеет серьезные проблемы в миграционной сфере и сфере межнациональных отношений [10]. Как следствие, по аналогии с событиями в Сирии, можно предположить, что численность вынужденных мигрантов, которые предпочтут остаться в Казахстане, составит около 50% (численность сирийских беженцев в Турции — чуть более 3,6 млн чел. при общей численности беженцев в 6,8 млн чел.). Таким образом, можно ожидать, что численность вынужденных мигрантов, которые придут

в Российскую Федерацию, составит порядка 3–3,5 млн чел.

В настоящее время с Казахстаном граничат 12 субъектов Российской Федерации — Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская и Новосибирская области, Алтайский край и Республика Алтай. Очевидно, что наиболее популярными у вынужденных мигрантов будут области, в которых в наибольшей степени представлены диаспоры тех народов, к которым принадлежат данные мигранты, а также субъекты Российской Федерации, отличающиеся высоким уровнем экономического развития.

Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют, что наибольший интерес для вынужденных мигрантов будут представлять Тюменская, Новосибирская, Челябинская и Самарская области. Указанные регионы характеризуются большой численностью диаспоры, а также высоким валовым региональным продуктом на душу населения и хорошими средними заработными платами. Меньший интерес будет представлять Волгоградская область, но в данном случае относительно

Таблица 5 / Table 5

Количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в субъектах Российской Федерации / The number of foreign citizens registered with the migration registration in the constituent entities of the Russian Federation

№ п/п	Наименование субъекта РФ	Численность иностранных граждан, поставленных на миграционный учет (чел.)		
		2017 г.	2018 г.	9 месяцев 2019 г.
1	Астраханская обл.	129 416	146 114	97 609
2	Волгоградская обл.	164 956	186 563	139 589
3	Саратовская обл.	95 743	101 479	78 223
4	Самарская обл.	302 286	305 700	216 463
5	Оренбургская обл.	116 541	106 923	86 060
6	Челябинская обл.	7 375	206 713	164 527
7	Курганская обл.	23 727	23 930	17 683
8	Тюменская обл.	176 113	202 841	158 634
9	Омская обл.	89 720	100 731	85 150
10	Новосибирская обл.	280 459	313 759	264 231
11	Алтайский край	85 130	20 660	72 642
12	Республика Алтай	10 995	12 072	10 968

Источник / Source: составлено по данным сайта МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/> compiled by the author according to the website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/>

низкое экономическое развитие региона будет компенсироваться многочисленностью диаспоры, а также более мягким климатом. Привлекательность данных субъектов для иностранных граждан подтверждают данные *табл. 5*.

Вместе с тем данные регионы крайне неравномерны по показателям социально-экономического развития, и массовое прибытие вынужденных мигрантов может привести к росту социального напряжения. В *табл. 6* представлены данные регионов, которые, предположительно, будут наиболее популярны у вынужденных мигрантов.

Из *табл. 6* следует, что наиболее проблемными могут стать Новосибирская, Волгоградская и Челябинская области, наименее проблемной — Тюменская область. Также рост социального напряжения может наблюдаться в Самарской области.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В связи с тем, что определенная часть прибывших мигрантов будет трудоспособного

возраста, встанет вопрос о необходимости их скорейшего трудоустройства с целью адаптации к социально-экономическим отношениям в Российской Федерации и уменьшения нагрузки на пункты временного размещения. Для реализации данных задач возможно принятие следующих мер:

1. Обеспечение вынужденных мигрантов возможностью получения патента на право осуществления трудовой деятельности на территории России:

- предоставление права на прохождение комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации с существенным уменьшением платы либо с возможностью внесения платы в течение определенного срока после прохождения экзамена, либо бесплатно;
- расширение действия патента на осуществление трудовой деятельности на территории России на комплекс субъектов Российской Федерации.

**Показатели социально-экономического развития субъектов Российской Федерации /
Indicators of socio-economic development of administrative entities of the Russian Federation**

№ п/п	Наименование субъекта РФ	Показатель		
		Качество жизни по данным на 2018 г.	Доступность медицинской помощи (Интегральный рейтинг за 2012–2017 гг.)	Уровень безработицы за 2018 г. (%)
1	Волгоградская область	47,307 (3-е место по РФ)	0,51903 (17-е место по РФ)	5,7
2	Самарская область	54,214 (18-е место по РФ)	0,40068 (71-е место по РФ)	3,7
3	Челябинская область	52,435 (23-е место по РФ)	0,46118 (43-е место по РФ)	5,5
4	Тюменская область	56,302 (14-е место по РФ)	0,46159 (42-е место по РФ)	3,1
5	Новосибирская область	51,249 (24-е место по РФ)	0,43854 (53-е место по РФ)	6,2

Источник / Source: составлено по данным Рейтинга доступности и качества медицинской помощи в субъектах Российской Федерации. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/24/1508583695/WP8_2019_01____.F.pdf; Рейтинга российских регионов по качеству жизни от 18.02.2019 г. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html>; Сайта Росстата. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/13.htm / compiled by the author according to the Rating of the availability and quality of medical care in the administrative entities of the Russian Federation. URL: https://www.hse.ru/data/2019/05/24/1508583695/WP8_2019_01____.F.pdf; Rating of Russian regions by the quality of life from 18.02.2019. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html>; Rosstat website. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/13.htm.

2. Соблюдение социально-экономических прав вынужденных мигрантов:

- расширение прав (распространяющихся на недееспособных, а также получивших средней тяжести и тяжелые увечья в результате конфликта, вызвавшего вынужденную миграцию), предоставленных прибывшим на территорию России в экстренном массовом порядке гражданам Украины;

- поскольку для определенной части вынужденных мигрантов, очевидно, будет действовать запрет на въезд на территорию Российской Федерации, необходимо будет принять меры по снятию с них данного запрета.

3. Обеспечение для вынужденных мигрантов права на получение гражданства Российской Федерации:

- предлагается разработать правовые механизмы предоставления вынужденным мигрантам возможности получения гражданства Российской Федерации при сохранении гражданства страны-исхода в течение периода конфликта, ставшего причиной вынужденной миграции, и предусматривающие механизмы необходимого отказа от одного из гражданств в случае прекращения действия причин, ставших основанием для вынужденной миграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малышева Д. Б. Центральнаяазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН; 2010. 100 с.
2. Базаров В. Б. «Новый шелковый путь» и евразийский логистические проекты XXI столетия. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2018;(25):132–138.
3. Гарбузарова Е. Г. Транспортно-коммуникативный потенциал Центральной Азии в фокусе интересов глобальных акторов. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук.* 2019;(2):137–147.
4. Паскачев А. Б. Террористические риски и миграционная безопасность. М.: Литера; 2019. 190 с.
5. Демченко И. Действенные меры по сдерживанию Афганской границы от 16.07.2019 г. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23175>.
6. Ганиев Т. А., Карякин Т. В. Военно-политическая обстановка в Исламской Республике Афганистан и ее влияние на безопасность Центрально-азиатского региона СНГ. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/voenno-politicheskaya-obstanovka-v-islamskoy-respublike-afganistan-i-ee-vliyanie-na-bezopasnost-tsentralno-aziatskogo-regiona-sng.

7. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ. *ПОЛИТЭКС*. 2013;(1):160–176.
8. Мигранян А. А., Ткаченко М. Ф. Миграционная политика России и стран доноров в условиях разнотемпной евразийской интеграции. СПб.: Алетейя, 2019. 260 с.
9. Эргешбаев У. Ж. Современная трудовая миграция населения стран Центральной Азии в Россию. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-trudovaya-migratsiya-naseleniya-stran-tsentralnoy-azii-v-rossiyu>.
10. Ким Е. В. Особенности процессов трудовой миграции в Центральной Азии (на примере Республик Узбекистан и Казахстан). *Вестник Томского государственного университета*. 2017;(419):133–137.

REFERENCES

1. Malysheva D. B. Central Asian node of world politics. Moscow: IMEMO RAN; 2010. 100 p. (In Russ.).
2. Bazarov V. B. “New Silk Road” and Eurasian logistics projects of the XXI century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2018;(25):132–138. (In Russ.).
3. Garbuzarova E. G. Transport and communication potential of Central Asia in the focus of interests of global actors. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seria obshchestvennykh nauk*. 2019;2:137–147. (In Russ.).
4. Paskachev A. B. Terrorist risks and migration security. Moscow: Litera; 2019. 190 p. (In Russ.).
5. Demchenko I. Effective measures to contain the Afghan border. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23175>. (In Russ.).
6. Ganiev T. A., Kariakin T. V. The military-political situation in the Islamic Republic of Afghanistan and its impact on the security of the Central Asian region of the CIS. 2018; *Arkhont*;5(8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskaya-obstanovka-v-islamskoy-respublike-afganistan-i-ee-vliyanie-na-bezopasnost-tsentralno-aziatskogo-regiona-sng>. (In Russ.).
7. Kazantsev A. A., Gusev L. Yu. Forecast of the activities of terrorist organizations in the countries of Central Asia and Afghanistan: possible ways of counteraction in the interests of the security of the Russian Federation. *POLITEKS*. 2013;(1):160–176. (In Russ.).
8. Migranian A. A., Tkachenko M. F., eds. Migration policy of Russia and donor countries in the context of multi-speed Eurasian integration. SPb.: Aleteiya; 2010. 260 p. (In Russ.).
9. Ergeshbaev U. Zh. Modern labour migration of the population of Central Asian countries to Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-trudovaya-migratsiya-naseleniya-stran-tsentralnoy-azii-v-rossiyu>. (In Russ.).
10. Kim E. V. Features of the processes of labour migration in Central Asia (on the example of the Republic of Uzbekistan and Kazakhstan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;4(19):133–137. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Валерьевич Аршин — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Kosta-10@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Arshin — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
Kosta-10@yandex.ru

Статья поступила 16.10.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.10.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-66-71
УДК 378.1(045)

Влияние информационной открытости образовательной организации на адаптацию иностранных обучающихся*

А.С. Кисляков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-9650-5764>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется процесс влияния информационной открытости образовательной организации на адаптацию иностранных обучающихся. Для выявления и измерения названной степени воздействия в рамках данного исследования был использован метод социологического опроса. Социологический опрос 262 иностранных обучающихся из столичных и региональных вузов России был проведен в форме электронного анкетирования с использованием программного продукта SurveyMonkey. Также в рамках исследования был применен кластерный подход, который предполагает, что выбор инструментов адаптации должен в обязательном порядке учитывать культурные и мировоззренческие особенности определенной группы обучающихся (кластера). Полученные результаты важно использовать при выстраивании маркетинговой и приемной стратегий университета исходя из состояния и динамики изменяющихся внешних условий. В работе сделан вывод о необходимости подкрепления официальной информации различными практическими деталями, которые помогут будущему студенту подготовиться к обучению в новой для него среде. Полученные результаты опроса иностранных обучающихся и выводы целесообразно рекомендовать образовательным организациям в качестве практического инструмента для формирования эффективной системы информационной открытости образовательных организаций, от которой будет зависеть успех адаптации иностранных обучающихся.

Ключевые слова: информационная открытость; адаптация иностранных студентов; кластерный подход; каналы передачи информации; образовательные организации; инструменты адаптации; культурные кластеры

Для цитирования: Кисляков А.С. Влияние информационной открытости образовательной организации на адаптацию иностранных обучающихся. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-66-71

ORIGINAL PAPER

The Influence of Information Transparency of Higher Education Organization on the Adaptation of International Students**

A.S. Kislyakov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9650-5764>

ABSTRACT

The article examines the influence of information transparency of higher education organization on the adaptation of international students. The author used in his study the method of a sociological survey to identify and measure the degree of named above of influence. The sociological survey of 262 international students from the capital and regional universities of Russia was conducted in the form of an electronic questionnaire using the SurveyMonkey software product. The study also used a cluster approach, which assumes that the choice of adaptation tools must necessarily take into account the cultural and ideological characteristics of a certain group of students (cluster). It is vital to use the obtained

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article is based on the research results carried out at the expense of budget funds on the Financial University's state task.

results for building marketing and admission strategies of the university based on the state and dynamics of changing external conditions. The paper concludes that it is necessary to support official information with various practical details to help future students prepare for learning in a new environment. The survey results of international students and conclusions should be recommended to educational organizations as a practical tool for forming an effective system of information openness of educational organizations, which will determine the success of the adaptation of international students.

Keywords: information transparency; adaptation of international students; cluster approach; information transfer channels; educational organizations; adaptation tools; cultural clusters

For citation: Kislyakov A.S. The influence of information transparency of higher education organization on the adaptation of international students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-66-71

В самом общем смысле под информационной открытостью образовательной организации понимается наличие определенного набора информационных ресурсов и практик по доведению информации до заинтересованных лиц. Будучи ориентированными на различные категории потребителей информации (абитуриенты, студенты, родители, работодатели, выпускники, другие вузы, профессорско-преподавательский и административный состав, надзорные органы), ресурсы должны отличаться своим разнообразием, так же как и практики, т. е. способы передачи информации. Последние в значительной степени зависят от содержания, например учебная и научная информация, досуг и внеаудиторная деятельность.

В российской и зарубежной практике можно выделить два уровня информационной открытости университетов — нормативный и ненормативный. Нормативный уровень связан с регулированием данной сферы на законодательном уровне, а следовательно, чаще нацелен на удовлетворение требований надзорных и регулирующих органов. Ненормативный уровень связан преимущественно с удовлетворением запросов потребителей образовательных услуг, а потому несет на себе соответствующий отпечаток [1].

В России регулирование процессов, связанных с информационной открытостью университетов, происходит на основании ст. 29 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ), а мониторинг исполнения связан с деятельнос-

тью Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. Исполняя требование данного закона, университеты должны размещать в сети Интернет на официальном сайте информацию различного толка, в том числе: дата создания, учредитель, место расположения, график работы, контактные номера телефонов, структура и органы управления, материально-техническая и образовательная база, финансовая и научная отчетность. В совокупности данная информация необходима, прежде всего, для проведения мониторинговых действий вуза со стороны государства.

Будучи наиболее достоверным источником информации, сайт университета несет множество полезной информации, в том числе для абитуриентов и их родителей, а также потенциальных партнеров (рейтинговые и образовательные агентства, другие вузы, работодатели). В соответствии со ст. 29 Федерального закона № 273-ФЗ университеты обязаны предоставлять информацию о реализуемых образовательных программах и количестве обучающихся на них студентов, о языках преподавания и персональном составе педагогических работников с указанием уровня квалификации.

В рамках данного исследования был проведен социологический опрос иностранных граждан, которые в настоящее время обучаются в российских вузах. В опросе приняли участие 262 иностранных обучающихся из столичных и региональных вузов России. Опрос был проведен в форме электронного анкетирования с использованием программного продукта SurveyMonkey, предназначенного для проведения онлайн-опросов. Для максимального охвата аудитории иностранных студентов респонденты могли выбрать русскоязычную или англоязычную версию опроса.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.08.2020).

Так, согласно проведенному опросу 67% респондентов отметили, что официальный сайт университета оказался для них наиболее полезным источником информации при выборе места последующего обучения, но не единственным: примерно треть респондентов обращались к информации на различных образовательных сайтах (не университетских) и в социальных сетях, а также советовались с родными и друзьями.

Поскольку речь идет об иностранных студентах, одним из самых острых вопросов является язык передачи информации [2]. Российские вузы в данном случае действуют исходя из собственной практики, но наличие сайта с дублированием соответствующей информации на английском языке считается обязательным, а РУДН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский политехнический университет поддерживают одновременно до 5 сайтов на различных языках. Почти 40% респондентов нашего опроса отметили, что изучали информацию именно на английском языке.

Помимо этого, участникам исследования был задан вопрос относительно дополнительной информации, которую они хотели бы видеть на сайтах своих университетов при его выборе. Почти половина респондентов отметили в качестве необходимой информацию, касающуюся условий размещения и проживания в кампусе или городе обучения, опыта и квалификации преподавательского состава, а также возможности общаться с действующими студентами. От четверти до трети респондентов положительно среагировали бы на наличие практических советов по условиям пребывания в университете и городе обучения, информацию про миграционные и визовые формальности, взаимодействие с работодателями, а также краткие истории от иностранных студентов-выпускников. Иными словами, речь идет о необходимости подкрепления официальной информации различными практическими деталями, которые помогут будущему студенту подготовиться к обучению в новой среде. Более того, на этом этапе важно и живое общение с действующими студентами и сотрудниками, что также позволит проверить полученную в официальных источниках информацию.

Отметим, что наиболее остро потребность иностранного студента в получении инфор-

мации проявляется в процессе обучения. Даже имея доступ к библиотекам и медиатекам университетов, лишь 30% респондентов отметили их в качестве источника при подготовке к занятиям, в то время как в 60% случаев иностранные студенты пользуются материалами, предоставленными преподавателями, в 40% — различными образовательными сайтами и в 35% — социальными сетями и материалами, направленными одногруппниками.

Полученные результаты можно было бы объяснить, например, отсутствием достаточной иноязычной научной и предметной литературы в отечественных библиотеках и медиатеках. Однако подобное предположение не подтверждается результатами опроса иностранных студентов, согласно которому 68% студентов при подготовке к занятиям чаще используют литературу на русском языке. Более того, отметим, что, следуя современным тенденциям, 51% респондентов считают социальные сети и мессенджеры самым удобным способом получения информации при подготовке к занятиям, а почти 25% пользуются ими при поиске дополнительной информации.

Выбор языка получения профессиональной информации интересно сравнить с результатами, полученными в ходе ответа на вопрос о частоте выступлений иностранных студентов во время проведения семинарских и практических занятий. Результат показал, что лишь 47% респондентов часто отвечают на занятиях, не испытывая при этом языковых трудностей. Почти 40% иностранных студентов редко выступают, так как им сложно объяснить на русском языке, а 8% даже не понимают вопросов. Ввиду неоднократно отмечаемого языкового барьера [3] единственным действенным способом, который поможет сократить разрыв в количестве и качестве получаемой российскими и иностранными студентами профессиональной информации, может стать разработка адаптированных под иностранцев методических и учебных материалов.

Еще один аспект в рамках исследования информационной открытости образовательных организаций связан с участием иностранных студентов во внеаудиторной деятельности [4]. Данный показатель может рассматриваться как барометр уровня адаптированности того или иного студента, но связан, он, прежде всего, с наличием или отсутствием каналов передачи

информации. Согласно проведенному опросу не более 20% студентов часто принимают участие в общественной жизни университета, в то время как 37% делают это редко, а 16,5% ею не интересуются. Безусловно, внеаудиторные мероприятия по характеру и методам проведения могут носить различный характер, но на них в меньшей степени сказывается фактор языкового барьера. А исходя из того, что почти для 60% респондентов основным источником информации о событиях в университете является официальный сайт, а еще 38% получают ее из общения со своими друзьями и одногруппниками, можно сделать вывод, что такой низкий процент участия иностранных студентов может быть связан с отсутствием у обучающихся данного вида информации.

Проведенный анализ результатов опроса иностранных обучающихся в части информационной открытости образовательных организаций, в которых они учатся, показал также ряд отличий в способах получения информации у представителей различных культурных кластеров. Один из вопросов касался источников получения информации иностранным гражданином об университете на этапе его выбора. У респондентов было 13 вариантов ответа (в том числе, можно было предложить свой), 7 из которых пользовались наибольшей популярностью у обучающихся из различных культурных кластеров. Однако их приоритетность, к примеру, у студентов из европейского кластера довольно сильно отличается от приоритетности у представителей азиатского или африканского кластера.

Так, согласно результатам опроса для абитуриентов из европейских стран мероприятия, проводимые университетом в их стране, являются наилучшим источником информации о месте будущего обучения (23%)². На втором месте расположился официальный сайт вуза (15%) и советы родных и друзей (16%), а на третьем — социальные сети (10%). Отдельно следует отметить различные образовательные сайты, где представлена информация о различных вузах (9%), и советы профессиональных агентств (4%) — ими европейские абитуриенты практически не пользуются.

Анализ ответов представителей азиатского культурного кластера показал фактически противоположные результаты: в наибольшей степени респонденты выделили различные образовательные сайты с информацией об университетах (72%), в то время как на втором и третьем местах оказались все ранее перечисленные источники информации, включая социальные сети (54%) и официальный сайт конкретного университета (52%).

У представителей ближневосточного и арабского культурного кластера на первом месте располагаются советы родных и друзей (13%), а для абитуриентов африканского кластера — советы профессиональных агентов в сфере образования (26%). Указанные различия дополняются языковыми предпочтениями представителей отдельных кластеров [3]. Так, согласно полученным в ходе опроса результатам абитуриенты из африканских стран предпочитают получать информацию на английском и французском языках; из ближневосточного кластера — на английском; из азиатского кластера — на русском, а абитуриенты из Китая — на китайском. В европейском кластере можно выделить два языковых подтипа: абитуриенты из Восточной Европы предпочитают изучать информацию о вузе на русском языке, в то время как граждане Западной, Центральной и Южной Европы — на английском [5]. Полученные результаты важно использовать при выстраивании и организации маркетинговой и приемной стратегий университета.

Еще более интересные и значимые в практическом плане выводы можно сделать в результате анализа ответов респондентов на вопрос об источниках информации, используемых при подготовке к занятиям. Здесь, как и в предыдущем случае, можно выделить определенные различия в предпочтениях представителей отдельных культурных кластеров. Так, студенты из европейских стран чаще используют материалы, направленные одногруппниками (21%), а также различные образовательные сайты (18%) и материалы, направленные преподавателями (17%); в меньшей степени — социальные сети (13%), обучающие видео на ютубе (13%) и практически не пользуются библиотеками университета (6%). Совершенно иначе выглядят результаты систематизации ответов представителей азиатского культурного кластера. Они в первую очередь используют библиотеку (63%) и медиатеку универ-

² Здесь и далее — % от числа полученных ответов на поставленный вопрос респондентами конкретного культурного кластера.

ситета (66%) и в меньшей степени обращаются к помощи различных образовательных сайтов (36%) и к обучающим видео на ютубе (33%), которые пользуются спросом у студентов из арабских стран и Ближнего Востока.

Отдельно следует остановиться на еще одном вопросе, ответ на который показывает общий уровень адаптированности и информационной обеспеченности иностранных обучающихся — представителей различных культурных кластеров [6]. При ответе на вопрос: «Как часто студенты из других стран принимают участие в общественной жизни российских университетов?», мы получили следующие результаты: наиболее активны студенты из азиатских, ближневосточных и арабских стран. Чуть менее активны студенты из африканских стран и, наконец, наименее активны — студенты из европейских стран (по крайней мере, они чаще отвечали, что «редко участвуют, тем более в университете не очень активная общественная жизнь»).

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сделать вывод о наличии достаточно существенных различий между представителями отдельных культурных кластеров в информационно-коммуникационной среде, которые необходимо учитывать в процессе межкультурной адаптации иностранных обучающихся. Отдельно отметим, что данные различия необходимо учитывать и при разработке маркетинговых, образовательных и международных стратегий вуза.

С целью повышения информационной открытости образовательных организаций целесообразно, по мнению автора, разработать комплексные программы информационной открытости, ориентированные на разные группы потребителей (иностранцы абитуриенты, студенты, родители, работодатели, выпускники и др.). В данных программах должны быть указаны не только цели и основные направления информационной политики вуза по вопросу адаптации иностранных обучающихся, но и используемые средства, ресурсы, а также лица, ответственные за информационную открытость [7]. Представляется, что программы информационной открытости могут быть как самостоятельными, так и составными частями более широких программ адаптации иностранных обучающихся.

Резюмируя, можно отметить два ключевых аспекта в части информационной открытости образовательной организации. Во-первых, данный вопрос связан как с нормативным регулированием, так и с проблемами позиционирования себя на рынке образовательных услуг. Во-вторых, информационные ресурсы требуются иностранным студентам на разных этапах обучения (начиная с этапа выбора университета). В результате университетам необходимо создавать, развивать и поддерживать различные виды информационных ресурсов, ориентированных на удовлетворение многочисленных потребностей иностранных студентов и абитуриентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов А. П., Цзе Л. Адаптация китайских студентов к повседневным практикам социокультурного взаимодействия. *Социально-экономические явления и процессы*. 2018;13(2):22–27.
2. Данилов С. В. Кластерный подход как методологическая основа управления инновационными процессами в процессе образования. *Научное обозрение. Педагогические науки*. 2017;(5):42–59.
3. Морозова Ю. В. К вопросу об адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе: региональные аспекты. *АНИ: педагогика и психология*. 2018;1(22):27–30.
4. Beelen J., Jones E. Redefining Internationalization at Home. In: Curaj A., Matei L., Pricopie R., Salmi J., Scott P. *The European Higher Education Area*. Springer, Cham; 2015.
5. Lochtie D. A “special relationship” in higher education? What influence might the US higher education sector have in terms of support for international students in the UK? *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*. 2016;20(2–3):67–74.
6. Rothmann S., Weiss L. A., and Redelinghuys J. J. Cultural, national and individual diversity and their relationship to the experience of meaningful work. *The Oxford handbook of meaning work*. Ed. by Yeoman R., Bailey C., Madden A., Thompson M. Hardback; 2019.
7. Smith P. B., Peterson M. F., Schwartz, S. H. Cultural values, sources of guidance, and their relevance to managerial behavior. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012;33(2):188–208.
8. Христидис Т. В. Готовность студентов к межкультурному взаимодействию как вызов глобализации. *Vestnik MGUKI*. 2013;2(52):165–170.

REFERENCES

1. Abramov A.P., Tse L. Adaptation of Chinese students to everyday practices of socio-cultural interaction. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*. 2018;13(2):22–27. (In Russ.).
2. Danilov S.V. Cluster approach as a methodological basis for managing innovation processes in education. *Nauchnoye obozreniye. Pedagogicheskiye nauki*. 2017;(5):42–59. (In Russ.).
3. Morozova Yu.V. On the issue of adaptation of international students in a multinational university: Regional aspects. *ANI: pedagogika i psikhologiya*. 2018;1(22):27–30. (In Russ.).
4. Beelen J., Jones E. Redefining Internationalization at Home. In: Curaj A., Matei L., Pricopie R., Salmi J., Scott P. *The European Higher Education Area*. Springer, Cham; 2015.
5. Lochtie D. A “special relationship” in higher education? What influence might the US higher education sector have in terms of support for international students in the UK? *Perspectives: Policy and Practice in Higher Education*. 2016;20(2–3):67–74.
6. Rothmann S., Weiss L.A., Redelinghuys J. J. Cultural, national, and individual diversity and their relationship to the experience of meaningful work. *The Oxford handbook of meaning work*. Yeoman R., Bailey C., Madden A., Thompson M., eds. Oxford: Oxford University Press; 2019.
7. Smith P.B., Peterson M.F., Schwartz, S.H. Cultural values, sources of guidance, and their relevance to managerial behaviour. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012;33(2):188–208.
8. Hristidis T.V. Student’s readiness for intercultural interaction as a challenge to globalization. *Vestnik MGUKI*. 2013;2(52):165–170. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анатолий Сергеевич Кисляков — кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
ASKislyakov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anatoly S. Kislyakov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University, Moscow, Russia
ASKislyakov@fa.ru

Статья поступила 13.11.2020; принята к публикации 01.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.11.2020; accepted for publication on 01.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-72-76
УДК 32(045)

Методологические основы политической социализации обучающихся в Российской Федерации иностранных студентов*

П.Б. Салин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>

АННОТАЦИЯ

Актуальность темы обусловлена необходимостью реализации максимального потенциала российского высшего образования как инструмента «мягкой силы». Цель данной статьи – проанализировать методологические вопросы и оптимальную последовательность действий, связанных с политической социализацией обучающихся в РФ иностранных студентов. Кроме того, в статье подчеркивается различие и корреляция между терминами «политическая ориентация» и «политическая социализация». Автор также обращает внимание на тот факт, что процесс социализации не прекращается и после окончания обучения иностранного студента и его выезда за пределы РФ. Последнее обстоятельство обуславливает специфику методики «поддерживающей социализации» в отношении иностранных студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь; иностранные обучающиеся; политическая социализация; культурно-мировоззренческая работа; «мягкая сила»

Для цитирования: Салин П.Б. Методологические основы политической социализации обучающихся в Российской Федерации иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):72-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-72-76

ORIGINAL PAPER

Methodological Foundations of Political Socialisation of International Students Studying in the Russian Federation**

P.B. Salin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4039-2443>

ABSTRACT

The topic's relevance is due to the need to realise the maximum potential of Russian higher education as an instrument of “soft power”. This article aims to analyse methodological issues and the optimal sequence of actions related to the political socialisation of international students studying in the Russian Federation. The article also highlights the difference and correlation between the terms “political orientation” and “political socialisation”. The author also draws attention to the fact that the process of socialisation does not stop even after an international student graduates and leaves the Russian Federation. The latter circumstance determines the specificity of the methodology of “supportive socialisation” concerning international students.

Keywords: student youth; international students; political socialisation; cultural and ideological work; “soft power”

For citation: Salin P.B. Methodological foundations of political socialisation of international students studying in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):72-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-72-76

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

В настоящее время одной из главных целей российского высшего образования в международном аспекте является экспорт образовательных услуг. Не отрицая необходимости ее достижения, следует отметить, что стремящиеся к проведению активной долгосрочной международной политики акторы рассматривают высшее образование не только как инструмент для получения дохода, но и как способ проецирования национальных интересов вовне с помощью инструментов «мягкой силы». Для этого целесообразно решить задачу социализации обучающихся в РФ иностранных студентов. Под социализацией в контексте вышеуказанной цели должны подразумеваться не только и не столько прикладные социально-экономические вопросы (например, бытовая и психологическая адаптация иностранного обучающегося), но и политическая социализация, чему и было посвящено исследование, выполненное коллективом авторов Финансового университета в 2020 г.

Тема социализации студентов затрагивается как в зарубежной, так и, в меньшей степени, российской литературе [1, 2], но комплексных исследований по ней не существует. Если же говорить о политической социализации, то исследования, рассматривающие проблему именно через призму социализации студентов, практически отсутствуют. Правда, при этом отечественные авторы, в том числе и из Финансового университета, посвятили часть исследований и публикаций смежным вопросам, пересекающимся с предметом настоящей статьи [3, 4].

В 2018–2019 гг. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации в рамках государственного задания были выполнены НИР, посвященные вопросам оптимизации работы с обучающимися в российских вузах иностранными студентами, в которых данный процесс рассматривался через призму инструментов «мягкой силы». В них принимали участие и некоторые авторы данного исследования. Выполненная в 2020 г. работа является смысловым продолжением этих исследований и концентрируется на более узком аспекте — политической социализации иностранных студентов, обучающихся в РФ.

Новым для данной темы является (в том числе) то, что в ней проведен комплексный

анализ российского (прежде всего, советского как более успешного по сравнению с современным) и зарубежного опыта. При этом зарубежный опыт проанализирован не только на примере западных стран — лидеров в этой сфере, но и тех, которые добились серьезных успехов за последние десятилетия, например Турции. Важным элементом новизны является разработка методики, позволяющей оценить успешность работы по политической социализации иностранных студентов.

***Область применения
итогов исследования —
законодательство в области
высшего образования,
культурной политики,
гражданского общества,
стратегического планирования.
Основные положения, выводы
и рекомендации могут быть
использованы в соответствующих
отраслях политической науки.***

В процессе исследования были изучены и проанализированы научные публикации, СМИ, статистические и социологические данные.

Область применения итогов исследования — законодательство в области высшего образования, культурной политики, гражданского общества, стратегического планирования. Основные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы в соответствующих отраслях политической науки. Также в исследовании содержатся материалы прикладного свойства для СМИ и политологов-прикладников.

Практическая значимость результатов работы состоит в том, что задачи, поставленные и решаемые в ней, будут содействовать реализации положений Основ государственной молодежной политики до 2025 года¹, в том числе в контексте поручений Президента и премьер-

¹ Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р.

министра РФ о необходимости обеспечения устойчивого развития РФ.

Одной из основных составляющих политической социализации иностранных студентов является корректная последовательность действий в отношении обучающихся. Как представляется, эта последовательность должна быть следующей.

1. Установление (выявление) социально-политической ориентации иностранного обучающегося (другими словами, проводится мониторинг общественно-политических установок студента).

2. Формирование у обучающегося желательной для реализации внешнеполитических интересов РФ социально-политической ориентации.

3. Тестирование результатов такого формирования — мониторинг эффективности выполнения задач.

4. Осуществление комплекса мероприятий, направленных на поддержание иностранного обучающегося, окончившего обучение и покинувшего пределы РФ в необходимом социально-политическом дискурсе.

С точки зрения методологии и целеполагания, а именно для достижения поставленной базовой цели (политической социализации иностранного обучающегося) необходимо еще раз зафиксировать одно из основных требований к социализации — непрерывность процесса на протяжении всего периода обучения в российском вузе.

Что касается первого блока задач, то его приоритетность с хронологической точки зрения не вызывает сомнений. Поскольку система отбора иностранных студентов в российские вузы именно с точки зрения реализации внешнеполитических интересов государства в современной России практически отсутствует, то администрации учебного заведения и ее профильным функционерам

приходится иметь дело с «нулевым циклом» такой работы.

При этом в самом начале работы следует дать четкое определение таким понятиям, как политическая ориентация и политическая социализация. Некоторые специалисты рассматривают процесс политической социализации как один из подвидов ориентации, что представляется избыточным и дублирующим с методологической точки зрения. Политическая ориентация — это та отправная точка, с которой приходится иметь дело перед началом политической социализации. В то же время сама политическая социализация — это процесс, осуществляемый по определенной методике, эффективность которого проверяется по реперным точкам в отдельно взятые промежутки времени, когда оценивается эффективность стадий этого процесса.

Итак, первый этап работы по политической социализации иностранного студента — это выявление его политической ориентации, тех социально-политических, политико-культурных и политических установок, которые сформировались у него к моменту поступления в российский вуз. На первоначальной стадии данного этапа выявляется его принадлежность к одному из культурных (цивилизационно-географических) профилей, — по мнению авторов вышеуказанного исследования, всего их насчитывается восемь. Потом первоначальные предположения подтверждаются или опровергаются с помощью одной из дополнительных методик, к которым относятся шкалирование, массовый опрос, экспертный опрос, фокус-группа, карточка наблюдения, биографическо-нарративное интервью и медиаанализ [5].

Последний метод существенно отличается от остальных по способу работы с объектом исследования. Если все методы предусматривают непосредственный контакт с объектом, то медиаанализ, наоборот, подразумевает опосредованный сбор данных о социально-политической ориентации иностранных обучающихся как социальной группы с помощью баз данных, агрегирующих публикации СМИ и социальных сетей.

Вторым по логической и хронологической последовательности этапом является работа по формированию необходимых социально-политических установок иностранных студентов — непосредственно процесс политической

социализации, продолжающийся в течение всего периода их обучения в российском вузе. В данном случае усилия концентрируются на вовлечении иностранных обучающихся в позитивный по отношению к России дискурс. В частности, осуществляется поиск исторических и культурных точек пересечения между культурным профилем иностранного обучающегося и российским дискурсом, ознакомление иностранного студента с референтными для него и позитивно настроенными по отношению к России лидерами общественного мнения и т. п.

С точки зрения методологии и целеполагания, а именно для достижения поставленной базовой цели (политической социализации иностранного обучающегося) необходимо еще раз зафиксировать одно из основных требований к социализации — непрерывность процесса на протяжении всего периода обучения в российском вузе. Формально-отчетный подход (установка целевых показателей, мониторинг достижения этих показателей и прекращение работы по достижении таких показателей) недопустим, поскольку, как уже говорилось выше, социализация — это процесс, который должен идти непрерывно. Различаться может лишь степень ее интенсивности: от высокой на первоначальной стадии, при формировании необходимых установок, до умеренной (поддерживающей) на остальных стадиях, если результаты мониторинга показывают сформированность необходимых установок.

Этим обусловлена необходимость третьей стадии — мониторинга эффективности политической социализации иностранного студента. Как и второй этап (непосредственно политическая социализация), эта стадия также представляет собой не одномоментное действие, а процесс, состоящий из ряда повторяющихся действий (замеров качества работы).

Для проведения мониторинга авторами исследования была разработана собственная многоуровневая методика, которая состоит из двух основных блоков: дискурс-анализа и методов социометрии. При этом предлагается набор реперных точек дискурс-анализа, по которым осуществляется такой мониторинг.

Однако методология политической социализации иностранных студентов была

бы явно неполной и носила бы обратимый характер без очевидной, но зачастую выпадающей за пределы внимания профильных специалистов стадии — работы с иностранным обучающимся после окончания им российского вуза. Здесь еще раз целесообразно указать на специфику объекта приложения усилий — речь идет об иностранном студенте, который закончил свое обучение и не остался в России, а покинул ее пределы, вернувшись в направившую его страну или какую-либо другую. Этот факт определяет специфику работы по такому направлению, которая подробно рассмотрена в соответствующем разделе исследования.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

1. Для успешной реализации основной задачи, которой посвящена данная публикация, необходимо грамотно выстроить последовательность действий, т. е. методологию работы. Ее нарушение (изменение последовательности действий, исключение какого-либо из этапов и т. д.) способно минимизировать или вовсе свести к нулю все результаты работы.

2. Общая последовательность действий по политической социализации иностранного обучающегося выглядит следующим образом: выявление его культурно-политических установок (культурного профиля), работа по политической социализации, работа по тестированию эффективности усилий в данном направлении, комплекс мер по поддержанию установленного модуса политической социализации иностранного студента после окончания обучения и выезда его за пределы РФ.

3. Политическая социализация — это не разовое действие или этап в общей социализации иностранного студента, а перманентный процесс, поскольку успешное достижение поставленной цели возможно только в случае постоянного приложения усилий в данном направлении.

4. От внимания профильных специалистов часто ускользает тот факт, что процесс политической социализации не заканчивается вместе с обучением иностранного студента в российском вузе, а продолжается и после его выезда за пределы РФ. Соответственно, необходимо закладывать ресурсы и на этот этап.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lee S. W. Circulation East to East: Understanding the push-pull factors of Chinese students studying in Korea. *Journal of studies in international education*. 2017;2(2):170–190.
2. Конода И. В. Политическая социализация в современном российском обществе. *Власть*. 2007;(4):32–34.
3. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках политики «мягкой силы» Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):10–13.
4. Шатилов А. Б., Заугаров В. В. Академическая мобильность как фактор «мягкой силы» Российской Федерации: пути совершенствования. *Власть*. 2019;(12):30–34.
5. Расторгуев С. В., Волхонская З. И. Методология исследования общественно-политических установок иностранных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;(4):6–13.

REFERENCES

1. Lee S. W. Circulation East to East: Understanding the push-pull factors of Chinese students studying in Korea. *Journal of studies in international education*. 2017;2(2):170–190.
2. Konoda I. V. Political socialization in modern Russian society. *Vlast*. 2007;(4):32–34. (In Russ.).
3. Shatilov A. B. Academic mobility of international students in the humanities and social sciences within the framework of the “soft power” policy of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):10–13. (In Russ.).
4. Shatilov A. B., Zaugarov V. V. Academic mobility as a factor of “soft power” in the Russian Federation: Ways of improvement. *Vlast*. 2019;(12):30–34. (In Russ.).
5. Rastorguev S. V., Volkhonskaya Z. I. Research methodology of social and political attitudes of international students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;(4):6–13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павел Борисович Салин — кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

salpavbor@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel B. Salin — Cand. Sci. (Law), Director of the Centre for Political Sciences Research, Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

salpavbor@mail.ru

Статья поступила 21.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 21.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-77-83
УДК 314.742(045)

Об особенностях расширения содержания гражданства в актах Совета Европы и судебных решениях Европейского суда по правам человека

И.С. Иксанов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2797-668X>

АННОТАЦИЯ

В соответствии с Уставом Совета Европы государствами-членами должен быть признан принцип, согласно которому все находящееся под их юрисдикцией население использует основные права и свободы. Важнейшим договором в рамках Совета Европы – Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 – закрепляются минимальные обязательные стандарты, которые отвечают требованиям современного европейского конституционализма. Деятельность Совета Европы изначально была основана на общности ценностей, гармонизации права государств-членов вокруг общих принципов – демократии, верховенства права и защиты прав человека. Европейскую конвенцию разрабатывали для более тесного сотрудничества европейских государств в области защиты прав человека, предотвращения их нарушений государствами-участниками, утверждения европейского публичного порядка за рамками национальных систем. На основе этого в Конвенцию были включены положения об обязательном характере решений Европейского суда по правам человека, в соответствии с которыми договаривающиеся стороны были обязаны исполнять окончательные постановления Суда по спорам, в которых они выступают как стороны. Институт гражданства тесно связан с правами человека, в связи с этим Совет Европы посредством дополнительного Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейской конвенции о гражданстве от 06.11.1997 и судебной практикой Европейского суда по правам человека придает новое расширенное содержание гражданству. При этом ЕСПЧ важное значение придает правовому регулированию лишения гражданства и принудительной высылке, гражданству в смешанных браках и гражданству детей.

Ключевые слова: гражданство; миграционное законодательство; Совет Европы; лишение гражданства; гражданство в смешанных браках; гражданство детей

Для цитирования: Иксанов И.С. Об особенностях расширения содержания гражданства в актах Совета Европы и судебных решениях Европейского суда по правам человека. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):77-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-77-83

ORIGINAL PAPER

On the Specifics of Expanding the Content of Citizenship in Acts of the Council of Europe and the European Court's Judicial Decisions of Human Rights

I.S. Iksanov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2797-668X>

ABSTRACT

Following the Council of Europe's statute, the member states must recognise the principle that all populations under their jurisdiction enjoy fundamental rights and freedoms. The important treaty within the Council of Europe – the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 – enshrines the minimum mandatory standards that meet modern European constitutionalism requirements. The Council of Europe's activities were initially based on shared values, harmonising the member states' law around common principles – democracy, the rule of law, and human rights protection. The European Convention was developed for closer cooperation of European states in the field of human rights protection, prevention of their violations by member states, and the establishment of European public order outside the framework of national systems. On this basis, provisions on the binding nature of judgments of the European Court of Human Rights were included in the Convention. The Contracting Parties were obliged to comply with the Dispute Court's final

judgments to which they act as parties. The institution of citizenship is closely related to human rights. In this regard, the Council of Europe, through additional Protocol No. 4 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of the European Convention on Citizenship of November 6, 1997, and the jurisprudence of the European Court of Human Rights, gives newly expanded content citizenship. Simultaneously, the ECHR attaches great importance to the legal regulation of citizenship deprivation and forced expulsion, citizenship in mixed marriages, and children's citizenship.

Keywords: citizenship; migration legislation; Council of Europe; deprivation of citizenship; citizenship in mixed marriages; citizenship of children

For citation: Iksakov I.S. On the specifics of expanding the content of citizenship in acts of the Council of Europe and the European court's judicial decisions of human rights. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):77-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-77-83

Если Европейский суд по правам человека устанавливает нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., то государство обязано устранить нарушение и его последствия, а также принять действенные меры, чтобы предотвратить аналогичные нарушения в последующем. Деятельность Европейского суда по правам человека оказывает как корректирующее, так и превентивное воздействие. Как правило, государства — участники Конвенции занимаются тщательным отслеживанием практики Суда и вносят изменения в собственное законодательство, поскольку опасаются вынесения Судом соответствующего решения, если будет подана аналогичная жалоба. Европейскую конвенцию сегодня рассматривают как конституционный инструмент европейского правопорядка, в рамках которого права человека становятся правовой категорией. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. нет положений, которые регламентируют гражданство¹. В 1988 г. была предпринята попытка по разработке специального протокола к Европейской конвенции, касающегося права на гражданство, но вскоре от этой идеи отказались, так как государства — члены Совета Европы не были готовы к принудительной реализации данного права согласно решениям Европейского суда по правам человека².

Европейским судом по правам человека допускается, что в отдельных случаях лишение гражданства с последующей высылкой лица может приводить к проблемам в отношении соблюдения положений ст. 3 Протокола № 4. Европейский суд полагается на то, что ст. 3 Протокола № 4 гарантируется абсолют-

ная и безусловная свобода гражданина от высылки с территории собственного государства. При этом гражданство заявителя должно определяться согласно национальному праву. Европейской конвенцией и Протоколами к ней не гарантируется право на гражданство, которое аналогично установленному в ст. 15 Всеобщей декларации о правах человека³. Произвольный отказ в предоставлении гражданства можно при некоторых обстоятельствах рассматривать как вмешательство в реализацию права, которое предусмотрено в ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни). В соответствии с п. 2 ст. 3 Протокола № 4 Конвенции никто не может лишиться права на въезд на территорию того государства, где он является гражданином. Формулировка этой статьи четко указывает на то, что ее цель — защита права гражданина на возвращение и допуск на территорию собственной страны. Следовательно, государство не может лишить лицо гражданства, чтобы отказать в праве доступа на собственную территорию.

В рекомендациях Парламентской ассамблеи Совета Европы встречается культурологическая трактовка гражданства как значимого элемента достоинства и культурной идентичности человека, но на конвенциональном уровне это понятие интерпретируют исключительно в юридическом значении. В Европейской конвенции о гражданстве от 06.11.1997 это понятие определяют как устойчивую правовую связь между отдельным лицом и государством, не указывающую на этническое происхождение. Европейская конвенция о гражданстве основана на том, что вопросы гражданства должны учитывать и легитимные интересы государства, и интересы индивида. Регулирование отношений, которое связано с гражданством, отнесено к внутренней юрисдикции государств-участ-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. Конвенции Совета Европы и Российской Федерация. Сборник документов. М.: Юридическая литература; 2019.

² Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 16.09.1963 Конвенции Совета Европы и Российской Федерация. Сборник документов. М.: Юридическая литература; 2019.

³ Устав Совета Европы от 05.05.1949. Конвенции Совета Европы и Российской Федерация. Сборник документов. М.: Юридическая литература; 2018.

ников. Каждое государство-участник определяет в соответствии со своим законодательством круг собственных граждан. В то же время для признания другими государствами важно, чтобы это законодательство соответствовало международным конвенциям, международному обычному праву и общепризнанным принципам права в отношении гражданства. Помимо этого, при реализации собственных дискреционных полномочий в отношении вопросов гражданства государствами должны учитываться основные права человека.

В Конвенции сформулирован принцип недискриминации в отношении вопросов гражданства. Правовыми нормами, которые регулируют гражданство, не должны проводиться различия, равносильные дискриминации по признаку пола, религии, расы, цвета кожи или государственного или этнического происхождения. Государства должны руководствоваться данным принципом по отношению к собственным гражданам независимо от способов приобретения ими гражданства. Таковыми считают новорожденных, которые оказались на территории государства и у которых нет сведений о родителях или об их гражданстве. Требования Конвенции выполняются и тогда, когда (согласно внутреннему законодательству) родители ребенка не известны, по закону этот ребенок считается ребенком гражданина этого государства и поэтому признается гражданином страны.

В связи с необходимостью предотвратить безгражданство, Конвенцией предусматривается обязательство государств-участников по предоставлению гражданства детям, которые родились на их территории, если при рождении ими не было получено другое гражданство. Обязательства, согласно Конвенции, считаются выполненными тогда, когда гражданство предоставляется этим лицам по рождению или в последующий период с помощью подачи заявления в соответствующие органы самим ребенком или его представителем. Конвенция закрепляет возможность натурализации лиц, которые постоянно на законных основаниях проживают на территории страны. При этом максимальный срок проживания, который является одним из условий для получения гражданства, не должен быть выше десяти лет перед подачей соответствующего заявления. Это соответствует общепринятым стандартам, так как в большей части стран Европы предусмотрен ценз оседлости от пяти до десяти лет.

Органами Совета Европы уделяется серьезное внимание проблеме гражданства в смешанных браках. В Резолюции «О гражданстве супругов, име-

ющих различное гражданство» Комитет министров рекомендовал государствам, которые являются членами Совета Европы, ликвидировать различия между мужьями-иностранцами и женами-иностранками в отношении получения гражданства страны, установить более льготные условия получения гражданства для лиц, которые состоят в браке с гражданами страны. В соответствии с Рекомендациями Парламентской ассамблеи Совета Европы 1081 (1988 г.) «О проблемах гражданства в смешанных браках» у каждого из супругов должна быть возможность получить гражданство супруга без утраты собственного гражданства⁴. Подобный подход связан с тем, что необходимо соблюдать принцип равноправия супругов, а также со сложными экономическими и социальными проблемами, которые отрицательно влияют на супругов из смешанных браков.

Согласно Европейской конвенции о гражданстве упрощенный порядок приобретения гражданства распространяется как на родных, так и на усыновленных детей. Родные дети граждан, которые не получили гражданство по рождению, получают гражданство в упрощенном порядке, если они родились за границей или родительские права в отношении них были установлены на основании признания, распоряжения суда или других аналогичных процедур. В упрощенном порядке гражданство могут получить и лица, которые постоянно проживают на законных основаниях на территории страны, если они рождены в другом государстве или прожили определенный период времени до достижения восемнадцати лет. В пояснительном докладе отмечается, что речь идет о мигрантах во втором и третьем поколении, которые в большей мере способны на интеграцию в принимающее государство.

Упрощение процедуры приобретения гражданства может распространяться и на лиц, которые признаны беженцами и лиц без гражданства на законных основаниях, проживающих на территории страны. При этом в соответствии с законодательством беженцами могут признаваться не только те, на кого распространяются положения Женевской конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протокола 1967 г., но и другие перемещенные лица. Однако тот, кем намеренно был приобретен статус лица без гражданства, не может получить гражданство согласно упрощенной процедуре. Как общий

⁴ Committee of Ministers. Recommendation No. R (99) 18 to Member States on the Avoidance and Reduction of Statelessness. Adopted on 15 September 1999 at the 679th meeting of the Minister's Deputies.

принцип в Конвенции содержится запрет на произвольное лишение гражданства. Для использования этой процедуры требуются веские основания, она должна быть осуществлена согласно предписаниям закона и принципам правовой определенности и соразмерности.

Возможна автоматическая утрата гражданства согласно закону или по инициативе государства, а также возможна утрата гражданства на основании волеизъявления лица. Статья 7 Конвенции содержит исчерпывающий перечень оснований для утраты гражданства не по инициативе лица. В соответствии с общим правилом утрата гражданства невозможна, если в результате человек станет лицом без гражданства. Единственное исключение — ненадлежащее поведение лица, например приобретение гражданства мошенническим способом, предоставление ложной информации или сокрытие любого, имеющего отношение к делу факта, который касается заявителя.

Поддержание правовой связи с государством зависит от желания лица. Следовательно, государства должны разрешать отказываться от гражданства при условии, что заинтересованные лица не станут лицами без гражданства. Однако государствами-участниками может предусматриваться, что данное положение действует исключительно в отношении граждан, которые проживают за границей. Отказ от гражданства предполагает подачу заявления заинтересованным лицом, а также дальнейшее одобрение компетентным государственным органом. Если приобретение нового гражданства сопряжено с определенными условиями, которые лицу не удалось выполнить, то государством прежнего гражданства должно быть разрешено его восстановление или утрата признана несостоявшейся для предотвращения безгражданства. Согласно Европейской конвенции о гражданстве, государства-участники должны содействовать восстановлению гражданства собственными бывшими гражданами, которые на законном основании проживают на их территории. В пояснительном докладе отмечается, что действие этой статьи распространяется на любые случаи утраты гражданства. В то же время ст. 9 не предполагается право на восстановление гражданства, ее предписания выполняются и в случае присутствия льготных условий для получения гражданства этими лицами.

Множественным гражданством считается присутствие одновременно гражданства двух или более государств у одного лица. В 1960-е гг. в Совете Европы двойное гражданство считалось нежелательным,

что было отражено в Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 06.05.1963. Этим документом предусматривался запрет на сохранение прежнего гражданства, если приобретено гражданство другой договаривающейся стороны на основании добровольного волеизъявления посредством натурализации, оптации или восстановления.

Европейская конвенция о гражданстве нейтральна в отношении множественного гражданства. В то же время в ней содержится указание на важность поиска способов преодоления последствий множественного гражданства. В Конвенции отражены и признанные положения о том, что государствам-участникам разрешается сохранять другое гражданство, которое было приобретено автоматически: по рождению или благодаря вступлению в брак с иностранцем. В то же время в этом документе определяются и пределы усмотрения государств. Европейской конвенцией о гражданстве закрепляется принцип равенства прав и обязанностей всех граждан государств-участников, включая тех, кто имеет другое гражданство. Это имеет отношение и к избирательным правам, приобретению имущества или выполнению воинской обязанности, однако при отдельных обстоятельствах режим реализации соответствующих прав и обязанностей данными лицами может быть изменен посредством заключения международного соглашения.

Таким образом, Европейская конвенция о гражданстве устанавливает общие правила и принципы, которые должны отражаться во внутреннем законодательстве государств-участников. В то же время право на гражданство не относится к правам, гарантированным Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Следовательно, споры, которые связаны с нарушением этого права, Европейский суд по правам человека может рассматривать только в тех случаях, когда ими затрагиваются предусмотренные Конвенцией права. Государства-участники Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязаны обеспечивать закрепленные в ней права и свободы каждому, кто находится под их юрисдикцией. Конвенция не проводит различий между гражданами страны и другими лицами. Европейская комиссия по правам человека в одном из собственных решений обратила внимание на то, что, став участником Конвенции, государство гарантирует обеспечение соответствующих прав как собственным гражданам и гражданам других договаривающихся сторон, так и гражданам госу-

дарств, которые не участвуют в Конвенции, а также лицам без гражданства⁵.

Следовательно, все эти лица имеют право не только использовать соответствующие права, но и осуществлять обращения с жалобами в Европейский суд по правам человека, если станут жертвами нарушения прав, которые признаны в Конвенции и Протоколах к ней. Причем, как отмечал в одном из дел Европейский суд по правам человека, то, что лицо — нелегальный мигрант, недостаточное основание для оправдания нарушения права, которое гарантировано Конвенцией⁶.

При рассмотрении жалоб Европейской комиссией и Европейским судом по правам человека были сформулированы наиболее важные правовые позиции, которые касаются определенных элементов статуса лиц — не граждан страны, и обязательств государств — участников Конвенции в отношении этих лиц. Советом Европы были разработаны конвенции, которые были посвящены непосредственно правовому положению иностранцев и лиц, не имеющих гражданства. Развитие политических приоритетов и правовых подходов в этой сфере может быть отслежено по резолюциям и рекомендациям Комитета министров и Парламентской ассамблеи Совета Европы⁷.

Большое количество обращений в Европейский суд по правам человека было обусловлено отказом национальных властей от предоставления иностранцам разрешения на въезд и пребывание в стране. При рассмотрении иммиграционных дел Европейским судом были сформулированы позиции, касающиеся въезда и пребывания данных лиц на территории государств — участников Совета Европы. Европейский суд по правам человека полагается на то, что Конвенция не гарантирует права иностранца на въезд и пребывание в стране, но государствами-участниками должен осуществляться иммиграционный контроль, учитывая обязательства, взятые при ее подписании. По мнению Суда, меры в области иммиграции могут повлиять на реализацию права на уважение семейной жизни⁸.

В то же время, согласно общепризнанному международному праву и договорным обяза-

тельствам, государство имеет право на контроль въезда неграждан на собственную территорию. Обязательства государств, которые связаны с приемом на собственной территории родственников укоренившихся иммигрантов, изменяются в зависимости от определенных обстоятельств заинтересованных лиц и общего интереса. С точки зрения иммиграции положения ст. 8 нельзя рассматривать как общее обязательство государства — участника Конвенции уважать право иммигрантов самостоятельно осуществлять выбор страны проживания для собственной семьи и решать воссоединение членов семьи на собственной территории. Конвенцией гарантируется право на семейную жизнь без привязки к конкретному месту пребывания.

В практике Европейского суда по правам человека встречались дела, в которых заявители осуществляли попытку доказать дискриминационный характер иммиграционной политики государства — участника Конвенции. В деле «Абдулазиз, Кабалис и Балкандали против Соединенного Королевства» заявительницы утверждали, что стали жертвами дискриминации по признаку расы, так как разработка британского иммиграционного законодательства была осуществлена для уменьшения количества «цветных» иммигрантов⁹. Европейский суд посчитал, что законодательство страны не имеет расистского характера, даже если на практике оно в большей мере коснулось «цветных» иммигрантов. Это связано не с содержанием законов, а лишь с количественным соотношением представителей разных этнических групп, которые желают иммигрировать в эту страну.

В праве Совета Европы действует принцип недискриминации в области социального обеспечения. В соответствии с Европейской социальной хартией государствами-участниками принимаются меры, которые направлены на обеспечение одинакового режима для собственных граждан и для граждан других Сторон в части прав в сфере социального обеспечения, в том числе, права на сохранение пенсий или пособий, которые предоставлены согласно законодательству о социальном обеспечении¹⁰. Целью этих мер является обеспече-

⁵ Eur. Commission H.R. Application 12068/86, P. v. Federal Republic of Germany, Decision of 1 December 1986. DR. 1986. No. 51.

⁶ Eur. Court H.R. Ahmut v. the Netherlands, Judgment of 28 November 1996. Reports. 1996-VI. Eur. Commission H.R. Application 10308/83, Altun v. F.R.G., Decision of 3 May 1983. DR. 1983.

⁷ Eur. Court H.R. Chahal v. the United Kingdom, Judgment of 15 November 1996. Reports. 1996-V.

⁸ Ibid.

⁹ Eur. Court H.R. Boughanemi v. France, Judgment of 24 April 1996. Reports. 1996-11.

¹⁰ Committee Eur Court H.R. Soering v. the United Kingdom, Judgment of 7 July 1988. Series A. No. 161; Eur. Court H.R. Kamasinski v. Austria, Judgment of 19 December 1989. Series A. No. 168; Eur. Court H.R. Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom, Judgment of 30 August 1990. Series A. No. 182.

ние мобильности рабочей силы и защита иностранных трудящихся. Причем меры распространяются как на лиц, которые проживают в стране, так и на тех, кто проживал там раньше и получил право получать пенсию по старости. В Рекомендации 1066 (1987 г.) «О социальной защите трудящихся-мигрантов и их семей» Парламентской ассамблеей было обращено внимание на разницу в уровне социальной защиты трудящихся-мигрантов в зависимости от страны их происхождения. Комитет министров получил от Ассамблеи рекомендации по гармонизации системы социального обеспечения в государствах — членах Совета Европы, чтобы уменьшить существующие различия и обеспечить минимальный набор пенсий и пособий для всех трудящихся-мигрантов, вне зависимости от их происхождения. В Рекомендации Комитета министров (2000 г.) «О гарантиях проживания для мигрантов, пребывающих в стране на долгосрочной основе» отмечалось, что в сфере социального обеспечения и помощи таким мигрантам должен быть предоставлен режим, который будет не менее благоприятен, чем режим для граждан страны. Такой подход отражен и в практике Европейского суда по правам человека¹¹.

Жалобы мигрантов, которые связаны с социальным страхованием и социальной помощью зачастую рассматривают в контексте ст. 8 Конвенции или ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности) совместно со ст. 14 Конвенции (запрет дискриминации). В некоторых делах заявителями — гражданами Польши, которые проживали в Германии, отказ в выплате пособия на детей был рассмотрен как нарушение их права на уважение семейной жизни и запрета дискриминации. Согласно законодательству право на получение соответствующего пособия было предоставлено иностранцам, у которых есть статус постоянных жителей или разрешение на временное пребывание. Но у заявителей был другой статус, так как они получили разрешение на пребывание в стране из-за особых обстоятельств.

Правительство считало, что сфера действия ст. 8 Конвенции не имеет отношения к выплате пособий на детей, так как общее обязательство государственных участников в содействии семейной жизни не приводит к порождению конкретных прав на получение особых выплат. Европейским судом была занята другая позиция, — он посчитал, что предоставление пособий на детей — это демонстрация государством

уважения к семейной жизни. Суд отметил, что его задачей не является вынесение общего решения о том, насколько оправдано видеть разницу между лицами, которые имеют разные виды разрешений на пребывание в стране в отношении предоставления социальных льгот. В то же время он не нашел достаточных оснований, которые оправдали бы разницу в обращении с иностранцами с разрешением на пребывание на стабильной основе и с теми, у кого такого разрешения нет.

В некоторых делах заявители ставили вопрос о том, что гражданство — это единственное основание для их дискриминации в части реализации прав, которые закреплены в ст. 1 Протокола № 1, хотя в ст. 14 Конвенции гражданство выделяют как одно из запрещенных оснований для дискриминации. В деле «Гаигусуз против Австрии» гражданин Турции, который на законных основаниях проживал и работал в стране, пытался оспорить отказ в выделении авансовых чрезвычайных выплат, которые обычно получают безработные¹². Заявитель считал, что в этом контексте применимы положения ст. 1 Протокола № 1, так как предоставление чрезвычайной помощи имело связь с уплатой взносов в фонд страхования на случай безработицы. Суд сделал заключение, что право на получение чрезвычайной помощи было имущественным правом в смысле ст. 1 Протокола № 1 и в основе разницы в обращении с австрийцами и лицами, у которых нет гражданства страны, не было объективных и разумных критериев. Несмотря на то что у Австрии не было договорных обязательств с Турцией, ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод означала, что страна взяла на себя обязательство по обеспечению каждого, кто находился под ее юрисдикцией, правами и свободами, предусмотренными Конвенцией. В этом деле Судом впервые была сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой только в случае очень весомых оснований можно признавать совместимой с Конвенцией разницу в обращении, которая основана исключительно на гражданстве. В дальнейшем эту позицию подтвердили в деле «Куа Пуаре против Франции», где заявитель, который являлся постоянным жителем и приемным сыном гражданина страны, требовал признать, что отказ в выплате пособия по инвалидности — это нарушение запрета дискриминации.

В Резолюции 874 (1987 г.) «О качестве и эффективности школьного обучения» Парламентской

¹¹ Eur. Court H.R. *Moustaquim v. Belgium*, Judgment of 18 February 1991. Series A. No. 193.

¹² *Ibid.*

ассамблеей было отмечено, что образование — это наиболее эффективное средство улучшения отношений между иммигрантами и основным населением страны, а также возможность для молодых иммигрантов занять определенное место в принимающем их обществе¹⁵. В Рекомендации 1093 (1989 г.) «Об образовании детей мигрантов» Ассамблеей было сделано указание на разницу в практике образования между страной пребывания и страной происхождения мигрантов, а также на необходимость учитывать не только потребности этих детей, но и интересы школы в целом. Представители национальных парламентов государств — членов Совета Европы обращали внимание на то, что необходимо внедрение принципа многокультурности образования и отход от моделей языковой и культурной ассимиляции, которые прежде господствовали в этой сфере, а также введение государственного языка мигрантов в систему обучения в стране пребывания. Ассамблея посчитала, что внедрение межкультурного подхода в образование минимизирует проблемы с адаптацией у детей тех мигрантов, которые в дальнейшем пожелают вернуться в страну происхождения.

Согласно Европейской конвенции о правовом положении трудящихся-мигрантов у этих лиц, а также у членов их семей есть право на общее образование и профессиональную подготовку и переподготовку, а также на доступ к высшему образованию на общих основаниях. Принимающее государство содействует обучению мигрантов, а также членов их семей языку страны, чтобы обеспечить доступ

в общеобразовательные и профессиональные школы, центры переподготовки. Кроме того, принимающее государство стремится предоставить детям трудящихся-мигрантов стипендии.

Подводя итоги деятельности Совета Европы, необходимо отметить, что наднациональные органы сделали значительные шаги по расширению правового содержания гражданства. При этом содержание гражданства расширялось путем принятия самостоятельных конвенций, актов Парламентской Ассамблеи Совета Европы, рекомендаций Комитета министров и за счет прецедентных решений Европейского Суда по правам человека.

В период с 1960-х по 2000-е гг. в актах Совета Европы сформировалась положительная судебная практика по защите содержания прав мигрантов при получении ими гражданства. Однако это породило правовые проблемы с началом миграционного кризиса в Европе после новой волны миграции с 2010 г. Примат наднационального права Совета Европы поставил вопрос: как не нарушить международные акты Совета Европы и Европейского союза и сохранить свои экономические интересы государств-членов? Некоторые государства, например Великобритания, вынесли проблему на консультативный референдум 23 июля 2016 г. Избиратели проголосовали за выход страны из ЕС и отказ от миграционной политики, которая не соответствует национальным интересам. Вероятно, этого можно было бы избежать в случае конструктивного изменения наднационального права Совета Европы, а также с учетом национальных конституций и возможности оперативно разрешать вопросы юрисдикции международного и национального права.

¹⁵ Eur.Court H.R. Cruz Varas and Others v. Sweden, Judgment of 20 March 1991. Series A. No. 201.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Саматович Иксаков — кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
isiur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilya S. Iksakov — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia
isiur@mail.ru

Статья поступила 19.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 19.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-84-97
УДК 63(045)

Стратегии развития сельского хозяйства в России*

Цуй Чжэн^а, Янг Йеминг^б

^{а, б} Ляонинский университет, провинция Ляонин, Китай

АННОТАЦИЯ

Основываясь на изменениях, происходящих в сфере сельского хозяйства в России, авторы статьи рассматривают основные направления, а также перспективы китайско-российского сотрудничества в этой области. Аграрная стратегия в России долгосрочная. В разные периоды менялись цели развития сельского хозяйства с учетом национальных интересов. Основная причина роста сельского хозяйства во время экономического спада заключается в долгосрочных субсидиях и поддержке национальной стратегии. В настоящее время продуктивность сельского хозяйства в России значительно повысилась, в сельскохозяйственную стратегию были внесены корректировки, а введение новых планов развития призвано справиться с ограничениями, вызванными несбалансированностью экономической структуры. Новая стратегия углубит реформу структуры сельского хозяйства, что гарантирует инновационное и устойчивое развитие этой области. Помимо этого, активное сельскохозяйственное сотрудничество является важной частью реформ. Оно в России сосредоточено на национальных интересах и направлено на привлечение прямых иностранных инвестиций, которые могут улучшить пассивную ситуацию дипломатической изоляции при открытии торгового рынка. Кроме того, развитие китайско-российского партнерства углубит двустороннее сотрудничество в сельскохозяйственной сфере.

Ключевые слова: экспортно-ориентированное сельское хозяйство; экономическая структура; многостороннее сотрудничество; технологическая инновация

Для цитирования: Цуй Чжэн, Янг Йеминг. Стратегии развития сельского хозяйства в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):84-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-84-97

ORIGINAL PAPER

The Orientation and Influence of Agricultural Development in Russia**

Cui Zheng^а, Yang Yueming^б

^{а, б} Liaoning University, Liaoning province, China

ABSTRACT

Based on the changes and impacts of Russian agricultural strategy, this paper combs the agricultural policies and main adjustment directions of Russia in various stages after the Cold War, as well as the prospects of Sino-Russian agricultural cooperation. Agricultural strategy in Russia is long-term. With the adjustment of national development and national interests, agricultural development goals have changed in various periods. The fundamental reason for agriculture growth during the economic downturn lies in the national strategy's long-term subsidies and supports. Nowadays, agricultural productivity in Russia has been dramatically improved, new adjustments have been made to the agricultural strategy, and the introduction of new development plans is to cope with the constraints resulted from the imbalance of economic structure. The new strategy will deepen the reform of the agro-industrial structure and guarantee the innovative and sustainable development of this field. Among them, active agricultural cooperation is an essential part

* Данная статья представляет собой поэтапные результаты исследований крупного проекта ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования 13-й Пятилетки Ляонинского университета «основная корректировка и анализ последствий внутренних и внешних дел России после переизбрания Путина президентом» (LNUJD 201702) и проекта Фонда планирования социальных наук Ляонина 2017 г. «исследование роли России в китайско-американском сотрудничестве и конкуренции в период Трампа» (LNUJD 201702).

** This paper is the phased research results of the major project of the key research base of Humanities and Social Sciences of the Ministry of Education of the 13th Five-Year Plan of Liaoning University, "The major adjustment and consequence analysis of Russia's domestic and foreign affairs after Putin's re-election as president" (LNUJD 201702), and the 2017 Liaoning Social Science Planning Fund Project "Research on the Role of Russia in Sino-US Cooperation and Competition during the Trump Period" (LNUJD 201702).

of the reform process. Agricultural cooperation in Russia is centred on national interests and aimed at attracting foreign direct investment, which can improve the passive situation of diplomatic isolation while opening up the trade market. Also, the upgrading of the Sino-Russian partnership will deepen bilateral cooperation in the agricultural field.

Keywords: export-oriented agriculture; economic structure; multilateral cooperation; technological innovation

For citation: Cui Zheng, Yang Yueming. The orientation and influence of agricultural development in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):84-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-84-97

Since the Ukraine crisis outbreak in 2014, Russia-US relations have entered the lowest period since the end of the Cold War. In dealing with the Ukraine issue, the United States and its Allies have taken economic advantages to carrying out a series of sanctions against Russia, such as “encirclement and suppression” against Russia in the areas of finance, credit, foreign trade, etc. In a series of anti-crisis policies issued by Russia, the agricultural sector has achieved remarkable results as an important implementation area of the “import substitution” policy. As agriculture is a key area of economic transformation in Russia, new agricultural strategies have been introduced one after another. Active expansion of industrial cooperation, promotion of relevant infrastructure construction, expansion of product export, improvement of product processing capacity and improvement of pertinent cooperation mechanisms have become new contents of Russian agricultural cooperation mechanism. So what adjustments have been made in Russian agricultural policy? What risks and challenges will Sino-Russian agricultural cooperation face? Therefore, based on the adjustment of Russian agricultural strategy and Sino-Russian agricultural cooperation, this paper systematically combs the changes of Russian rural policy in the post-Cold War period, summarises the development trend of agricultural policy and evaluates the prospects of Sino-Russian agricultural cooperation.

THE BASIC COURSE OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT AFTER THE DISINTEGRATION OF THE SOVIET UNION

Stage I: the period of import quota

After the Soviet Union’s disintegration, Russia implemented powerful de-collectivisation measures and marketisation in the agricultural sector during the transition to the market economy, and a large number of collective farms converted into private

farms and agricultural companies. In 2000, only about a quarter of the producers were profitable, and the share of agriculture in GDP dropped from 15.4% in 1990 to 6.5% in 1997. Meanwhile, due to the long periodicity of agriculture, a large volume of loans imposed a considerable burden on the national banking industry.¹ Against this background, imported meat began to enter the Russian market in large quantities. In addition to people’s living needs for meat products, Russia’s market was facing severe challenges from well-functioning agricultural enterprises in developed countries, especially in the aspect of international trade, its response capacity was quite limited. Russia received targeted loans and humanitarian assistance from the International Monetary Fund (IMF) for “high-priced” food purchases, severely hitting the Russian poultry industry. As the US chicken was delivered at dumping prices, there was no opportunity for domestic products of price competition.

In the article “Russia at the turn of the Millennium” published by Putin on December 30, 1999, he proposes that one of Russia’s basic projects is the promotion of modern agriculture, intending to be able to organically integrate national support and national control measures with market reforms in rural areas and land ownership. After coming into power, Putin put forward a specific development direction with Russian characteristics for agricultural policy, a new mechanism for the coordinated development of various agricultural organisations enhancing the production vitality of agro-industrial complex through the orderly guidance of national planning. He stressed that the development of agriculture was a prerequisite for Russia to return to the world stage and an inevitable requirement for implementing the strategy of strengthening the country and enriching the people. In 2003, the government of the Russian Federation formally proposed that the annual import volume of poultry should be reduced by 25%, and the import volume of beef and pork should be reduced by 20%; poultry was subject to import quotas (the

¹ URL: <http://madeinrussia.rbc.ru/article/1990-ye-gody/>.

Table 1

Demand, output, and growth rate of meat products (thousand tons)*

Item	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Domestic production	4936	-	4972	5259	5790	6268	6688
The growth rate compared with the previous year	105.6%	-	-	105.8%	110.1%	108.3%	106.7%
Domestic personal consumption	7464	-	7871	8287	8774	9353	9545
The growth rate compared with the previous year	103.6%	-	-	105.3%	105.9%	106.6%	102.1%

Source: Report of "Agriculture, Animal Husbandry and Forestry" issued by the Statistics Office of the Russian Federation.

* URL: https://gks.ru/bgd/regl/b04_38/Main.Htm.

amount of import could not exceed the quota), while pork and beef were subject to tariff quotas, with a tariff rate of 60% for beef exceeding the quota and 80% for pork.² The comparison between the annual growth rate of domestic meat production and the annual growth rate of national demand indicated that domestic production was slightly faster than the living needs of residents, which directly reflected the positive trend brought about by the quota system during this period (*Table 1*).

Stage II: the formation of long-term agricultural strategies

The food security strategy adopted by the Russian Federation in 2010 implies that the country maintains reasonable consumption standards for residents based on the economic situation, and the guarantee of material and economic access is the main condition for ensuring food independence. Food security is generally assessed by countries based on the level of food self-sufficiency. However, import quotas stimulated the production capacity of domestic producers; nearly 30% of the food still needed to be imported, which had seriously threatened Russia's food security. Therefore, further development of agriculture in the context of market relations would not be possible without strengthening the

country's role and supporting this most important economic field.

From an economic perspective, Russia's high dependence on certain food imports significantly reduced its own economic security. Against the background of increased external debts, the massive purchase of foreign food and food ingredients further increased the pressure on limited foreign exchange resources. Moreover, the increase in food imports was increasingly forced to be paid with non-renewable natural resources and undermined Russia's role in the global economy. As a result, Russia proposed that food security's main goal was to promptly predict, identify, and prevent internal and external threats to food security: the sustainable development of domestic food production and raw materials was sufficient to guarantee its food independence. In this regard, the state proposed that the market share of various domestic foods was: cereal products account for at least 95%; sugar account for at least 80%; vegetable oil account for at least 80%; meat and meat products account for not less than 85%; milk and dairy products account for not less than 90%; fish products account for at least 80%; potatoes account for at least 95%; salt account for at least 85%.³ This principle can be regarded as an upgrade of agricultural protection policy in the previous stage, which has raised the reduction of imports to the height of food security protection.

² URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2003/5703bfe49a7947afa08cdf41>.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30563>.

Stage III: the period of hindered agricultural development

Russia's WTO accession negotiations lasted for 18 years until 2012 when Russia officially became a WTO member. Opinions on the impact of WTO accession on Russia varied in the country. Most experts and scholars believed that WTO accession might not bring significant positive implications in the short term. It might even hit the fragile domestic manufacturing industry due to the reduction of tariffs. In the past decade, Russian agriculture had gradually resumed production under the support of several national protection policies. However, it still lacked competitiveness compared with a large number of cheap imported agricultural products. Therefore, the domestic people held a negative attitude towards the open agricultural market after it accedes to the WTO. In the process of reaching an agreement, opening up the agricultural market had become one of the important conditions for Russia's accession to the WTO. Since Russia had long been a major importer of agricultural products from European and American countries, and its domestic agricultural productivity was far from reaching the level of food security, opening its domestic market was bound to hit the newly developed agricultural production. In the final agreement, the main restrictive provisions included the cancellation of the beef quota, the pork quota's cancellation by January 1, 2020, and the reduction of the "Amber Box Subsidy"⁴ according to the agricultural agreement within the framework of the organisation.

Accession to the WTO has an important impact on participation in the redistribution of world resources and integration into the world order, which may take longer than the accession negotiations to achieve such a strategic advantage. At that time, at the level of domestic agricultural productivity was far from the level of food security. The reduction of tariffs and control of the "Amber Box Subsidy" would definitely deal a significant blow to the newly developed agricultural production. Meanwhile, Russia achieved a 5–7 years transition period for the agricultural sector during the negotiation. It was determined in the final agreement that the import

quota system for meat products could be retained. Still, the pork imported within the quota was duty-free, and the tariff for additional imported pork fell by 10%.⁵ National subsidies to domestic producers should not exceed the US \$ 9 billion in 2013 and would gradually be reduced to the US \$ 4.4 billion by 2018.⁶

Stage IV: import substitution

In response to Western sanctions, Russian leaders announced the implementation of import substitution policy. One of the purposes of introducing an import substitution policy was to promote the Russian economy's diversification because of the difficult economic situation. From domestic production development to innovative development, it was necessary to get rid of dependence on foreign technologies and products gradually. Strengthening national management in the field of foreign trade and formulating a standard mechanism for effective implementation of import substitution could be a rare opportunity for Russia's economic growth, scientific and technological development, overcoming technological gaps and improving the investment environment.

In August 2014, Russia formally implemented anti-sanctions retaliation measures against the US and European sanctions, imposing restrictions on certain types of food imported from European Union countries and the United States, Australia and Canada. The restrictive measures involved importing beef, pork, poultry, fish, seafood, cheese, milk, fruits, vegetables, and many other types of agricultural products and food, contributing to the production growth of domestic agricultural enterprises replaced imported products in some areas. After restricting imported products' entry into the market, domestic agricultural producers gained development opportunities and replaced importers' share; domestic agricultural food began to dominate the Russian market. The agricultural sector almost became the only growing sector in Russia during the economic downturn.

According to a report released by the Ministry of Agriculture in August 2017, national budget support for agriculture increased by 27%, from 190 billion roubles in 2014 to 242 billion roubles in 2017. Besides, Russia introduced a series of subsidy and loan policies. The Ministry of Agriculture

⁴ The WTO's "Agricultural Agreement" restricts the relevant protection policies of member countries on domestic agriculture, and is divided into yellow box, blue box and green box policies according to the degree of possible distortions to trade. Yellow box policy refers to the protection policy with a high degree of trade distortion, including the government's intervention in the price of agricultural products and subsidies for agricultural inputs such as seeds and fertilizers.

⁵ URL: <https://ria.ru/20120823/729063890.html>.

⁶ URL: <https://ria.ru/20130614/943153184.html>.

launched a single regional subsidy, enabling each region to independently determine the priority of supporting various industries according to the region's specific conditions. The comprehensive effect of these measures led to the successful implementation of import substitution policies in agriculture, among which the meat industry achieved the most remarkable results. The import share of pork consumption fell by two-thirds (from 26% in 2013 to 8% in 2016), while poultry meat fell by three fifths (from 12% in 2013 to 5% in 2016). Vegetable imports fell by half (from 866,000 tons in 2013 to 463,000 tons in 2016), while domestic vegetable production increased year by year. Over the past three years, greenhouse vegetables' output had risen by 30% (*Table 2*).

Due to the construction of new greenhouse complex and the achievements of further farmland reclamation, the harvest of fruits and vegetables in 2017 remained at the same level as the previous year under the unfavourable weather conditions such as frost, storm, hail and flood.⁷

RUSSIA'S NEW AGRICULTURAL DEVELOPMENT STRATEGY IN THE CONTEXT OF US AND EUROPEAN SANCTIONS

Against the backdrop of geopolitical factors and renewed macroeconomic challenges, Russian agriculture has entered a new development period after basically achieving self-sufficiency in food. Despite multiple pressures, import substitution's overall trend is still positive since all products have maintained high profitability levels. In October 2018, Putin attended the agricultural conference held in the Stavropol region in Russia. He assessed the agricultural sector's achievements and determined the strategic guidelines for future industrial development in key areas. Putin described the agro-industrial complex's achievements as a breakthrough, pointing out that agricultural production had increased by more than 20% over the past five years, and domestic producers could supply almost all necessary food products to the country. Besides, they had actively opened up foreign markets and conducted many foreign trade activities with China, India, Southeast Asia, Africa, and the Persian Gulf countries. In 2017, export deliveries of food and agricultural raw materials increased by 21% to more

than the US \$ 20 billion, which exceeded the sales of weapons by the US \$ 5 billion and became the country's second-largest export commodity.

As early as November 30, 2016, Russia approved the priority project of "Export of Agricultural Products", indicating that the agricultural sector was gradually shifting to "export-oriented". At the Russian agricultural products export conference in July 2019, Prime Minister Dmitry Medvedev first affirmed the remarkable achievements in the field of agriculture in the past five years. With the rapid development of the agro-industrial complex and the increasing production and processing of grain, feed, milk and meat increasing, food security issues had been preliminarily solved. In 2018, the export volume of agricultural products and food was close to the US \$ 26 billion, even exceeding the target of US \$ 23 billion set in the federal project "Export of Agricultural Products".⁸ Russia has been one of the leading countries in cereal export. With the continuous expansion of its export areas, Asia Pacific, Africa, and the Middle East have become Russia's main partners.

It is estimated that Russia's agricultural exports will reach the target of US \$ 45 billion by the next stage of 2024. First of all, the country will support investment projects in the deep processing of agricultural products, change the export structure, and transform from raw materials' advantages to deep processing products. Cereal products have begun to change in this direction, and the development of seafood products will be accelerated in the next stage. At present, 90% of seafood is only frozen before export, and it is planned to increase the share of high value-added fish products to 40%. Second, the logistics infrastructure needs to be further developed, and the network of wholesale distribution centres that exporters need will continue to be improved. In addition to the eight centres putting into operation in 2018, another 14 will be built within four years. In the comprehensive plan for the modernisation and expansion of major infrastructure in 2024, considering the needs of farmers in the transportation of agricultural products, part of the cost of railway transportation of agricultural products will be compensated to agricultural producers through preferential tariffs. Thirdly, to boost exports, domestic products will be subject to uniform quarantine standards, thereby

⁷ URL: <http://mcx.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-podvyel-itogi-realizatsii-programmy-importozameshcheniya-za-3-goda/>.

⁸ URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/c2a/c2a05c48403632531fc69dc891db4a97.pdf>.

Table 2

Production and consumption of vegetables and dairy products in the past five years (thousand tons)***Vegetables**

Item	2014	2015	2016	2017	2018	RATIO (%)	
						2017	2018
Domestic production	14 352.1	14 967.8	15 064.4	15 426.7	15 655.0	61.2	61.5
Import	2952.5	2643.6	2356.7	2669.9	2484.6	10.6	9.7
In total	24 161.1	24 632.0	24 608.4	25 195.2	25 471.0	100	100
Loss	483.2	509.3	510.4	511.5	472.2	2.0	1.9
Export	76.4	197.5	269.1	248.0	282.2	1.0	1.1
Personal consumption	14 833.4	14 918.3	14 946.9	15 219.4	15 651.0	60.4	61.5

Dairy products

Item	2014	2015	2016	2017	2018	RATIO (%)	
						2017	2018
Domestic production	29 995.1	29 887.5	29 787.3	30 185.0	30 611.1	77.5	79.0
Import	9 157.9	7 951.3	7 578.6	6 996.9	6 493.0	10.6	9.7
In total	41 134.8	39 959.2	39 313.6	38 927.9	38 743.0	100	100
Loss	35.2	33.7	30.3	29.4	31.3	0.1	0.1
Export	628.9	606.0	644.8	607.6	576.3	1.0	1.1
Personal consumption	34 953.1	34 148.2	33 832.9	33 736.9	33 552.0	86.6	86.6

Source: Report "Consumption of basic foodstuffs by the population of the Russian Federation in 2019" issued by the Russian Statistical Office.

* URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13278>.

reducing importing countries' doubts about the quality of food produced by Russia.⁹

CONDITIONS FOR THE TRANSFORMATION OF AGRICULTURAL STRATEGY

First, the geopolitical environment remains complex. First of all, western countries are still inevitable factors affecting Russia's national security. In June 2019, the European Union announced the extension of sanctions on some Russian economic sectors. It included a

restriction on the access of five state-controlled Russian financial institutions and their holding subsidiaries established outside the European Union to the primary and secondary capital markets of the European Union; restriction on three sizeable Russian energy companies; restriction on three national defence companies; banning the export of dual-use goods for military purposes or the Russian army; restricting Russia's access to certain strategic technologies and services that could be used for oil development and production. Correspondingly, Russia also issued anti-sanctions laws and decrees, confirming

⁹ URL: <http://government.ru/news/37430/>.

that the Russian President and the government had the right to carry out anti-sanctions against “unfriendly acts” of other countries.

Although there were considerable contradictions in Russia and Europe’s bilateral relations, both sides were gradually aware of the long-standing economic and trade links. It can be said that Russia and Europe’s demands of each other were by no means “zero-sum relations”. Simultaneously, the practice of “unilateralism” of the United States had also disappointed European countries, which had brought opportunities for cooperation between Russia and Europe. Due to its superior geographical location and many other reasons, Russia had become an indispensable economic partner of the EU countries. On the other hand, comprehensive economic cooperation between the EU and Asia would not replace Russia and the EU’s economic cooperation. Therefore, cross-border cooperation between Russia and EU countries had not stopped for a long time. For the EU, which has the longest land border with Russia, the termination of cross-border cooperation would violate the good-neighbour policy. It would turn relations from friendly to hostile. In 2014, the European Commission decided to continue the cross-border cooperation plan. Dozens of small joint projects continued to be implemented, which was conducive to reducing political conflicts, promoting regular meetings between officials of both sides, and maintaining contact with local authorities and law enforcement agencies.

Second, as an important strategic space for Russia, the CIS countries have always been the top priority for Russia to maintain its special status and Russian diplomatic work, which is the bottom line for Russia to maintain its “great power status”. Based on the “Eurasian partnership”, a multi-level and multi-field cooperation mechanism has been established in the region. The main idea Russia needs to convey to its partners is that the goal of the integration process of the post-Soviet space development is to establish not only a customs union and a common economic space but also a broad Eurasian cooperation zone. The most important condition for achieving this goal is the economic integration of the post-Soviet area. At the same time, this integration is Russia’s strategic goal in CIS countries. For Russia, the demand for integrated Soviet space is mainly related to geopolitical goals and the long-term prospects of its economic development. Russia hopes to keep its products competitive in the

Eurasian sales market and establish friendly cooperation belts with its neighbouring countries. Cooperation between Russia and the CIS countries can be developed through payment and customs unions, the establishment of interstate industrial associations, international financial centres and industrial companies.

Relations between Russia and the United States are sharp and risk deteriorating. This deterioration is a long-term trend, which is determined by the ideology of the American political elite. It is characterised by the increasing strength of neo-conservatism, making American foreign policy full of idealism and realism. Formulating a new US strategy in a continually changing world pattern reflects the US realistic understanding of the power boundary. It determines the factors of turbulence, instability and deterrence in the US-Russian relations. The relationship between Russia and the United States has always been at the lowest level. The “imbalance” in the pivot of international security may lead to direct military conflicts between the United States and Russia. The most sensitive and fundamental strategic stability and security issues in bilateral relations have greatly affected Russia’s national development.

The complex and tense geopolitical environment has put forward urgent demands for Russia’s economic development and provided an opportunity to transform the agricultural sector and strengthen agricultural cooperation. Cereals, as a kind of food crop, have an important strategic position. Russia’s access to the world market as an exporter is of great political significance for boosting its development momentum. In September 2019, the Russian delegation led by the Deputy Minister of agriculture of the Russian Federation participated in the ninth meeting of BRICs ministers of agriculture. During the meeting, the priority was emphasised on implementing the goals of the 2030 agenda for sustainable development. The meeting stressed the sharing of experience among member states and the strengthening of international cooperation among professionals. In its report to the meeting, Russia spoke of the domestic agricultural sector’s digital transformation and national plans for developing rural areas. The joint declaration, signed at the subsequent BRICs Ministerial Conference, covered topics relating to the use of new technologies in the communications sector, the development of agricultural innovation companies, trade and

regionalisation, and the sustainable development of agriculture in BRICs countries.¹⁰

Second, the macroeconomic development of the country is unstable. In 2018, in its Russian economic report, the World Bank predicted that Russia's economic growth prospects would be moderate in 2018–2020, which was expected to be 1.5–1.8%.¹¹ In early 2019, the Russian Ministry of Economic Development, the Central Bank and the National Bureau of Statistics successively announced the economic growth results for 2018. The National Bureau of Statistics estimated the Russian Federation's GDP growth at 2.3%, higher than the Ministry of Economic Development forecasts and the Central Bank. The Ministry of Economic Development estimated economic growth at 1.8% (and then increased to 2%), while the central bank forecasted growth of between 1.5% and 2%.¹² However, the annual growth rate was only due to short-term reasons such as rising oil prices and did not reflect the effective use of basic labour and capital elements.

Raising the economic growth rate above the global average is a crucial task for the further development of national economy, which will ensure the living standards of Russian citizens, ensure the food security of the country, and improve the competitiveness of Russian agricultural products and food in the domestic and foreign markets. The country is considering the development of export products to achieve this goal. The development of the further processing and export of the cereal, flour, oil and fat products, sugar, starch, and confectionery has received further attention from the country. Exports in poultry, pork and beef also represent positive trends. The main export areas of Russian products are located in the Azov-Black Sea, the Caspian coastal area and the Asia-Pacific region. The report prepared by the United Nations Conference on Trade and Development specifically pointed out that “world trade is highly unlikely to achieve broad-based growth in the face of low global demand. Besides, to a large extent, the hope of a rapid breakthrough in the largely development-oriented multilateral trade negotiations is fading.” This situation in the global economy poses certain risks to development. “In the case of low global demand, world trade is unlikely

to provide broad-based growth except in individual countries and certain special circumstances.” Russia's agricultural export is a priority development project for the implementation of long-term goals. Therefore, the country needs to adopt a reasonable trade protectionism policy, which should implement the necessary institutional and infrastructure support to promote agricultural products to foreign markets.

THE ROLE OF RUSSIAN AGRICULTURAL POLICY IN THE CONTEXT OF SANCTIONS

First, it is conducive to implementing economic diplomacy and attracting foreign investment from the international point of view. After setbacks in its relations with the West, Russia has attached greater importance to the “Orient” in its strategic goals. The Asia-Pacific region bears on Russia's major strategic interests in the economy, geopolitics, national relations and many other aspects. It should become one of the most important regions for Russia's comprehensive development. The cooperation in the agricultural field has become an important fulcrum for implementing the Eastward Strategy. Firstly, under the trend of globalisation, developing countries play an increasingly stronger role in the world agricultural products market: economic growth, poverty reduction, increased consumption and imports have promoted Western partners to gradually position themselves to the East in world trade, which is obviously conducive to Russia's agricultural development. Compared with the energy sector or the entire industry, the global agricultural market is less sensitive to investment policies changes and has limited dependence on political fluctuations. Population growth and climate change in certain parts of the world have been favourable factors for Russia's agricultural exports. According to data from the Food and Agriculture Organization of the United Nations, the largest importers of agricultural products in the world are the European Union, the United States, China, Japan, Canada and Mexico. In contrast, the largest exporters are the European Union, the United States, Brazil, China, Canada and Argentina.¹³ The most promising markets for Russia's agricultural exports are the Asia-Pacific countries with sustained consumption growth, including China, Japan, South Korea, etc.

One of the representative manifestations is Russia-Japan economic cooperation in the Far East, mainly in agriculture and energy. Taking the opportunity of Russia's orientation to the East,

¹⁰ URL: <http://mcx.ru/press-service/news/na-vstreche-ministrov-selskogo-khozyaystva-stran-briks-obsudili-transformatsiyu-rossiyskogo-apk/>.

¹¹ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/201812/20181202817419>.

¹² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873845>.

¹³ URL: <http://www.fao.org/3/I9542EN/i9542en.pdf>.

Japan has actively engaged in contact with Russia to negotiate on territorial disputes, with its bottom line of conducting dialogue and cooperation with Russia through economic cooperation. In May 2016, Japan officially announced the introduction of the “new approach” to its relations with Russia. It included the extension of life expectancy, the development of urban modernisation, the provision of convenient and tidy life and convenience, the interaction of small and medium-sized enterprises, the expansion of cooperation, energy, the improvement of diversification level of Russian industry, the improvement of productivity, the development of far east industry, the establishment of export bases; cooperation in the field of advanced technology; and the strengthening of non-governmental exchanges between Russia and Japan. During the fifth Oriental Economic Forum held on September 4, 2019, the Deputy Minister of Agriculture of Russia held working meetings with the Deputy Ministers of Agriculture, Forestry and Fisheries of Vietnam and Japan, which focused on the implementation of the joint project between Russia and Japan, aiming at improving agricultural and fishery productivity in the Russian Far East, and establishing greenhouses and pig farms adapted to the Far Eastern climate.

In addition to the Asia-Pacific region, Russia has also been actively developing trade relations with the Middle East, Africa, and other regions. At the group meeting of Russia-Africa Economic Forum on “Sustainable Partnership in Agriculture: Institutions, Tools and Guarantees” held in October 2019, according to Russian Deputy Minister of Agriculture Sergei Levin, Russia believed that Africa was a reliable partner for constructive cooperation in agriculture. Since 2016, Russia’s exports to countries in the region had increased by 73%, reaching the US \$ 4.6 billion by the end of 2018, with considerable trade potential. In the next few years, Russia planned to double the supply of agricultural products on the African continent, with an expected growth of more than US \$ 5 billion.¹⁴ It was stated that most of Russia’s agricultural exports flew to North Africa, and Russia was planning to expand cooperation with other regions. Russia was ready to meet Africa’s growing food demands. Deputy Minister Levine emphasised that wheat and barley and sunflower oil, poultry, confectionery, and fish products, had great potential for export growth to countries on the

African continent. Participants also discussed the establishment of logistics infrastructure to develop partnerships with African countries, the issue of mutually beneficial partnerships in agricultural products and food trade, and Russia’s investment prospects in agricultural infrastructure in the region. In November 2019, the Russian Minister of Agriculture visited Jordan, expanding the level of bilateral agricultural cooperation. Jordan had long needed to import Russian barley, beans, and vegetables. The two countries had agreed on quarantine standards and procedures for the supply of Russian meat and finished meat, milk and dairy products, and were ready to increase food exports, especially cereal, livestock and fish products.¹⁵

Second, it is conducive to solving the national economy’s structural contradictions from the national perspective. Agriculture, as one of the most important sectors of Russia’s national economy, provides food for the people, is the source of raw materials for the processing industry and meets various other social needs. The standard of living and well-being of the population, trophic structure, per capita income, consumption of goods and services and social living conditions all depend in many ways on the development of agriculture. Russia is currently pursuing “breakthrough development” in its national economic and social development, which urgently needs to improve its economic structure. Agriculture is one of the pillar sectors of the national economy of all countries. Regardless of soil and climatic conditions, even the most developed countries are vigorously developing the agricultural economy. Any powerful country in the world requires to be supported by strong agriculture. Therefore, Russia must develop its independent agricultural industry, not to mention its inherent advantages in developing agriculture, such as the broad and fertile agricultural land.

Meanwhile, the development of agriculture is conducive to rural stability and national security. The gap between urban and rural areas in Russia is enormous because most of the rural areas are located in remote areas, and many villages and towns lack necessary living facilities such as tap water, electricity, communication and so on, resulting in a large number of rural labour force transferred to cities. According to the regional quality-of-life ranking released in early 2019, the highest per capita GDP in Moscow and the

¹⁴ URL: <http://mcx.ru/press-service/news/rossiya-udvoit-postavki-prodovolstviya-v-afriku/>.

¹⁵ URL: <http://mcx.ru/press-service/news/rossiya-i-iordaniya-ukreplyayut-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo/>.

Table 3

Monthly living expenses of Russian families (rouble)*

Item	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Average monthly household consumption	11 715.1	13 066.3	14 153.8	15 094.3	15 295.4	16 632.5
Average monthly food consumption	4 078.1	4 375.1	4 694.9	5 111.0	5 707.8	6 220.7
Monthly consumption by rural households	8 156.8	9 305.4	9 739.5	10 611.9	11 271.3	12 070.4
Monthly food consumption by rural households	3 579.3	3 842.8	4 073.8	4 457.0	5 100.5	5 486.2

Source: Report of "Social status and living standards of the Russian people" issued by the Statistical Office of the Russian Federation.

* URL: https://gks.ru/bgd/regl/b15_44/Main.htm.

lowest Tuva region differ by 25 times. Promoting the development of agriculture can effectively attract the relocation of labour, and its spillover effect can also drive the construction of related infrastructure.

However, as an economic strategy implemented by the country, "import substitution" is contradictory in nature. On the one hand, it is one of the economic policies implemented to protect the economy; on the other hand, it is also a way to integrate economic growth goals into the global economy. The strategy of import substitution is currently of great significance to Russia. It can be understood as a national policy aimed at increasing domestic demands for its products, taking positive measures to reduce dependence on the consumption of similar foreign products, thereby creating globally competitive domestic producers and products, reflecting the necessity of implementing innovative import substitution strategies. The policy of import substitution, aimed at stimulating domestic economic development, should be held in a dual attitude. From the trend of implementing sanctions and retaliatory measures, it is likely to be an incentive to stimulate the development of domestic industries. However, it should also be noted that it aims not only to replace domestic goods with imported ones on the domestic market but also to improve those goods and the quality of services so that they can compete with foreign goods on the world market. From this

perspective, a more cautious attitude is of great importance (Table 3).

PROSPECTS FOR AGRICULTURAL DEVELOPMENT

First, from a positive perspective, organic agriculture is the "new label" for exports. Organic agriculture is one of the Russian agriculture characteristics, which meets Russia's demand for "clean and quality improvement" of its agricultural products and is also the most significant difference from other large agricultural countries in promoting agricultural development with developed industry and technological capabilities and establishing large-scale intensive farms. The development of organic agriculture in Russia has raised import standards and used this factor in diplomatic practice to impose sanctions on some countries. The Russian Ministry of Agriculture has obtained the exclusive right to trademark organic products, which will be issued to enterprises by the Patent and Trademark Commission. The law on organic products has come into force in 2020. Currently, the Russian Ministry of agriculture is working with other authorities to formulate laws and regulations, including maintaining the registration of organic producers and several national standards. The introduction of the single-label model will help improve the quality of products on the domestic market and generally contribute to developing

the country's agricultural-industrial complex. Based on other measures provided by the Russian Government and the Ministry of Agriculture, the creation of Russia's protected brands of organic and environmental agricultural products will address the President of the Russian Federation's task to increase agricultural exports and improve food quality.

The 31st Regional Conference of the Food and Agriculture Organization of the United Nations was held in Voronezh from May 16 to 18, 2018, with the theme of e-agriculture, agroecology, and organic agriculture. At the meeting, Acting Governor Alexander Gusev offered support for the development of organic agriculture in Voronezh and pointed out that the challenge ahead was to make it a near-term priority for agricultural development in the region. On the eve of the meeting, the Organic Agriculture Alliance released Russian research results in the field from March 2017 to April 2018.

Organic agriculture refers to an agricultural method that does not use pesticides, herbicides, chemical fertilisers, growth regulators and genetically modified seeds in agricultural production. There are a total of 70 certified organic agricultural enterprises in Russia, 53 of which meet international certification standards, and 16 certified domestic manufacturers have so far exported their products, mainly cereals, oilseeds and essential oils, to EU countries. When the State Duma passed the Organic Agriculture Act on first reading in January 2018, Prime Minister Dmitry Medvedev once stated that Russia could take a 10–25% share of the global organic agriculture market in the future.¹⁶ It will bring irreplaceability to Russian agricultural products, stabilise the export market of Russian agriculture, and stimulate agricultural-related science and technology development. At the same time, the only risk is the deterioration of the political situation. The development of organic agriculture is one of the highlights of Russian agriculture. Its political significance lies in that it has improved the disadvantages in Russian-European trade and increased Russia's initiative under the conditions of sanctions.

Second, from a negative perspective, the domestic agricultural comprehensive production chain has not yet formed. One of the main trends in agricultural development is the technological modernisation of the industry. Another crucial area

is to guarantee subsidies for agricultural producers. The state supports greenhouse vegetable cultivation, pig raising, seed production, etc. High levels of agricultural subsidies have attracted a large number of investors into the agricultural market. However, some problems have not been solved, such as the unreasonable distribution of subsidies, a large part of which are used to support livestock production. In contrast, issues in areas such as feed production have not been solved.

“We are indeed lagging behind other countries in many industries. Except for cereal crops, almost all crops have a high dependence on the import of seeds,” said Ogonka, executive director of the Russian Federation of Phytochemical Manufacturers. Almost half of the domestic market seeds come from abroad, and the dependence on imports is more than 50%, even accounting for 90% in the beet varieties. Under the background that agriculture in developed countries has become a high-tech industry, Russian agricultural science funding is scarce. However, the Ministry of Agriculture has formulated corresponding strategies and plans; thus, it has not produced effective results. Given the situation of underdeveloped agricultural raw materials and agricultural science and technology, Russia has reached cooperation intention with Bayer that Bayer will provide Russian researchers with seed materials and teach production techniques to accelerate agricultural development. “The value of the seed market in Russia is 50 billion roubles, of which 24.14 billion roubles are imported.” According to data from the Science and Technology Policy and Education Department of the Ministry of Agriculture, vegetable seeds' import dependency has reached 47%. That of feed crops reaches 90%, and breeding and nursery of fruit, berry and nut crops get 70%.¹⁷ The head of the Bayer Technology Transfer Project said that Russian scientists would receive foreign seed materials for essential crops such as corn, soybeans, rape and wheat, and acquire relevant technologies to accelerate the three vegetable crop of tomato, cucumber and cabbage. Researchers at the National Institute of Agricultural Science and Technology can carry out localised improvements and use them for domestic research to obtain localised hybrids and sell varieties of commodities. As part of the technology transfer, Bayer will also provide expert support, including educational activities and Russian representatives'

¹⁶ URL: <https://news.rambler.ru/other/39520317-gd-v-per-vom-chtenii-prinyala-zakonoproekt-ob-organicheskomselskom-hozyaystve/>.

¹⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3888725?query=bayer>.

training to the company's European Research Centre. Bayer will also participate in creating a plant biotechnology education and research centre, which will focus on the four crops of corn, rape, soybeans and wheat.

In the first 20 years of the 21st century, the Russian agricultural policy has been continuously adjusted with the country's development. However, Russia has certain geographical advantages in developing agriculture; such conditions still restrict it as the low starting point of development, insufficient labour force, poor climate conditions, and dependence on machinery and technology imports. To truly realise the self-sufficiency of agricultural products also requires a large amount of national capital and technology investment. Firm agricultural productivity depends on long-term investment and attention, and the process of industrial modernisation is long. Due to the average payback period of 4–5 years in the agricultural sector, it isn't easy to attract external funds. Independent agricultural production industry chain needs the support of workforce, science and technology, industrial modernisation, and other factors. The current agricultural development in Russia only stays at the level of improving agricultural productivity. The prospect of independent and sustainable development of the agricultural sector in the future is still unclear.

THE INFLUENCE AND PROSPECT OF THE EASTWARD STRATEGY ON SINO-RUSSIAN AGRICULTURAL COOPERATION

At present, Russia's foreign economic and trade relations have changed, and Russia is gradually developing economic and trade cooperation with oriental countries. Given that the active Asia-Pacific region has become one of the world's economic centres, economic and trade cooperation with oriental countries is increasingly attractive to Russia. China is not only Russia's largest trading partner in the Asia-Pacific region, but Sino-Russian relations are also one of Russia's most important bilateral ties. The development course of Sino-Russian economic and trade cooperation in the past 30 years indicates similar stage characteristics with political relations. Since the 1990s, with China's continuous improvement and Russia's political relations, economic and trade cooperation has gradually expanded. At the present stage, both Russia and China solve the problems of economic restructuring and transformation, and both sides are interested in seeking new forms of interaction and cooperation.

As the two countries' political relations enter a "new era", Sino-Russian economic and trade cooperation will be further developed. As an important area of Sino-Russian economic and trade cooperation, agriculture will also usher in new cooperation opportunities. In 2018, Dmitry Patrushev, Minister of Agriculture of Russia, and Han Changfu, Minister of Agriculture and Rural Affairs of the People's Republic of China, reached consensus on agro-industrial joint development complex in the Far East, Baikal Lake region of Russia and Northeast China.¹⁸

As the bilateral economic and trade cooperation level is restricted by the industrial structure and economic model of the two countries, economic and trade cooperation is obviously lagging behind the political mutual trust between the two countries. In 2018, for example, bilateral economic and trade volume exceeded the US \$ 100 billion, reaching the highest level in history. Still, it accounted for a small proportion of China's total foreign trade volume of the US \$ 4 trillion. At present, Sino-Russian agricultural cooperation's focus still lies in trade, and its low level is mainly due to the excessive gap in economic volume between the two sides. The structure of agricultural trade between China and Russia is complementary to each other. In the agricultural field, Russia can cooperate with China in terms of its weaknesses in seed cultivation, agricultural machinery production and labour force. Russia's efforts to strengthen its agricultural productivity have already shown noticeable results, which is conducive to further promoting Sino-Russian trade in agricultural products. On this basis, to expand Sino-Russian cooperation in the field of agriculture, it is more important to innovate cooperation models at the national level. China and Russia do not have a long history of agricultural cooperation, and a large number of agricultural products trade is an emerging trade field. Nowadays, through the establishment of cooperation zones, the operating costs of agricultural product production have been reduced, and customs clearance efficiency has been improved. The establishment of a free trade area for agricultural products can remove the long-term obstacles hindering the development of agricultural cooperation between China and Russia, strengthen the basis of interaction between the two countries, and significantly improve the efficiency

¹⁸ Joint Communiqué of the 23rd Regular Meeting of Chinese and Russian Prime Ministers. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-11/07/content_5338172.htm.

and level of cooperation. Meanwhile, to strengthen customs cooperation and coordination, it is urgent to establish systematic and effective specific rules to simplify the process and procedures of agricultural product quarantine.

CONCLUSION

Under the influence of sanctions, the Russian agricultural sector has risen against the trend. The government's long-term protection policy has provided conditions for the development of Russian agriculture, which has shown a good development trend. After basically meeting the needs of national food security, the new agricultural strategy is undergoing a transition to "export-oriented". The purpose of the new strategy is to improve the national economic structure and reduce the dependence of the economy on fuel exports; the other is to actively carry out diplomatic activities with countries in the Asia-Pacific region by taking advantage of agricultural trade advantages in combination with the Eastward Strategy. Under the complicated geopolitical situation and the prominent contradictions in national economic structure, attaching importance to agricultural development is an important way for a country to cope with its challenges.

However, Russia's agricultural development is also faced with deficiencies and disadvantages. The key factors affecting agricultural development, including uncertain macroeconomic prospects, insufficient labour force, continued high import rate of agricultural machinery and seeds, cultivation of agricultural talents and research on science and technology, will take a decade or even two for improvement. It needs to be recognised that many foods are not adapted to Russia's geographical conditions, excessive adherence to nationalism and the implementation of comprehensive alternatives will face high costs, and only extensive participation in international cooperation is in the national economic interest. China faces the real threat of food security and the demand for enriching its import structure, while Russia also needs to upgrade and update its industry. Therefore, China-Russia agricultural cooperation has excellent development potential. As an important part of bilateral economic and trade cooperation, it is necessary to strengthen the top-level design of the two countries, promote and deepen cooperation solidly, so that the fruits of agricultural cooperation can benefit the two countries' people.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Gao Jixiang. Studies on Russian industrial structure in the Yeltsin period from the angle of economic transition. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2011;(4).
2. Херфец В.А., Nong Xuemei. Import substitution won't be a long-term Russian strategy. *Russian Central Asian & East European Market*. 2018;(1).
3. Ouyang Xiangying. Russia: From import dependence to import substitution. *Russian Central Asian & East European Market*. 2018;(1).
4. Gao Xiaohui. Russia's import substitution and economic crisis. *Academic Journal of Russian Studies*. 2018;(1).
5. Lu Nanquan. Russian Agricultural reform and its enlightenment. *Journal of Socialist Theory Guide*. 2018;(1).
6. Guo Liancheng. Russian land privatisation and agricultural policy adjustment. *Pacific Journal*. 2004;(2).
7. Zhang Hongxia. Russia's agriculture: The new highlights in economic development. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2018;(3).
8. Lin Xi. Agricultural reform measures and the current management system in Russia. *Forum on Science and Technology in China*. 2009;(12).
9. Barsukova S., Xiao Huizhong. Agricultural policy in Russia. *Russian Studies*. 2018;(5).
10. Xu Xiangmei. Russia agriculture bucked the trend in economic distress. *Russian Central Asian & East European Market*. 2017;(3).
11. Банникова Н.В., Тенищев А.В. Классификация базовых стратегий в сельском хозяйстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-bazovyh-strategiy-v-selskom-hozyaystve>.
Bannikova N. V., Tenischev A. V. Classification of basic strategies in agriculture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-bazovyh-strategiy-v-selskom-hozyaystve>. (In Russ.).
12. Петриков А.В. Нужно новое качество роста АПК. URL: <https://kvedomosti.ru/news/akademik-petrikov-nuzhno-novoe-kachestvo-rosta-apk.html>
Petrikov A. B. We need a new quality of growth in the agro-industrial complex. URL: <https://kvedomosti.ru/news/akademik-petrikov-nuzhno-novoe-kachestvo-rosta-apk.html>. (In Russ.).

13. Анциферова О., Мягкова Е. Стратегическое планирование целей устойчивого развития сельского хозяйства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-tseley-ustoychivogo-razvitiya-selskogo-hozyaystva>.
Antsiferova O., Myagkova E. Strategic planning of sustainable agricultural development goals. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-planirovanie-tseley-ustoychivogo-razvitiya-selskogo-hozyaystva>. (In Russ.).
14. Ситников Н.П. Перспективные интегрированные структуры в аграрном секторе экономики регионов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-integrirovannye-struktury-v-agrarnom-sektore-ekonomiki-regionov>.
Sitnikov N.P. Promising integrated structures in the agricultural sector of the regional economy. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-integrirovannye-struktury-v-agrarnom-sektore-ekonomiki-regionov>. (In Russ.).
15. Мазлоев В.З. Тенденции развития аграрного сектора Забайкальского края. URL: http://vniiesh.ru/publications/zhurnal_laquoapk/nojabr_2018/21003.html.
Mazloev V.Z. Development trends of the rural sector of the Trans-Baikal Territory. URL: http://vniiesh.ru/publications/zhurnal_laquoapk/nojabr_2018/21003.html. (In Russ.).
16. Антамошкина Е.Н. Специфика и приоритеты современной аграрной политики России. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/01/19521>.
Antamoshkina E.N. Specificity and priorities of current agricultural policy in Russia. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/01/19521>. (In Russ.).
17. Потапцева Е.В., Смирных С.Н., Федоров М.В., Мингалев В.Д., Разорвин И.В. Эмпирический анализ региональных моделей сельского хозяйства в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-analiz-regionalnyh-modeley-selskogo-hozyaystva-v-rossii>.
Potapitseva E.V., Smirnykh S.N., Fedorov M.V., Mingalev V.D., Razorvin I.V. An empirical analysis of regional models of agriculture in Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empiricheskiy-analiz-regionalnyh-modeley-selskogo-hozyaystva-v-rossii>. (In Russ.).
18. Перова В.И., Корчемный П.В. Нейросетевое моделирование динамики развития сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrosetevoe-modelirovanie-dinamiki-razvitiya-selskogo-hozyaystva-rossiyskoy-federatsii>.
Perova V.I., Korchemny P.V. Neural network modelling of the dynamics of agricultural development in the Russian Federation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrosetevoe-modelirovanie-dinamiki-razvitiya-selskogo-hozyaystva-rossiyskoy-federatsii>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цуй Чжэн — заместитель директора Исследовательского центра экономики и политики стран с переходной экономикой (РСЕРТС); старший преподаватель, Ляонинский университет, провинция Ляонин, Китай 494786744@qq.com

Янг Йеминг — аспирант школы международных отношений, Ляонинский университет, провинция Ляонин, Китай

ABOUT THE AUTHORS

Cui Zheng — Deputy director of the Research Centre for the Economies and Politics of Transitional Countries (RCEPTC) of Liaoning University and Master Instructor, Liaoning province, China 494786744@qq.com

Yang Yueming — the graduate student in the School of International Relations of Liaoning University, Liaoning province, China

Статья поступила 12.09.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.09.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-98-103
УДК 316.77(045)

Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора*

О.В. Ярмак^а, А.С. Цепкова^б, Е.А. Лысенко^с

^{а, б, с} Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
^а <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3225-1600>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-6574-9907>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты сравнительного анализа контента и визуального ряда крымского дискурса в период событий Крымской весны 2014 г. и спустя пять лет после них (2018–2019 гг.) в немецком онлайн-пространстве. Актуальность выбранной темы обусловлена неоднозначностью оценки событий Крымской весны в немецких онлайн-СМИ. Результаты исследования показали, что крымская повестка, с одной стороны, наполнена визуальными образами, формирующими в медийном поле Германии связь полуострова с Россией, а с другой – что в ней неизменно присутствует влияние украинского фактора, который деформирует медиаобраз Крымской весны и Крыма в целом и привносит в него антироссийские установки. Изучение тональности крымского контента в онлайн-пространстве Германии показало, что медиаобраз Крымской весны формировался после событий, что привело к тому, что он спустя пять лет перешел в негативное поле в немецком медиaprостранстве, причем основная часть негативного контента формируется под воздействием украинского фактора.

Ключевые слова: онлайн-пространство; медиаобраз события; Крымская весна; Крым; Украина; Германия

Для цитирования: Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А. Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):98-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-98-103

ORIGINAL PAPER

Dynamics of the Crimean Discourse in German Online Media: Analysis of the Influence of the Ukrainian Factor**

O.V. Yarmak^а, A.S. Tsepko^б, E.A. Lysenko^с

^{а, б, с} Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
^а <https://orcid.org/0000-0002-5025-9112>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3225-1600>;
^с <https://orcid.org/0000-0002-6574-9907>

ABSTRACT

The article presents the results of a comparative analysis of the content and visual aspects of the Crimean discourse during the events of the Crimean spring of 2014 and five years after them (2018–2019) in the German online space. The relevance of the chosen topic is due to the ambiguity of assessing the events of the Crimean Spring in the German online media. The results of a study carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18–011–00937/20 “Ukrainian information flows in the Crimean segment of social media: risks and technologies for overcoming the negative effects of anti-Russian rhetoric in the online environment” showed that the Crimean agenda on the one hand, it is filled with visual images that form a connection between the

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–011–00937/20 «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде».

** The study was conducted with the financial support of RFBR, research project No. 18-011-00937/20 "Ukrainian information flows in the Crimean segment of social media: risks and technologies of overcoming of negative effects of anti-Russian rhetoric in the online environment".

peninsula and Russia in the German media field, and on the other hand, the influence of the Ukrainian factor is invariably present in it, deforming the media image of the Crimean Spring and Crimea in general, introducing anti-Russian attitudes into it. The study of the tonality of the Crimean content in the online space of Germany revealed that the media image of the Crimean Spring was formed after the events, which led to the fact that after five years it turned into a negative field in the German media space, with the bulk of negative content being formed under the influence of the Ukrainian factor.

Keywords: online space; media image of the event; Crimean Spring; Crimea; Ukraine; Germany

For citation: Yarmak O.V., Tsepkova A.S., Lysenko E.A. Dynamics of the Crimean discourse in German online media: Analysis of the influence of the Ukrainian factor. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):98-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-98-103

ВВЕДЕНИЕ

Образ любого геополитического события в международном медиапространстве выступает фактором формирования представлений как о нем, так и о стране, в которой оно произошло. Медиа формируют у аудитории свою интерпретацию событий, на процесс которой воздействует как внешние факторы — медиасистема страны, идеологические тренды, присутствующие в международном медиапространстве, так и внутренние — идейная направленность и политика редакции, журналистская трактовка этого события.

К внешним факторам, воздействующим на формирование крымской повестки, в том числе в немецком онлайн-пространстве, относится фактор Украины и ее влияния в международном медиадискурсе. Представители официальной украинской власти, осуществляя антироссийскую медийную политику, активно распространяют антироссийские месседжи не только в самой Украине, но и в международном пространстве, в первую очередь в рамках крымской тематики.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

К анализу категории «медиаобраз» обращались многие отечественные исследователи [1–4], считающие, что он формируется в зависимости не только от объективных — внешних — факторов (идеологические тренды медиапространства, особенности медиасистемы данной страны), но и от субъективных — внутренних (редакционная политика издания, формат информационного материала, мировоззрение журналиста, его журналистская позиция и личная точка зрения).

Одним из основных исследовательских вопросов является проблема деформации в процессе формирования медиаобраза события и его интерпретирования, которая связана с субъективным аспектом — влиянием журналистского видения события, которое формирует образ этого же события у реципиентов и, таким образом, вызы-

вает намеренные и ненамеренные деформации [5, 6]. Основаниями намеренных деформаций могут быть политические взгляды автора, его социальный статус, коммуникативные интенции, особенности медиасистемы государства, поскольку фрейминг событий в массмедиа определяется также медиасистемой страны, в которой они происходят [7]. В этой связи воздействие украинского фактора на формирование медиаобраза событий Крымской весны и крымской повестки в целом является именно такой намеренной деформацией, и в рамках исследования авторы попытались определить степень этого деформационного воздействия.

Отдельно остановимся на значении фотоматериалов в освещении события и создании его медиаобраза. Исследователь медиа А.А. Леонтьев утверждает, что «визуальная информация имеет гораздо больший воздействующий потенциал, чем текст» [6]. В рамках исследования авторы проанализировали визуальные образы событий Крымской весны, предполагая, что медиаанализ события не только через контент публикации, но и ее визуальный ряд, позволит выявить тренды формирования медиаобраза исследуемых крымских событий 2014 г. и крымской повестки 2018–2019 гг. в немецком медиапространстве.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе анализа были отобраны онлайн-версии семи федеральных печатных изданий Германии с наибольшим объемом онлайн-аудиторий, обладающих высокой репутацией и доверием у немецких читателей: Frankfurter Allgemeine Zeitung (ежемесячная онлайн-аудитория — 109 млн 480 тыс. чел.), Frankfurter Rundschau (22 тыс. 500 чел.), Neues Deutschland (2 млн 10 тыс. чел.), Süddeutsche Zeitung (119 млн 930 тыс. чел.), Die Tageszeitung (16 млн 860 тыс. чел.), Die Welt (263 млн 820 тыс. чел.), Die Zeit (152 млн 440 тыс. чел.).

Методом сплошного отбора были выявлены публикации с упоминанием о событиях Крым-

ской весны. Поискный запрос формировался с учетом семантических особенностей освещения событий Крымской весны в немецком медиапространстве: использовался поискный запрос «die Krim» (от нем. — Крым), а не «Крымская весна», в связи с тем, что данная трактовка существует в русскоязычной медиасреде, а в немецкой данные события интерпретируются иначе.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ НА КРЫМСКУЮ ТЕМАТИКУ В НЕМЕЦКОМ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ В 2014 И 2018–2019 ГГ.

Авторами было проанализировано 5787 публикаций, из них 1931 сообщение датируется мартом 2014 г., 3006 сообщений — 2018 г. и 850 — 2019 г.

События марта 2014 г. сформировали ряд информационных поводов, присутствовавших в немецких онлайн-СМИ: объявление даты проведения референдума в Крыму; отзыв послов США, Канады и Великобритании с территории РФ; обращение С.Н. Аксёнова к Президенту РФ В.В. Путину с просьбой оказать содействие в обеспечении мира на полуострове; блокировка воинских частей силами самообороны Крыма; отказ США и ЕС признать легитимность Крымского референдума; ситуация вокруг российского дирижера В.А. Гергиева; проведение Паралимпиады; митинг в Симферополе в поддержку воссоединения Крыма с Россией; Крымский референдум и подведение его итогов; подписание межгосударственного договора о принятии Республики Крым и Севастополя в Российскую Федерацию и образовании новых субъектов; обращение Президента России В.В. Путина к Федеральному Собранию РФ. В процессе контент-анализа были обнаружены рубрики, в которых освещались события Крымской весны — это, конечно, в первую очередь «политика» (84% от общего массива статей), «экономика» (9%), «спорт» (3%) и «общество» (1,6%).

В 2018 г. главными медиатреками крымского дискурса (связанными с Крымом как напрямую, так и косвенно, формируемыми, в том числе, под воздействием украинского фактора) стали: президентские выборы в России; отравление Скрипалей; санкции США в отношении Крыма; Сирийский кризис; Саммит G7; посещение Крыма представителями немецкой партии AfD; открытие Крымского моста; чемпионат мира по футболу в России; встреча В.В. Путина с Д. Трампом во время саммита НАТО в Хельсинки; дело

О. Сенцова; выброс химикатов в Армянске; трагедия в Керченском политехническом колледже; инцидент в Керченском проливе; Саммит G20.

В формировании медиаповестки-2019 г. в немецких онлайн-изданиях наблюдаются тенденции 2018 г.: введение новых и продление старых санкций ЕС против России; отказ Украины от участия в Евровидении; пятилетие воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией; президентские выборы на Украине; инцидент с отнесением Крымского полуострова к территории РФ на картах компании Apple; прекращение огня на Востоке Украины; обмен военнопленным между ЛДНР и Украиной; открытие межзвездной кометы крымским астрономом-любителем; разрыв отношений РПЦ с главой Элладской церкви; Саммит НАТО; открытие железнодорожной ветки Крымского моста; переговоры о дальнейшем обмене военнопленными между ЛДНР и Украиной.

Анализ материалов, формируемых при активном воздействии украинского фактора, был осуществлен в рамках публикаций, которые касались тематики, косвенно связанной с Крымом (введение санкций, Саммит G7 и др.), представлявшей для авторов наибольший исследовательский интерес. В марте 2014 г. большинство сообщений были посвящены событиям Крымской весны, а в 2018–2019 гг. основная часть публикаций формировалась информационными поводами, косвенно затрагивающими освещение собственно крымских событий, и их коннотации в основном определялись общепринятыми идеологическими медийными трендами, в том числе продвигаемыми украинскими медийными акторами. Данная ситуация говорит о наличии системного подхода в создании и развитии крымской повестки в немецком медиаполе, которая в большинстве случаев основывается на позиции официальной украинской власти и ее представителей на международных медиаплощадках.

В марте 2014 г. преобладали нейтральные по тональности публикации. В 2018–2019 гг. выросла доля негативного контента, составив 77,5% в 2018 г. и 79% в 2019 г. от общего числа публикаций.

АНАЛИЗ ВИЗУАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛОВ НА КРЫМСКУЮ ТЕМАТИКУ В НЕМЕЦКОМ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ В 2014, 2018–2019 ГГ.

Изучение визуальных образов исследуемых тестовых материалов немецких онлайн-изданий

Категории изображений в публикациях на крымскую тему немецких онлайн-изданий (март 2014, 2018–2019 гг.) / Categories of images in publications on the Crimean topic of German online publications (March 2014, 2018, 2019)

Типы изображений	2014 г. (в ед. /%)	2018 г. (в ед. /%)	2019 г. (в ед. /%)
Люди в военной форме	37 / 33,3	–	1 / 2,8
Люди в гражданском	23 / 20,7	3 / 9,7	10 / 28,6
Другое	23 / 20,7	11 / 35,5	8 / 22,9
Военная техника	12 / 10,8	1 / 3,2	2 / 5,7
Путин В.В.	9 / 8,1	6 / 19,4	7 / 20
Аксёнов С.В.	3 / 2,8	–	–
Карта Крыма	2 / 1,8	–	3 / 8,6
Поклонская Н.В.	2 / 1,8	–	–
Крымский мост	–	10 / 32,2	4 / 11,4

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

позволило создать типологию средств визуализации медиаобраза Крымской весны и текущей крымской повестки 2018–2019 гг., используемых немецкими СМИ.

Так, в марте 2014 г. Крымская весна нашла свое отображение в немецких СМИ, прежде всего в изображениях людей в военной форме: они составили половину от всего визуального контента, связанного с Крымом. В этот период были публикации с фотографиями политических деятелей — не только главы Российской Федерации В.В. Путина, но и С.В. Аксёнова, Н.В. Поклонской, имеющих непосредственное отношение к Крыму. Для иллюстрации новостийной крымской хроники того периода немецкие СМИ в основном использовали фотографии военной техники.

В 2018 г. главной новостью стало открытие Крымского моста, что отразилось в преимуществе фотографий с его изображением (32%). В выделенную авторами категорию «другое» были отнесены изображения, сопровождающие новостийные хроники событий на полуострове, которые составили треть от всего объема визуальных образов (35%). Фотографии президента РФ В.В. Путина постоянно сопровождают статьи о Крыме (в 2014 г. — 8,1%, в 2018 г. — 19,4%, в 2019 г. — 20%), что свидетельствует о формировании медийной связки полуострова с Россией, причем вне зависимости от тональности

сообщения. Материалы о жизни крымчан проиллюстрированы фотографиями, выделенными авторами в категорию «люди в гражданском». Об инциденте в Керченском проливе с участием украинских судов немецкие издания писали, используя фотографии кораблей военно-морских сил Украины.

Основным информационным поводом крымской повестки 2019 г. для публикаций в немецких СМИ (которые в основном были подготовлены в аналитическом жанре с фотографиями крымских жителей, принимающих участие в празднествах) стало пятилетие воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией и празднование Дня Победы 9 мая в Севастополе. Материалы об открытии железнодорожного движения по Крымскому мосту сопровождалась репортажными фотографиями, вошедшими в категории «люди в гражданском», «другое» и «Крымский мост». Фотографии В.В. Путина использовались в публикациях о его визите на полуостров и встрече с мотоклубом «Ночные волки», о праздновании Дня Победы в Крыму и продлении экономических санкций ЕС в отношении России после событий Крымской весны. Инцидент с отнесением полуострова к территории РФ на картах компании Apple сопровождался скриншотами карты Крыма в приложении Apple Maps и со спутника и обязательно с изображением вооруженного человека в военной форме (см. таблицу).

Анализ визуальных образов контента на крымскую тематику в немецких СМИ показал их трансформацию в течение пяти лет после событий Крымской весны. Во-первых, использование милитаризированных образов существенно снизилось, а количество изображений жителей полуострова вернулось к прежним, мартовским показателям. Во-вторых, использование фотографий российского президента в два раза увеличилось за пять лет. В-третьих, изображение Крымского моста стало визуальным образом Крыма начиная с 2018 г. Отдельно необходимо остановиться на категории «другое», аккумулирующей все изображения, присутствующие в материалах, косвенно связанных с освещением текущих событий полуострова, — это публикации, в том числе появляющиеся под украинским влиянием, формируемые информационными поводами, косвенно затрагивающие крымскую повестку.

ВЫВОДЫ

Осуществленный анализ крымского дискурса онлайн-пространства Германии позволил выявить следующие тенденции. Присутствие крымской повестки в немецком онлайн-пространстве на протяжении пяти лет — на этапе событий Крымской весны 2014 г. и в 2018–2019 гг. — остается неизменным: освещаются все ключевые события полуострова, связанные как с российской, так и с украинской действительностью.

Из визуализации крымского дискурса спустя пять лет после Крымской весны ушли милитаристские изображения, он наполняется визуальными образами, формирующими в медийном поле Германии связь полуострова с Россией. Однако влияние украинского фактора постоянно присутствует, создавая деформации при формировании медиаобраза Крымской весны и Крыма в целом, привнося негативные и антироссийские установки: в основном это имеет место в публикациях, затрагивающих крымскую тематику косвенно, охватывая события российско-украинских отношений, санкционную политику против России.

Тенденции тональности крымского контента в онлайн-изданиях Германии отражают следующие наблюдения: в момент событий Крымской весны их медиаобраз не был окрашен, они освещались нейтрально; их оценка формировалась после событий — в период их медиаосмысления, что привело к тому, что спустя пять лет медиаобраз событий Крымской весны перешел в негативное поле в немецком медиапространстве. Причем основная часть этого негативного контента формируется под воздействием украинского фактора.

В этой связи трансформация освещения крымской повестки в немецком онлайн-пространстве потребует значительных усилий не только в сфере российского медиаменеджмента, но и в области формирования позитивных информационных поводов и создания позитивного образа событий Крымской весны и крымской повестки в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всеволодова А. Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-gorodov-rossii-v-federalnyh-pechatnyh-smi>.
2. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike>.
3. Русакова О. Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи»; 2012.
4. Фёдоров А. В. Образ России в современной западной прессе. URL: <http://psyfactor.org/lib/fedorov28.htm>.
5. Беляевская Е. Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка). *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015;3(044):5–13.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ. М.: Академический Проект; Альма Матер; 2008.
7. Valentini C., Romenti S. The press and Alitalia's 2008 crisis: Issues, tones, and frames. URL: https://www.researchgate.net/publication/251582802_The_press_and_Alitalia's_2008_crisis_Issues_tones_and_frames.

REFERENCES

1. Vsevolodova A. N. Media image of Russian cities in the federal print media. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-gorodov-rossii-v-federalnyh-pechatnyh-smi>. (In Russ.).

2. Galinskaya T.N. The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-problema-ego-rekonstruktsii-v-sovremennoy-lingvistike>. (In Russ.).
3. Rusakova O.F. Contemporary political philosophy: subject, concepts, discourse. Ekaterinburg: Diskurs-Pi, 2012. 400 p. (In Russ.).
4. Fedorov A.V. The image of Russia in the modern Western press. URL: <http://psyfactor.org/lib/fedorov28.htm>. (In Russ.).
5. Belyaevskaya E.G. Media discourse: cognitive models of event interpretation (based on the English language). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2015;3(044):5–13. (In Russ.).
6. Leontev A.A. Psycholinguistic features of the language of the media. Moscow: Akademicheskii Proekt; Al'ma Mater; 2008. (In Russ.).
7. Valentini C., Romenti S. The press and Alitalia's 2008 crisis: Issues, tones, and frames. URL: https://www.researchgate.net/publication/251582802_The_press_and_Alitalia's_2008_crisis_Issues_tones_and_frames.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Валерьевна Ярмак — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
olga_yarmak@inbox.ru

Анна Сергеевна Цепкова — магистрант 2-го курса направления «Социология», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
oceanovskaya829@mail.ru

Евгения Александровна Лысенко — магистр направления «Медиакоммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
druore@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak — Head of the Department of Social Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

olga_yarmak@inbox.ru

Anna S. Tsepikova — 2nd-year master's student of sociology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
oceanovskaya829@mail.ru

Evgenia A. Lysenko — Master of Media communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
druore@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

О.В. Ярмак — анализ тенденций контентных изменений, тематики и тональности сообщений.

А.С. Цепкова — изучение тональности крымского контента в онлайн-пространстве Германии.

Е.А. Лысенко — анализ контента и визуального ряда крымского дискурса в период событий Крымской весны 2014 г. и спустя пять лет после них (2018–2019 гг.) в немецком онлайн-пространстве.

Authors' declared contributions:

O.V. Yarmak — analysis of trends in content changes, topics, and sentiment of messages.

A.S. Tsepikova — studying the tonality of the Crimean content in the online space of Germany.

E.A. Lysenko — analysis of the content and visual series of the Crimean discourse during the events of the Crimean spring of 2014 and five years after them (2018–2019) in the German online space.

Статья поступила 10.10.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2020; accepted for publication on 05.12.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-104-109
УДК 378(045)

Инновационные технологии обучения иностранному языку на примере студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций

М.Р. Кармова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>

АННОТАЦИЯ

Глобализация науки и техники, широкое использование цифровых технологий, вступление России во Всемирную торговую организацию, национальные проекты являются причиной изменений в требованиях, предъявляемых на сегодняшний день рынком труда к выпускнику вуза. Неотъемлемой компетенцией выпускника неязыкового вуза выступает знание иностранного языка в объеме, необходимом для получения информации профессионального содержания из зарубежных источников, а также владение навыками общего и профессионального общения на иностранном языке. В этой связи возрастает потребность в использовании инновационных методик, а вопрос мотивации остается одним из основополагающих в процессе обучения иностранному языку. В статье представлены инновационные технологии обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Ключевые слова: инновационные технологии; геймификация; мотивация; цифровизация

Для цитирования: Кармова М.Р. Инновационные технологии обучения иностранному языку на примере студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):104-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-104-109

ORIGINAL PAPER

Innovative Technologies of Teaching a Foreign Language on the Example of Students of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications

M.R. Karmova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7393-0119>

ABSTRACT

The globalisation of science and technology, the widespread use of digital technologies, Russia's accession to the World Trade Organization, and national projects are the reason for the changes in the requirements of the labor market for a university graduate today. The inalienable competence of a graduate of a non-linguistic university is a foreign language communicative competence, the level of which should enable specialists to know a foreign language to the extent necessary to obtain professional content information from foreign sources, have skills in general and professional communication in a foreign language. In this regard, the need for using innovative techniques is growing, and the issue of motivation remains one of the fundamental in the process of teaching a foreign language. The article presents innovative technologies for teaching a foreign language in a non-linguistic university.

Keywords: innovative technologies; gamification; motivation; digitalisation

For citation: Karmova M.R. Innovative technologies of teaching a foreign language on the example of students of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):104-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-104-109

Творческий подход к обучению в последнее время вызывает озабоченность среди профессионалов в области преподавания английского языка. Эпоха стремительного развития информационных технологий требует от будущих специалистов обладания навыками, необходимыми для самостоятельного приобретения знаний и применения их на практике для эффективного решения различных проблем, умения анализировать, и, что немаловажно, мыслить иначе (Think outside the box). В этой связи вопросы творческого подхода к обучению иностранному языку остаются в некотором смысле открытыми. Это связано с проблемой немотивированности учащихся. С нашей точки зрения отсутствие стимула к обучению у студентов высшей школы является наиболее серьезной проблемой, поскольку они, определившись с выбором будущей специальности, ждут от образования чего-то нового, ранее неизведанного. У студентов появляется интерес к практико-ориентированным навыкам, к примеру применения иностранного языка на рабочем месте. Вузы напрямую связаны с выпуском специалистов, которые должны способствовать развитию страны в целом. Именно поэтому вопросы мотивации будущих специалистов крайне важны для преподавателей высшей школы.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования цифровой компетентности обучающихся в соответствии с задачами Национального проекта «Цифровая экономика» на период с 2019 по 2024 г., а именно: «обеспечить подготовку высококвалифицированных кадров для цифровой экономики»¹. Высшее образование должно подготовить кадры будущего с учетом сквозной цифровизации, а для этого преподавательскому составу необходимо понимать тенденции развития компьютерных технологий и владеть цифровыми инструментами, чтобы уметь выбирать те, которые будут наиболее продуктивны при работе со студентами, и адаптировать их применение под существующую рабочую программу дисциплины (РПД) в высшей школе.

Возвращаясь к актуальности статьи, необходимо подчеркнуть, что сегодня основным показателем при выборе средств обучения является достижение итоговых уровней владения иностранными языками, разработанных Советом Европы и представляющих эффективную общеевропейскую систему

информационного обмена. Учебная деятельность по освоению иностранного языка должна представлять собой увлекательное, осмысленное занятие. Лишь тогда студент из обучаемого превратится в обучающегося, обретя автономность и стремление к саморазвитию в соответствии с новыми образовательными стандартами.

Для этого необходимо:

1. Повышение общей мотивации учащихся.
2. Расширение англоязычного словарного запаса студентов.
3. Формирование способности к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия.
4. Составление индивидуальных маршрутов по овладению иностранным языком.

Методы представленной работы включают поиск студентами источников информации, анализ и синтез полученной информации, приобретение новых знаний и их закрепление, а также формирование идей. В проведенном педагогическом исследовании мы применили разнообразные методы: анализ педагогической практики в процессе обучения; анализ доступных сегодня цифровых инструментов и оценка их эффективности при обучении; мониторинг таких показателей уровня владения языком, как чтение, произношение, перевод, знание лексики, речевая компетентность.

Объектами данной работы являются технологии геймификации, онлайн-инструменты проверки знаний студентов, интерактивные карты, инновационные способы представления и донесения информации (презентации), ресурсы для создания коллективных проектов (электронных книг, мини-сайтов, коротких видеороликов) [1].

Эффективное применение цифровых технологий при обучении студентов неязыковых специальностей решает комплекс задач:

1. Совершенствование навыков аудирования, письма, говорения в привычном и востребованном современным студентом формате, называемом «эдьютейнмент» (пример используемого ресурса: платформа Memrise).
2. Развитие метанавыков. Например, квест-технология не только улучшает восприятие учебного материала, но и стимулирует развитие памяти, смекалки, находчивости и внимательности (пример используемого ресурса: Executive Command на платформе iCivics).
3. Формирование гибких навыков, так называемых soft skills. Участие в командных играх, викто-

¹ URL: <https://digital.ac.gov.ru/>.

ринах, решение кейсов, выполнение мини-тестов, прохождение квестов помогают учащимся наладить успешное взаимодействие в команде; сформировать навыки управления временем, планирования ресурсов, распределения обязанностей и делегирования полномочий; научиться эффективной коммуникации; проявить креативность, взаимовыручку и терпение (примеры используемых ресурсов: образовательное приложение BookCreator, Google-формы, приложения Factile, Socrative, Kahoot и т.д.).

4. Совершенствование профессиональных навыков или *hard skills*.

5. Участие в ролевых играх.

6. Повышение профессионально-ориентированных языковых компетенций за счет междисциплинарных связей игр и проектов на английском языке с реальными бизнес- и профессиональными ситуациями.

7. Предоставление возможности эвристического обучения.

В рамках настоящей работы представлены протестированные и включенные нами в практику цифровые инструменты. Они соответствуют психофизиологическим особенностям студентов поколения Z [2] (индивидуализм, стремление к клиповому мышлению, зависимость от мультимедийных и цифровых технологий, максимальная приближенность к информации). Данные цифровые инструменты адаптируются к РПД и календарно-тематическому плану.

Из сложностей, которые также возникают при внедрении цифровых инструментов в образовательный процесс, можно отметить разный уровень владения английским языком, привычку к использованию консервативных методов обучения, неготовность работать в команде.

Перечисленные проблемы могут быть преодолены следующим образом:

1. Выравнивание групп обучающихся и повышение уровня их языковой компетенции с помощью погружения студентов в контекст английского языка приемами и методами, которые не вызывают у них отторжения и дают более эффективные результаты на практике. Например, значительное количество, как проектов, так и игр, требует больше времени и усилий, чем обычные задания в текстовой форме, но, поскольку мотивация студентов выше, то качественные и количественные показатели таких работ выше.

2. Знакомство с новыми англоязычными интернет-сервисами, применимость которых анализируют сами студенты.

3. Опыт поэтапного составления проектов под руководством преподавателя (анализ методов работы в команде, распределение обязанностей, планирование работы, обязательная рефлексия).

Отметим, что цифровые инструменты, применяемые в данной методической работе, можно условно разделить на три категории (в соответствии с проблемами, указанными выше):

- относящиеся к геймификации;
- относящиеся к презентациям и проектам;
- созданные студентами по изучаемым темам (электронные книги, мини-сайты, короткие видеоролики).

Выполненная методическая работа содержит рекомендации по применению цифровых инструментов для обучения иностранному языку.

Использование геймификации в изучении иностранных языков имеет следующие положительные стороны:

- Студенты самостоятельно «добывают» знания.
- В случае неудачи возможно выполнить задание снова, что снижает эмоциональное напряжение. В игровой среде создаются условия, где студент ощущает, что ценят его усилия, а не мастерство, тогда он воспринимает свои неудачи как возможность, а «не становится беспомощным, напуганным или подавленным» [3].
- Визуализация прогресса изучения иностранных языков: геймификация может сократить циклы обратной связи.
- Игровая среда более комфортна и привычна для студентов поколения Z.
- Студенты получают больше удовольствия от выполняемой работы.
- У студентов может возникнуть имманентное желание учиться.

Несмотря на очевидные преимущества, теоретически обоснованные и практически доказанные в разных аудиториях, нельзя не сказать об острых моментах при включении игровых интерактивных технологий в учебный процесс и способах их исключения. К ним относятся:

- неспособность контролировать время, потраченное на игру (к аудиторным играм это не относится, это не длинные видеоигры или аркады, наши игры имеют временной лимит);
- падение самооценки при неудачном прохождении (мы отобрали только те игры, которые подходят по уровню реальным студентам, и не все из них имеют соревновательный компонент);

- эскапизм (в большей степени относится к компьютерным играм жанра grg, где возможен перенос личности, но мы не используем эти игры ради игры в учебном процессе).

Отдельно стоит коснуться мобильных приложений, так как многие ресурсы, упомянутые выше, требуют установки плагина Flash Player и не могут быть освоены теми студентами, у которых нет обычного ноутбука/компьютера.

Рассмотрим те, которые направлены на тренировку профессиональных навыков и реально используются студентами Финансового университета (Факультет социальных наук и массовых коммуникаций) по результатам опроса с открытым ответом. Сначала отметим ресурсы, направленные на повышение общезыковой компетенции:

а) Drops — приложение для запоминания новых слов, только визуальное, без слов как таковых (более 1700 лексических единиц в 99 темах), есть мини-игры. Время — 5 минут в день, потенциал ограничен, подходит только для индивидуальной домашней работы;

б) Duolingo — самое популярное приложение для обучения азам иностранного языка, направлено на отработку лексики (при неправильном ответе или пропущенном занятии есть возврат назад) и простых грамматических конструкций (доходит до темы “Conditionals”). Уровень владения языком, достаточный для прохождения игры, beginner — pre-intermediate. Время — 5–10 минут в день, потенциал ограничен, подходит только для домашней работы;

в) ElsaSpeak — ресурс для отработки произношения. Бесплатный функционал ограничен, но есть бесплатная подписка на неделю, а в течение недели можно пройти достаточное количество упражнений на произношение как отдельных звуков, так и на отработку интонации. Отслеживается соответствие интонирования произношению носителей языка в процентах и даются рекомендации, как улучшить произношение (говорить медленнее или быстрее, повышать или понижать голос; по определенным звукам). Уровень владения языком, достаточный для прохождения игры, beginner — pre-intermediate. Время — 5+ минут в день, потенциал ограничен, но для отработки произношения это наиболее подходящий ресурс;

г) Beelinguapp — параллельные тексты с озвучкой. В конце есть тест на понимание прочитанного, имеется платный контент, но и в бесплатном достаточное количество текстов, особенно можно

рекомендовать раздел «новости». Существует возможность добавлять слова в глоссарий, работать с флеш-карточками. Уровень владения языком, достаточный для прохождения игры, beginner — intermediate. Время чтения одного текста — 5+ минут, количество текстов ограниченное, но приложение новое, каждый день есть обновления;

д) WordBit — приложение, которое не позволяет разблокировать телефон, пока игрок не выполнит задание, связанное с лексикой (перевод, картинка, выбор правильного перевода из нескольких вариантов, викторина и т.д.). Уровень владения языком, достаточный для прохождения, beginner — advanced. Время прохождения минимально, функционал неограниченный, частота применения зависит от частоты использования учащимся телефона, но приложение может вызвать раздражение у тех, кто поминутно прикасается к гаджету.

Далее представлены приложения, которые были апробированы студентами и показали свою эффективность при освоении профессионального дискурса:

а) McKinsey PST App — примеры кейсов из реальной практики McKinsey. Можно выбрать режим 60/75/90 минут или неограниченный по времени. Есть возможность выгрузки кейсов в PDF, имеется большой тест в конце;

б) Strategy Palette — “Your Strategy Needs a Strategy” — нужно управлять лавкой по продаже лимонада в Нью-Йорке, выбирая между различными стратегиями, балансируя между неопределенностью и гибкостью (malleability). Время прохождения — 30 минут. К игре есть полезные ресурсы, например https://www.ted.com/talks/martin_reeves_your_strategy_needs_a_strategy;

в) Strategy Skills — 17 кейсов с видеointервью от firms consulting. Как такового прохождения кейсов нет, только пассивное усвоение. Уровень владения языком, достаточный для прохождения, intermediate — advanced. Время прохождения не ограничено, функционал ограниченный.

Подводя итоги данного раздела, мы должны подчеркнуть, что геймификация образования — это процесс применения игровых технологий в неигровых ситуациях с целью повышения вовлеченности студентов в процесс обучения и более эффективного решения образовательных целей и задач. Игровая форма подачи серьезного материала служит хорошим средством задействования слабомотивированных студентов

в учебный процесс и способствует тому, чтобы они эвристически преодолевали свою инерцию, обусловленную привычным образом мышления, типовыми упражнениями, и отходили от пассивной рецепции нового материала.

В современной образовательной парадигме студентам приходится постоянно пользоваться различными ресурсами для создания презентаций и представления докладов. Power Point Presentations по-прежнему остается самым популярным инструментом создания презентаций. Однако данная программа во многом проигрывает своим конкурентам: Ayoa, Coggle, Canva, Pictochart, Mentimeter, Prezi.

С нашей точки зрения, совершенно напрасно на второй план выходит использование официальных веб-сайтов для представления докладов и презентаций. В настоящее время не все студенты обладают навыками демонстрации веб-сайта и сопроводительного пояснения — это связано с незнанием компьютерной лексики. В последнее время компьютер стал неотъемлемой частью во всех областях работы: инженерия, банковское дело, медицина, педагогика и др. Именно поэтому возникает необходимость знать, по меньшей мере, базовый словарь компьютерных терминов на английском языке. И если «computer», «Internet», «laptop», «mouse» являются общеизвестными терминами, то «recovery program» (восстановление), «menu bar» (панель меню), «Insert» (вставлять), «font size/ style/ weight» (размер/ стиль/ жирность шрифта), «folder» (папка), «recycle bin» (корзина) и др. определенно вызывают сложности в коммуникативном процессе.

В последние годы появилось немало диссертационных исследований, посвященных компьютерной лексике, как в английском, так и русском языках. Словообразование, аббревиация, аффиксация, суффиксация, конверсия являются лишь частью того, с чем сталкивается студент при изучении компьютерной лексики. Анализ источников и способов формирования лексики пользовательского интерфейса показывает, что исследуемая сфера «компьютерного языка» полиаспектна и не только подчиняется основным закономерностям развития терминологий, но и обладает выраженной спецификой, дальнейшее исследование и описание которой может стать решением для создания нового поколения англо-русских учебных словарей, ориентированных, в отличие от большинства существующих словарей компьютерной лексики, не только на

ее определенный структурный компонент, но и на пользователя ПК, совмещающего изучение компьютера с изучением английского языка.

Переходя к роли проектов в высшей школе, отметим, что их методика не нова и берет свое начало еще в XIX в. Разработки американского педагога и философа Дж. Дьюи являются началом истории проектных технологий в образовательной среде, но и сегодня вовлечение студентов в проектную деятельность вызывает положительные эмоции и мотивирует учащихся, в особенности, если это групповая работа.

Можно выделить несколько видов проектов: исследовательские, творческие, информационные, игровые, практико-ориентированные и др. Однако для эффективного использования проектной деятельности студентов необходимо уделять внимание предварительной подготовке и проработке, что в первую очередь зависит от педагога: определение актуальной темы, целей, задач и структуры проекта, координирование команд, нахождение и фильтрация источников и др.

Проекты по иностранному языку направлены на использование языка в ситуациях, приближенных к реальности, а следовательно, вызывают интерес у студентов. Проект может быть использован как форма внеаудиторной работы (конкурсы, викторины и др.) или же интегрирован в основной учебный процесс, а результаты проектной работы — отражены в общей шкале оценивания студента.

Подводя итоги, перечислим набор профессиональных навыков и умений, связанных с технической стороной деятельности (Hard skills) и с коммуникациями для эффективного взаимодействия с коллегами, клиентами и партнерами (Soft skills).

Hard skills:

- знание актуальных продуктов;
- способность анализировать технические ресурсы и выявлять наиболее эффективные для решения поставленной задачи;
- повышение уровня владения английским языком;
- поиск соответствующих аудиовизуальных материалов;
- освоение программ, сервисов и приложений, имеющих в свободном доступе, о которых студенты узнали на занятиях по иностранному языку;
- анализ данных;
- освоение основ дизайна.

Soft skills:

- самодисциплина, улучшенный тайм-менеджмент;
- ответственность, развитие лидерских способностей, способность определять и делегировать полномочия;
- приобретение навыков работы в команде;
- умение слушать, слышать других и договариваться;
- решение проблем и межличностных конфликтов;
- развитие критического мышления;
- мышление «результатами» и «процессами»;
- творческое обобщение.

Таким образом, мы определили, что в качестве цифровых инструментов на занятиях по иностранному языку выделяются в первую очередь интерактивные игры с использованием мультимедийных средств, интернета, а также

упражнения, видео- и иллюстративные проекты, созданные студентами самостоятельно. Подобные дидактические игры и проекты позволяют не только повысить мотивацию к изучению иностранного языка, но и организовывать интерактивное взаимодействие учащихся с информационно-образовательной средой, осваивать профессиональную лексику в инновационной форме. Такие новые формы представления информации, как инфографика, таймлайны, мемы, ментальные карты, флеш-презентации, создание электронных книг, мини-сайтов и видеороликов может стать одним из мотивирующих элементов в процессе обучения иностранному языку. Разработка конспекта с использованием цифровых ресурсов в практике преподавания иностранного языка подразумевает традиционный процесс педагогического планирования с обращением к инновационным формам представления учебного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кармова М.Р. «Геймифицируй», или почему современному образованию нужны игры (на примере студентов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Политология»). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):46–50.
2. Долбик-Воробей Т.А., Воробьева О.Д. Статистика населения и демография. М.: КНОРУС; 2018. 314 с.
3. Абрамова Е., Макарова А. Путь к цели. Тренинг групповой сплоченности и саморегуляции для участников конкурсов профессионального мастерства. *Школьный психолог*. 2014;(5)42–44.

REFERENCES

1. Karmova M.R. “Gamify”, or why modern education needs games (on the example of students studying in the areas of “Sociology” and “Political Sciences”). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):46–50. (In Russ.).
2. Dolbik-Vorobei T.A., Vorobieva O.D. Population statistics and demography. Moscow: KNORUS; 2018. 314 p. (In Russ.).
3. Abramova E., Makarova A. The path to the goal. Group cohesion and self-regulation training for participants in professional skill contests. *School psychologist*. 2014;(5):42–44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марьяна Ризоновна Кармова — старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
mkarmova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maryana R. Karmova — Senior Teacher, Department of English Language and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia
mkarmova@fa.ru

Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115
УДК 325.1(045)

Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС*

А.М. Черданцева

Финансовый университет; Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3484-1321>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности и пределы использования цифровых технологий, которые адаптированы европейскими странами для решения задач по сбору и обработке данных для учета и мониторинга миграционных потоков в ЕС. Динамичный рост миграции в мире поставил вопрос о необходимости быстрого доступа к большому объему данных для решения социальных, экономических и политических вопросов. Современные тенденции в области миграции формируют запрос не только на автоматизированный сбор данных, но и возможности их использования для прогнозирования перемещения людей. В конце статьи автор делает вывод об эффективности адаптации информационных и коммуникативных технологий для решения вопросов миграционной политики ЕС.

Ключевые слова: миграция; цифровые технологии, учет, мониторинг, прогнозирование, большие данные, социальные сети, геолокация, цифровой след, миграционная политика, ЕС

Для цитирования: Черданцева А.М. Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):110-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115

ORIGINAL PAPER

Digital Technologies in the Regulation of Migration Processes in the EU**

A.M. Cherdantseva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3484-1321>

ABSTRACT

The article discusses the possibilities and limits of using digital technologies that have been adopted by European countries to solve the tasks of collecting and processing data for recording and monitoring migration flows in the EU. The dynamic growth of migration in the world has raised the question of the need for rapid access to a large amount of data to solve social, economic, and political issues. Current trends in migration form a request for automated data collection and the possibility of using them to predict people's movement. At the end of the article, the author concludes the effectiveness of adapting information and communication technologies to solve EU migration policy issues.

Keywords: migration; digital technologies; accounting; monitoring; forecasting; big data; social networks; geo-location; digital footprint; migration policy; EU.

For citation: Cherdantseva A.M. Digital technologies in the regulation of migration processes in the EU. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):110-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on a state assignment to the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется высокой мобильностью населения, которая детерминирована многими внешними и внутренними факторами. Согласно данным Евростата, в 2018 г. ЕС-27¹ посетило около 2,4 млн иммигрантов. Среди 446,8 млн жителей ЕС-27 на 1 января 2019 г. 21,8 млн не являются ее гражданами². Указанные цифры еще раз подтверждают, что для эффективного учета такого объема данных необходимы инновационные решения быстрого сбора и обработки информации.

Большие объемы данных по миграции и необходимость их оперативной обработки определили необходимость пересмотра формата их учета, регистрации и мониторинга. На международном уровне в 2016 г. был анонсирован, а в 2017 г. уже разработан ресурс с данными по международной миграции — Портал глобальных данных о миграции³, целью которого является помощь политикам, сотрудникам статистических агентств, журналистам, заинтересованной общественности ориентироваться в сложной среде данных международной миграции. Разработка и активное внедрение цифровых ресурсов в вопросы миграционной политики предполагают соответствующий уровень «цифровой включенности». По данным Всемирного банка, количество пользователей интернетом динамично растет, в 2017 г. в мире насчитывалось 50% от числа населения планеты, в ЕС 2018 г. — 84% от числа населения ЕС⁴. В то же время актуальным остается вопрос о доступе к цифровым ресурсам мигрантов, если учесть, что 4 млрд человек во всем мире в 2016 г. не имели доступа к интернету⁵.

¹ Список ЕС-27 согласно данным Евростата: 1) Австрия, 2) Эстония, 3) Италия, 4) Португалия, 5) Бельгия, 6) Финляндия, 7) Латвия, 8) Румыния, 9) Болгария, 10) Франция, 11) Литва, 12) Словакия, 13) Хорватия, 14) Германия, 15) Люксембург, 16) Словения, 17) Кипр, 18) Греция, 19) Мальта, 20) Испания, 21) Чехия, 22) Венгрия, 23) Нидерланды, 24) Швеция, 25) Дания, 26) Ирландия, 27) Польша. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:European_Union_\(EU\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:European_Union_(EU)). Указание на ЕС-27 или ЕС-25 говорит о количестве стран, данные по которым учитываются. В настоящей статье учитываются данные по вышеперечисленным странам.

² Migration and migrant population statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics.

³ Migrationsdatenportal. URL: <https://migrationdataportal.org/de/themes/population-de-migrants-internationaux>.

⁴ Individuals using the Internet (% of population). World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2018&most_recent_value_desc=true&start=2018&type=shaded&view=map.

⁵ Четыре миллиарда людей во всем мире до сих пор не имеют доступа к Интернету. URL: <https://news.un.org/ru/story/2016/01/1278391>.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ УЧЕТА И МОНИТОРИНГА МИГРАЦИИ

Цели Цифровой повестки 2030 ЕС охватывают финансовые, административные и корпоративные услуги (Financial, Administrative and Corporate Services), цифровые рабочие места и подключенные данные (Digital Workplace and Connected Data), развитие цифровых магистралей (Digital Backbone) и цифровых инновационных «песочниц» (Digital Innovation Sandbox). Цифровая политика ЕС ориентирована на создание единого цифрового рынка⁶ — всестороннем развитии технологии электронного правительства (e-Governance), которое основывается на принципах открытости, приоритетном хранении данных в цифровом формате, использовании информационных и коммуникативных технологий (ИКТ), ориентации на цифровую инклюзию и цифровую безопасность обработки персональных данных.

В то же время потенциал цифровых ресурсов для решения вопросов регулирования миграционных процессов не использован в полной мере. Проведенный в настоящем исследовании анализ показал, что адаптация цифровых технологий под конкретные задачи миграционной политики имеет как достоинства, так и недостатки.

Большие данные (Big Data). Использование «цифровых следов», образованных на основании анонимизированных данных, генерируемых пользователями мобильных устройств, цифровыми датчиками и счетчиками, спутниковыми снимками, платежными онлайн-сервисами и интернет-платформами, позволяет дополнить и уточнить традиционные миграционные данные. Характерным признаком Big Data является их доступность в режиме реального времени [1], позволяющая специфическими техническими и аналитическими методами преобразовать их в «ценность» [2, 3]. При этом важно различать Big Data как «цифровой» набор передаваемых цифровыми устройствами транзакций, действий, услуг и как «экосистему данных», учитывающую и использующую человеческий и технический потенциал и производящую такую информацию для принятия решений. Отметим, что цифровой ресурс может применяться для фиксирования таких изменяющихся параметров, как географические перемещения, но не дает объективной оценки миграционным процессам. При том

⁶ Foreign Policy. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/foreign-policy>.

что активных пользователей социальных сетей в 2018 г. было 3196 млн и 3000 млн из них являются одновременно и активными пользователями социальных сетей через мобильные телефоны [4], данный ресурс может быть использован как источник получения весомого объема информации о локации мигрантов.

Использование мобильных телефонов. Записи звонков мобильных телефонов (CDR) (местоположение, время, длительность звонка, номера вызывающего и принимающего абонента) использовались некоторыми странами (например, Гаити, Непал) для отслеживания перемещения населения в период стихийных бедствий, оценки структуры денежных переводов в посткризисных ситуациях, выявления внутренних моделей миграции, измерения международной миграции на субрегиональном уровне (особенно в сочетании с другими источниками), а также для отслеживания перемещения людей при распространении таких заболеваний, как COVID-19 [5, 6]. Успешным примером для оценки интеграции сирийских беженцев в Турции и построения «индекса интеграции беженцев» является работа консорциума SoBigData по использованию данных CDR в сочетании с официальной статистикой рабочей силы и геоданными из Twitter.

Геолокация активности пользователей социальных сетей. Для определения международных миграционных потоков и запасов, дезагрегированных по возрасту, полу, уровню квалификации, роду занятий, на основе информации пользователей, некоторыми учеными использовались социальные сети Twitter, LinkedIn и Facebook [7]. Популярность данных социальных сетей (например, Facebook насчитывал в первом квартале 2020 г. более 2600 млн пользователей ежемесячно) при учете извлекаемой из них геотегированной информации предоставляет широкий набор данных для анализа моделей мобильности. Анализ некоторых характеристик пользователей Facebook (пол, возраст, страна происхождения, страна пребывания, род занятия, образование, личные интересы) дает информацию, необходимую для переписи в реальном времени, учета числа экспантов (пользователей, живущих в стране, отличной от их страны пребывания) на национальном или глобальном уровне в определенный момент времени [8]. Использование данного метода позволило Объединенному исследовательскому центру технического отчета ЕС спрогнозировать увеличение числа венесуэльских мигрантов в Ис-

пании в начале 2018 г., что подтвердила официальная статистика испанского Национального статистического управления [9].

Веб-сайты и IP-адреса. Обращение к одним и тем же поисковым серверам, отправка корреспонденции при помощи электронной почты, учет IP-адресов используются для прогнозирования возможности переезда пользователя в другое государство. Данные онлайн-поисковиков применяются для прогнозирования вынужденной миграции. Показатель Google Trends Index (GTI) для поисковых запросов, связанных с миграцией, используется для измерения миграционных намерений из определенной страны и прогнозирования последующих эмиграционных потоков [10]. Принимая во внимание, что поисковая система Google насчитывала в июне 2020 г. около 91,75%⁷ от общего числа пользователей, являясь одним из лидеров на рынке услуг, данные GTI представляются репрезентативными и могут быть использованы для прогнозирования будущих миграционных перемещений. Примером такого использования является работа Европейского бюро поддержки предоставления убежища и Миланского университета по выявлению изменений в контекстах стран происхождения и прогнозирования ходатайств о предоставлении убежища в ЕС на основании комбинации данных GTI и традиционных источников данных.

Искусственный интеллект и машинное обучение, направленные на поддержку приложений и проектов в области миграции, были использованы, например, в проекте Jetson ООН по расчету индекса для краткосрочных прогнозов ожидаемых миграционных потоков в Сомали⁸. В Уганде был собран контент радиостанций и проанализирован при помощи машинного обучения для понимания отношения общественности к беженцам в стране⁹.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЕС В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В ЕС ведется сбор широкого набора данных мигрантов (migration data), которые прямо или кос-

⁷ Search Engine Market Share Worldwide. June 2019 — June 2020. URL: <https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share>.

⁸ Jetson Technical Specifications. URL: <http://jetson.unhcr.org/tech.html>.

⁹ Using machine learning to analyse radio content in Uganda (2017). URL: https://beta.unglobalpulse.org/wp-content/uploads/2017/09/Radio-Analysis-Report_Preview.pdf.

венно обеспечивают накопление информации о миграционных потоках, а также измерение ряда аспектов миграции, включая предоставление убежища и вида на жительство. Данные предоставляются странами в соответствии с правилами ЕС, а также на добровольной основе¹⁰.

Альянс «Большие данные для миграции» [The Big Data for Migration Alliance (BD 4M)] является совместной инициативой Глобального аналитического центра данных по миграции MOM (IOM's Global Migration Data Analytical Centre) с Объединенным исследовательским центром (JRC) Европейской комиссии, объединяющей новаторские проекты в области миграции в Каталог инноваций данных [Data Innovation Directory (DID)]. Каталог DID включает в себя информацию CDRs, геолокацию активности пользователей социальных сетей, данные социальных сетей в режиме реального времени, информацию о повторных входах на веб-сайты и активности отправки электронной почты с IP-адреса, а также информацию, собранную и обработанную искусственным интеллектом¹¹.

Набор данных для интеграции [The Data for Integration (D 4I)]. На основании пространственной дезагрегации статистических данных переписи 2011 г., собранных национальными статистическими институтами восьми государств (Великобритании, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции), был образован D 4I. Пространственная обработка первичных данных позволила сформировать единую сетку концентрации мигрантов при масштабировании ячеек 100 м². Данные D 4I позволяют визуализировать карты сообществ мигрантов в городах ЕС, демонстрируя геолокацию общин по национальности или стране происхождения. Это позволяет сравнить концентрацию, разнообразие и сегрегацию мигрантов в пределах городов¹².

База данных содержит информацию высокого разрешения о городах и деревнях, позволяя ученым и директивным органам анализировать и прогнозировать концентрацию мигрантов

в городах и сельских районах. Такая перспектива имеет важное значение для решения проблем интеграции мигрантов и общественных представлений о миграции.

Профили миграции (Migration Profiles) — это стандартизированная по подходу и регулярно обновляемая интернет-платформа с важнейшей информацией о миграции. Каждый миграционный профиль — это набор компактной информации ключевых показателей по миграции, основанной на статистических данных об одной стране из множества источников, имеющих различные методологические подходы. На сегодня Migration Profiles охватывает около 200 показателей, что позволяет проводить глубокий сравнительный анализ стран. Методика построения Migration Profiles учитывает много аспектов анализа, включающих миграционные потоки (въезд/выезд), демографию, финансовые потоки, страновые характеристики, стрессовые факторы (анализ причин миграции), перспективы региона и др. Выбор этой информации визуализируется в виде инфографики, чтобы обеспечить более быструю интерпретацию¹³.

Атлас миграции (The Atlas of Migration) является продуктом Центра знаний по миграции и демографии Европейской комиссии (КСМД). Делая глобальные миграционные данные простыми для доступа и использования, Atlas of Migration объединяет гармонизированные, обновленные и проверенные данные из 12 международных источников по 25 показателям по демографии, миграции, убежищам, интеграции, развитию в ЕС-27 и по 36 показателям, включая демографию, миграцию, ходатайства о предоставлении убежища, результаты их рассмотрения, вид на жительство, шенгенские визы, показатели интеграции для 171 страны и территорий, не входящих в ЕС.

Интерактивный онлайн-инструмент опирается на постоянно обновляемое хранилище данных и представлен на динамической платформе. Он показывает последние доступные данные с помощью интерактивных диаграмм для удобства создания профилей стран/территорий. Это позволяет получить моментальный снимок миграции по всему миру в определенный момент времени¹⁴.

¹⁰ Trust Services and Electronic identification (eID). URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/trust-services-and-eidentification>.

¹¹ Big Data for migration alliance. URL: <https://data4migration.org/>.

¹² Maps of migrants communities in cities. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/visualisation/maps-migrants-communities-cities_en.

¹³ Migration Profiles. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/migration-demography/migration-profiles_en.

¹⁴ Atlas of Migration. URL: <https://bluehub.jrc.ec.europa.eu/migration/app/atlas.html>.

Портал знаний (The Knowledge Portal) является интерактивным продуктом KCMD, демонстрирующим европейскую политику в области миграции, включая в себя Atlas of Migration; базу данных ресурсов о миграции, демографии и связанных с ними политик; информационный каталог с веб-порталами, сетями и проектами в области миграции и смежных областей. Динамические данные дают возможность получить прямой доступ к необходимому набору данных по миграции в интерактивной форме¹⁵.

Электронная идентификация и сервер доверия [Trust Services and Electronic identification (eID)] является инструментом обеспечения безопасности электронных транзакций единого цифрового рынка (eIDAS), предлагающий бесперебойное взаимодействие предприятий, граждан и государственных учреждений в электронной среде. Среди трастовых услуг eID — электронные подписи, электронные печати, отметка времени, службы электронной доставки и аутентификации веб-сайтов, имеющие тот же правовой статус за рубежом, что и информация на бумажном носителе. Для граждан ЕС eIDAS предлагает решения по подаче налоговых деклараций, удаленному открытию банковских счетов, аутентификации для интернет-платежей, зачислению в иностранный университет.

Система eID применяется и для проверки личности мигрантов, что важно для определения правовых оснований доступа лица к конкретным услугам, обеспечения контроля услуг, адаптации услуг к потребностям отдельных лиц. По заданию Европейской комиссии Deloitte провело исследование инициатив по использованию ИКТ для решения проблем миграции. Результаты показали, что ИКТ применялись странами-донорами и странами-реципиентами для улучшения общего жизненного цикла удостоверения документов мигрантов через создание базовых реестров, трансграничное взаимодействие, использование биометрии для дублирования идентичностей, применение новых методов хранения учетных данных и аутентификации личностей, предоставление мигрантам услуг в электронном виде. ИКТ использовались для анализа Big Data по миграции, прогнозирования кризиса миграции, оптимизации перемеще-

ния мигрантов, облегчения обработки запросов беженцев. Deloitte рекомендовал государствам — членам ЕС избегать привязки схемы eID к миграционному статусу пользователей, так как права мигрантов на конфиденциальность и защиту данных должны быть гарантированы равнозначно гражданам стран.

Таким образом, выбор ИКТ должен соответствовать уровням доступа, привычкам пользователей-мигрантов, так как эти аспекты могут значительно отличаться от уровня среднего гражданина страны-реципиента.

ВЫВОДЫ

Эффективное использование цифровых технологий как источника информации для анализа миграционной ситуации в регионе, на наш взгляд, базируется на открытости и агрегации всех данных национальных статистических учреждений, ИТ-провайдеров, телекоммуникационных компаний, научного сообщества, государственных органов и частных компаний в области миграции и результатов проводимых исследований на одном, доступном всем заинтересованным лицам ресурсе.

Несмотря на то что Big Data по европейской миграции агрегированы на сайте Knowledge Portal, они не позволяют сформировать актуальный на дату запроса профиль миграции, так как поступающая информация требует времени на обработку и демонстрирует статистику прошедшего периода (чаще всего — прошедшего года). Тем не менее следует учитывать, что цифровые технологии могут быть эффективным инструментом для учета и мониторинга миграции, принимая во внимание широкий охват аудиторией перемещающихся людей, агрегацию данных из нескольких цифровых ресурсов.

Необходимо отметить, что сотрудничество всех лиц, заинтересованных в учете, регулировании и управлении миграцией, а также в интеграции иммигрантов, позволяет сформировать объективную картину, выявить проблемные области и в процессе коллективного обсуждения на открытых площадках, проведения совместных исследований (в том числе и при участии частного сектора экономики, в котором преобладающее большинство телекоммуникационных компаний и ИТ-провайдеров), даст больше возможностей для формирования эффективной миграционной политики, учитывающей внешние и внутренние факторы, ожидаемые и форс-мажорные ситуации.

¹⁵ KCMD Knowledge Portal. URL: <https://bluehub.jrc.ec.europa.eu/portal/>.

REFERENCES

1. Hilbert M. Big Data for Development: A Review of Promises and Challenges. *Development Policy Review*. 2015;34(1):135–174. URL: <https://doi.org/10.1111/dpr.12142>.
2. De Mauro A., Greco M. and Grimaldi M. A formal definition of Big Data based on its essential features. *Library Review*. 2016;65(3):122–135. URL: <https://doi.org/10.1108/LR-06-2015-0061>.
3. Letouzé E. Big Data and Development: General Overview Primer. Data-Pop Alliance White Paper Series. Data-Pop Alliance, World Bank Group, Harvard Humanitarian Initiative; 2015. URL: <http://datapopalliance.org/wp-content/uploads/2015/12/Big-Data-Dev-Overview.pdf>.
4. Kemp S. Digital in 2018: World’s Internet Users Pass the 4 Billion Mark. We are social. Last update: 30 January 2018. URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>.
5. Spyratos S., Vespe M., Natale F., Weber I., Zaghenni E., Rango M. Quantifying international human mobility patterns using Facebook Network data. *PLoS ONE*. 2019;14(10): e0224134. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0224134>.
6. Emanuele Pepe, Paolo Bajardi, Laetitia Gauvin, Filippo Privitera, Ciro Cattuto, Michele Tizzoni. COVID-19 outbreak response: first assessment of mobility changes in Italy following lockdown COVID-19 Mobility Monitoring project. Last update: 13 March 2020. URL: <https://covid19mm.github.io/in-progress/2020/03/13/first-report-assessment.html>.
7. Spyratos S., Vespe M., Natale F., Ingmar W., Zaghenni E., Rango M. Migration Data using Social Media: a European Perspective. Publications Office of the European Union, Luxembourg; 2018. DOI: 10.2760/964282
8. Maas P., Gros A., McGorman L., Iyer S., Park W., Nayak C., Alex Dow P. Facebook Disaster Maps: Aggregate Insights for Crisis Response & Recovery; 2019. URL: https://research.fb.com/wp-content/uploads/2019/04/iscram19_camera_ready.pdf.
9. Tintori G., Alessandrini A., Natale F. Diversity, residential segregation, concentration of migrants: a comparison across EU cities. Findings from the Data Challenge on Integration of Migrants in Cities (D 4I). Publications Office of the European Union, Luxembourg; 2018. DOI: 10.2760/823648
10. Böhme M., Gröger A., Stöhr T. Searching for a Better Life: Predicting International Migration with Online Search Keywords. Version: 8 June 2018. URL: http://conference.iza.org/conference_files/WoLabConf_2018/22651.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анжела Магомедовна Черданцева — кандидат политических наук, научный сотрудник Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
 cherdantseva.anzhela@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anzhela M. Cherdantseva — Cand. Sci. (Political Sciences), Researcher, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
 cherdantseva.anzhela@yandex.ru

Статья поступила 31.07.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 31.07.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-116-119
УДК 93(045)

Еврейские банкиры в Италии в эпоху Возрождения

А.В. Пачкалов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

АННОТАЦИЯ

Феномен возникновения капитализма в Европе на рубеже средних веков и нового времени заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к этой эпохе для того, чтобы осмыслить возникновение новой социально-экономической системы, в рамках которой существует основная часть современного мира. Очевидно, что капитализм возник в Европе благодаря стечению ряда обстоятельств. Статья посвящена истории еврейских банкиров в Италии эпохи Возрождения и их вкладу в формирование современного капитализма. Рассмотрена роль Италии эпохи Возрождения в развитии таких финансовых династий, как Абарбанели, Банко, Монтефиоре, Морпурго, Норсы, Пизы и др. Некоторые из этих семей продолжали сохранять значимую роль в мире финансов и после Возрождения. В статье также рассматривается тесная родственная связь между некоторыми из финансовых династий.

Ключевые слова: история; банкиры; финансисты; евреи и современный капитализм

Для цитирования: Пачкалов А.В. Еврейские банкиры в Италии в эпоху Возрождения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):116-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-116-119

ORIGINAL PAPER

Jewish Bankers in Italy During the Renaissance

A.V. Pachkalov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/000-0002-6316-3224>

ABSTRACT

The phenomenon of the emergence of capitalism in Europe at the turn of the Middle Ages and modern times calls researchers, again and again, to turn to this era to comprehend the birth of a new socio-economic system, within which the main part of the modern world exists. It is evident that capitalism arose in Europe due to the coincidence of several circumstances. The article is devoted to the history of Jewish bankers in Renaissance Italy and their contribution to the formation of modern capitalism. We considered Renaissance Italy's role in developing such financial dynasties as Abarbaneli, Banco, Montefiore, Morpurgo, Norsa, Pisa, and others. Some of these families continued to retain a significant role in the world of finance after the Renaissance. The article also examines the close relationship between some of the financial dynasties.

Keywords: history; bankers; financiers; Jews and modern capitalism

For citation: Pachkalov A.V. Jewish bankers in Italy during the Renaissance. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):116-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-116-119

Вплоть до настоящего времени генезис капитализма связывался в основном с появлением и развитием протестантизма. Однако эта гипотеза не способна объяснить загадку возникновения капитализма, появившегося в Италии до того, как возник протестантизм. Ведь именно в Италии сформировались многие принципы, на основе которых позже функционировала финансовая система капиталистического мира. И именно из Италии другими странами была заимствована лексика, используемая современной финансовой системой (слова «банк», «ломбард» и т.п.).

Специалистам хорошо известно о финансовой деятельности семейных компаний Барди, Борромео, Гонди, Дориа, Киджи, Корсини, Медичи, Одескальки, Пацци, Перуцци, Портинари, Скали, Строцци, Фрескобальди и др., ведущейся в XIII–XVII вв. в разных городах Италии. Вместе с тем значительно меньше известно об участии иудеев в финансовой жизни Италии в период Возрождения. Это малоисследованная тема, ей посвящены некоторые публикации, изданные в основном в Италии [1]. Существует монография Л. Полякова по истории взаимоотношений евреев Италии и римских пап в XIII–XVII вв., опубликованная на французском языке и переведенная на английский [2].

В генезисе капитализма иудеи сыграли значимую роль, которую можно проследить по истории ряда семейств, занимавшихся ростовщической, а позже и банковской деятельностью. Ростовщики были самым активным и сплоченным слоем в еврейском обществе, а также самым заметным, так как ростовщичество было профессией разрешенной.

Еще до наступления эпохи Возрождения, в XII–XIII вв., в Италии имелось зажиточное еврейское население (особенно в Риме, где иудеи выступали финансовыми агентами пап). В середине XI в. в Риме появилась семья Пьермони, член которой стал одним из первых банкиров в Риме. К XIV в. Италия стала основной страной, принимавшей евреев, изгнанных из Франции и германских государств, где они традиционно занимались ростовщичеством. Так в Италии появились семьи Луццато (Лаузиц), Оттоленги (Эттлинген), Морпурго (Марбург), Провенцалли, Тедеско и др.

С конца XV в., после изгнания евреев с Пиренейского полуострова (в 1492 г. — из Испании, в 1497 г. — из Португалии), многие еврейские семьи переселились в Италию. В XV в. это были семьи сефардов Абарбанель (Абрабанель), Камондо, Мокатта, Монтефиоре и др. Переселившись из Испании в Италию, они продолжали занимать-

ся финансовой деятельностью. Ростовщическая деятельность евреев поощрялась аристократией и римскими папами. Деятельность банкиров-евреев всячески поощряли государства и отдельные города Италии, заинтересованные в обеспечении кредитов малосостоятельным классам населения (например, Реджо-нель-Эмилия, Падуа). Приглашая еврейских финансистов открывать конторы на их территориях, они в особых договорах (кондоттах) гарантировали им как удовлетворительную прибыль, так и возмещение убытков в случае нападения на них «черни».

Видимо, евреи-сефарды, переселившиеся в Италию с Пиренейского полуострова, продолжили вести экономическую деятельность, традиция которой зародилась еще от средневековых купцов-рахдонитов (раданитов), выступавших в конце I тысячелетия н.э. торговыми посредниками между Западной Европой, мусульманским Востоком и Китаем. Сефардский клан Ибн Эзра возводил свою родословную к высшим слоям Иерусалимского общества, изгнанным после разрушения Первого Храма в VI в. до н.э. Существует предположение, что клан Ибн Эзра был также связан с финикийцами, переправившимися из-за войны с Вавилоном в южную Испанию. Возможно, представители клана занимались торговой деятельностью, находясь на государственной службе в Карфагене. Среди средневековых финансистов наиболее известен Иуда Ибн-Эзра, состоявший на государственной службе при кастильском короле Альфонсе VII в Гранаде в XII в.

Со второй половины XIV в. еврейские банки стали иметь большое значение в Венецианской республике и за пределами Венеции. В XIV–XV вв. заметно возрастает роль еврейских банкиров при папском дворе. В XVI в. в Италии достигают расцвета еврейские кредитные банки. Значительный вклад в их развитие внесли семейства Пиза, Норса, дель Банко, Риети, Вольтера, Перуджа, Террачина, Монтальчино, Четона, Тосканелла, Тиволи и др. Наиболее активной была деятельность еврейских финансистов в Болонье, Мантуе, Падуе, Риме, Флоренции и др. итальянских городах. Нельзя также не отметить, что одновременно с этим иудеи оказывали сильное влияние на интеллектуальную деятельность итальянских гуманистов эпохи Возрождения. Ряд еврейских банкиров стремились подражать образу жизни «людей Ренессанса», увлекались литературой и искусством.

Вместе с тем в Италии имели место нападки на еврейских ростовщиков (особенно со стороны монахов-францисканцев), приводившие к изгнанию

их из ряда итальянских городов, а также к антисемитским погромам.

Сложность изучения рассматриваемой темы заключается в том, что из-за антисемитизма иудеи в Италии (как и в других странах Европы) становились псевдохристианами, скрывая свое еврейское происхождение. Об этом явлении написал В. Зомбарт: «Очень благодарной задачей было бы основательное исследование участия евреев в венецианских банковских делах. Но задача, несомненно, и очень трудная, так как, судя по напечатанным до сих пор источникам, евреи уже в XV в. были псевдохристианами с христианскими именами, занимали почетные должности» [3].

Известный образ еврея-ростовщика Шейлока был создан Шекспиром в пьесе «Венецианский купец» (конец XVI в.). Интересно, что в «Венецианском купце» Шейлок вынужденно принимает христианство. На наличие криптоиудеев среди ростовщиков Венеции указывает и то, что в 1550 г. христианские купцы Венеции заявили, что будут вынуждены эмигрировать, если торговля с маранам будет запрещена. Насколько мне известно, вопросы изучения участия криптоиудеев в венецианских банках эпохи Возрождения до сих пор не получили развития. То же можно сказать и в отношении некоторых генуэзских банкиров, известных в качестве католиков.

Известной еврейской семьей банкиров были Пизы, происходившие из итальянского города, по названию которого получили фамилию. В эпоху Возрождения семья Пизов была одной из наиболее богатых среди банкирских семейств в Италии. Главой семьи являлся Маттиа бен-Саббатай из Рима, основавший вместе со своими четырьмя сыновьями в 1393 г. в г. Сан-Миниато в Тоскане банкирский дом. В начале XV в. банком руководил сын Маттиа, Иехиель-старший, лидер тосканских евреев. С 1422 г. руководство приняли три дочери Иехиеля-старшего. Расцвет банкирского дома пришелся на вторую половину XV в., когда во главе него стоял внук Иехиеля-старшего, Иехиель-младший, бывший в это время одним из наиболее влиятельных евреев Италии. В это время семья Пизов поддерживала тесные контакты с домом Медичи, а также с флорентийской аристократической семьей Сфорца. После изгнания Медичи из Флоренции в 1495 г. банковская деятельность Пизов была нарушена и возобновилась в 1514 г. После второго изгнания Медичи из Флоренции в 1527 г. Пизы продолжали свою деятельность в различных городах Италии (Болонье, Риме и др.). Упадок се-

мьи приходится на вторую половину XVI в., когда евреям было запрещено заниматься банкирскими операциями в Тоскане [4].

Тесно связанными с семьей Пизов были Риети (Ариети), происходившие из одноименного города в Италии. Риети известны с XIV в., — члены семьи проживали в Риме, Флоренции, Болонье, Мантуе и других городах. Со второй половины XV в. значительной была роль Риети в финансовой жизни города Сиены, а с середины XVI в. — Пизы. В XVI в. они поддерживали тесные связи с банкирским домом Медичи. В 1570–1571 гг. евреям было запрещено заниматься ссудными операциями в Сиене, Пизе и других городах Италии, однако Риети продолжали принимать участие в финансовой деятельности. Помимо банкиров, в семье Риети были известные раввины и талмудисты [5].

Еврейский род Норса (Норча, Норчия), получивший имя от умбрийского города Норчия, где, по некоторым данным, уже с древности проживало еврейское население, был связан с Мантуей. Родословная семьи прослеживается с XIV в. (Натан Норса). В конце XIV в. правители Мантуи разрешили еврейским ростовщикам заниматься финансовой деятельностью в городе. В XV в. в Мантуе был открыт банк Норса. Представители семьи выступали заказчиками известных произведений искусства в эпоху Ренессанса. В XV–XVI вв. семья Норса занималась банковской деятельностью в различных городах Италии, а также международной торговлей шерстяными и шелковыми тканями. Во второй половине XVI в. банкирская деятельность семьи Норса в Италии пришла в упадок. В семье Норса были также известные раввины. В середине XX в. в Италии одним из представителей Норса был опубликован труд по истории рода [4, 6].

Также в Венеции в эпоху Возрождения были еврейские финансовые семейства Камондо и дель Банко. Наиболее известен Ансельмо дель Банко — один из успешных венецианских финансистов в начале XVI в. [6–8].

По меньшей мере с XVI в. финансовой деятельностью в Италии занималась семья Морпурго, видимо, родственная семье дель Банко. С XVII в. Исаак Морпурго и его преемники предоставляли финансовые услуги в Венеции [9].

Экономический упадок Италии во второй половине XVI в. совпал с угасанием деятельности в Италии еврейских финансистов. Как отмечает В. Зомбарт, «экономический регресс совпадает хронологически с выселением евреев. С другой стороны, момент экономического расцвета — часто внезап-

ного расцвета — городов и стран ... совпадает со временем прибытия туда еврейских беглецов» [10].

Конкуренция со стороны банковской сети Монтеди Пьета и ужесточение политики пап в период Контрреформации вели к тому, что евреи постепенно оставляли сферу финансов в Италии или перемещались в другие страны. В XVI в. дель Банко переселились из Венеции в Болонью, а из Болоньи — в Германию. Семьи Мокатта и Монтефиоре с XVII–XVIII вв. связаны в основном с Англией. Семья Морпурго играла важную роль в мире европейских финансов до XIX в. включительно.

Интересна дальнейшая судьба рассмотренных в статье семейств. Представители семей Нorsa и Ригети до настоящего времени проживают в Италии, но, по всей видимости, уже не связаны с финансовой деятельностью. Некоторые из рассмотренных семейств занимались финансами и после эпохи Возрождения.

Мокатта и Монтефиоре сыграли значительную роль в подъеме Лондона как мирового финансо-

вого центра в XVIII–XIX вв. Камондо (известные также как «Ротшильды Востока») в XIX–XX вв. занимались банковской деятельностью в Османской империи (создав в начале XIX в. крупнейший в империи банк *Isaac Camondo & Cie*), во Франции, а также возобновили финансовую деятельность в Италии (при поддержке короля Италии Виктора Иммануила) [11].

Наиболее примечательна судьба семьи дель Банко. В XVI в. они переселились в Германию, где сменили фамилию, став Варбургами (по имени г. Варбург в Вестфалии). Варбурги преуспели, занимаясь финансовой деятельностью в Германии (особенно в Гамбурге), породнились с другими известными финансовыми династиями. В первой половине XX в. Варбурги принимали участие в развитии финансовой системы США. Пол Мориц Варбург вел многолетнюю борьбу за создание центрального банка в США, явился одним из основных теоретиков и создателей Федеральной Резервной Системы США.

REFERENCES

1. Veronese A. Una famiglia di banchieri ebrei tra XIV et XVI secolo: i da Volterra: reti di credito nell'Italia del rinascimento. Pisa; 1998.
2. Poliakov L. Jewish bankers and the Holy See: from the thirteenth to the seventeenth century. London; 1977.
3. Sombart W. The Jews and Modern Capitalism. Batoche Books. Kitchener; 2001.
4. Bedarida G. Ebrei d'Italia. Livorno; 1950.
5. Castelli E. I banchi feneratizi ebraici nel Mantovano (1386–1808). Mantova; 1959.
6. Norsa P. Una famiglia di banchieri: la famiglia Norsa (1350–1950). Napoli; 1953.
7. Chernow R. The Warburgs. A Family Saga. London; 1998.
8. Rottenberg D. Finding Our Fathers: A Guidebook to Jewish Genealogy. Baltimore, Genealogical Publishing Company; 1995.
9. Morpurgo E. La famiglia Morpurgo di Gradisca sull' Isonzo. Padua; 1909.
10. Sombart W. The Jews and Modern Capitalism. Batoche Books. Kitchener; 2001.
11. Rottenberg D. Finding Our Fathers: A Guidebook to Jewish Genealogy. Baltimore, Genealogical Publishing Company; 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Пачкалов — кандидат исторических наук, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия
apachkalov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pachkalov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Sociology, History, and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
apachkalov@fa.ru

Статья поступила 20.11.2020; принята к публикации 07.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.11.2020; accepted for publication on 07.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-120-127
УДК 37(460)(045)

Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа

С.Т. Махаматова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8104-937X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям социализации школьников в учебных заведениях закрытого типа. В первой части работы рассмотрены сущность социализации, показан двунаправленный характер данного процесса. На материале стадий социализации, предложенных Э. Эриксоном, показана важность подросткового периода и перехода к ранней зрелости. Представлены механизмы усвоения социального опыта, наиболее важными из которых являются подражание, идентификация, наблюдение и присвоение. Приведены критерии успешной социализации для воспитанников школ-интернатов, ключевым из которых является проявление активности и способность к творчеству. Показано совмещение ролей педагогов в школах-интернатах. Во второй части работы на примере Смольного института благородных девиц изучены условия, которые способствуют гуманизации образовательного процесса и развитию субъектности у воспитанников. Сделан вывод о предпочтительной модели социализации, в которой соединены обучение, воспитание и педагогическое участие к каждому ребенку.

Ключевые слова: первичная социализация; механизмы социализации школьников; школа-интернат; закрытые учебные заведения; Смольный институт благородных девиц; субъектность; гуманизация образования

Для цитирования: Махаматова С.Т. Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):120-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-120-127

ORIGINAL PAPER

Smolny Institute of Noble Maidens as a Socialisation Model of Schoolchildren in Closed Educational Institutions

S.T. Makhamatova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8104-937X>

ABSTRACT

The article is devoted to the peculiarities of socialisation of schoolchildren in closed educational institutions. In the first part of the work, the author considered the essence of socialisation and shown the two-directional nature of this process. On the material of the stages of socialisation proposed by E. Erickson, the author demonstrated the importance of adolescence and early adulthood transition. Next, the author presented the mechanisms of assimilation of social experience, the most important of which are imitation, identification, observation and appropriation. The author described the criteria for successful socialisation for boarding school students, the key of which is the manifestation of activity and the ability to create. The combination of the roles of teachers in boarding schools is shown. In the second part of the work, on the example of the Smolny Institute of Noble Maidens, the author studied the conditions contributing to the humanisation of the educational process and the development of subjectivity in pupils. Finally, the author concluded that socialisation's preferred model ought to combine training, upbringing, and pedagogical participation for each child.

Keywords: primary socialisation; mechanisms of socialisation of schoolchildren; boarding school; closed educational institutions; Smolny Institute of Noble Maidens; subjectivity; humanisation of education

For citation: Makhamatova S.T. Smolny Institute of Noble Maidens as a socialisation model of schoolchildren in closed educational institutions. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):120-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-120-127

Одним из ведущих принципов реформы отечественного образования выступает гуманизация — т.е. создание условий, ведущих к раскрытию природных способностей ребенка, развитию личностного потенциала, самореализации. Основой такого подхода является вера в человека, уважение к личности [1]. Важную роль играет признание взаимных прав и обязанностей, взаимоуважение, которое устанавливается между личностью и социальным окружением, чувство ответственности, без которых мы рискуем получить личность инфантильную, безвольную, не способную к автономии. Гуманизация призвана помочь ребенку обрести субъектность — стать творцом собственной жизни, который умеет ставить перед собой цели и жизненные задачи, способен всесторонне оценивать способы решения и корректировать курс. Традиционно воспитанием субъектности славятся элитарные учебные заведения закрытого типа, организованные как школы-интернаты — учебно-воспитательные учреждения для постоянного пребывания детей школьного возраста, в которых реализуется общее образование.

При этом выпускники основной массы современных российских школ-интернатов крайне слабо подготовлены к самостоятельной жизни, и уровень их социальной адаптации и социализации оставляет желать лучшего. Не случайно обеспечение «доступных для каждого и качественных условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности»¹ прописано в государственной программе «Развитие образования» на 2018–2025 гг.

В этой связи обратимся к рассмотрению особенностей социализации детей в школах интернатного типа и проведем анализ Смольного института благородных девиц как модели социализации школьников, способной обогатить учебно-воспитательный процесс закрытых образовательных учреждений.

Современные отечественные закрытые учебные заведения, в зависимости от контингента, включают в себя нескольких типов школ-интернатов:

- для детей-сирот, оставшихся без попечения родителей;

- для детей с ограниченными возможностями по здоровью или интеллектуальному развитию (коррекционные школы);
- для подростков с девиантным поведением;
- для одаренных детей (спортивные интернаты, школы с углубленным изучением иностранных языков и т.д.).

Период обучения в школе важен не только для развития интеллектуального потенциала человека, но и для формирования каждого из нас как личности, полноценного члена общества и своей социальной группы. Суть данного процесса описывает понятие социализации.

Социализация — процесс становления и развития личности, который происходит посредством воспроизведения, принятия, понимания и осознания индивидом образцов поведения, социальных норм и правил, личностных ролей и культурных ценностей. Также необходимо учитывать, что социализация — процесс двусторонний, включающий в себя как «усвоение личностью социального опыта через вхождение в социальную среду, так и воспроизводство этой среды и системы социальных связей через активную деятельность» [2].

И в отечественной, и в западной социологии принято выделять два качественно отличных типа социализации: первичную, которая протекает от рождения ребенка до формирования зрелой личности, и вторичную (ресоциализацию), которая описывает изменения, происходящие со взрослым человеком, например, при смене места работы или при выходе на пенсию.

Э. Эриксон выделил восемь стадий социализации, которые описывают становление индивида как путь длиною в жизнь. Для наших целей наибольшее значение имеют стадии, охватывающие первичную социализацию, особенно возраст от 6 до 18 лет: младший школьный возраст и подростковый период. Рассмотрим стадии социализации более подробно.

1. Младенчество (до 2 лет); задачей выступает выработка чувства доверия к миру, которое возникает при доверительных контактах и заботе со стороны родителей.

2. Раннее детство (2–3 года); характеризуется тягой к автономии, самостоятельности, которая начинается с регулирования телесных отправления.

3. Возраст игры (3–5 лет); любознательность, интерес к миру, желание походить на взрослых, освоение ролей через игровую деятельность —

¹ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» 2018–2025 гг. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/>.

как результат влечет осознание правил и понятия о справедливости.

4. Младший школьный возраст (6–11 лет); на место групповым играм приходит самостоятельная целенаправленная деятельность, которая должна привести к намеченным результатам. Появляется критическая оценка со стороны взрослых, к ребенку предъявляются определенные требования.

5. Подростковый период или юношеский возраст (12–18 лет); наступление половой зрелости. Качественно расширяется круг социального взаимодействия, личность переходит на новый уровень: возникает психосоциальная идентичность. Человек созревает физически и психически и готов вступить во взрослую жизнь.

Социальная среда формирует, но не оформляет личность без остатка, общество предъявляет образцы, одновременно индивидуализируя своих членов через усложнение внутренних и внешних связей личности, в том числе через наполнение новыми смыслами социальных ролей.

Важно, что достижения личности имеют аккумулятивный эффект, и приобретения, сделанные на каждой из стадий социализации, влияют на последующие этапы.

Согласно теории Э. Эриксона, пройдя пять стадий социализации, личность готова приступить к решению задач ранней взрослости, т.е. к включению в трудовую деятельность, поиску жизненного спутника и настоящих друзей, которые помогут разрешить конфликт между интимностью, близостью и одиночеством [3]. Необходимо отметить, что именно по достижении 18-летнего возраста личность юридически становится дееспособной и покидает стены учебного заведения закрытого типа. Очень важно, чтобы молодой человек к этому моменту действительно успел сформироваться как личность и был бы готов вступить во внешний мир, особенно — применительно к ситуации сирот и детей, оставшихся без попечения ро-

дителей, учитывая, что с указанного возраста помощь государства значительно сокращается.

Первичная социализация происходит посредством целенаправленного воспитания и через каналы социального научения.

Основными механизмами социализации являются подражание, идентификация, наблюдение и присвоение [4]. Накопление социального опыта происходит как во время личного взаимодействия с ближайшим окружением, так и посредством наблюдения за особенностями поведением других.

В образовательных учреждениях закрытого типа задача трансляции социального опыта возлагается на педагогов и воспитателей, в результате происходит совмещение роли учителя и родителя. Усугубляет ситуацию то, что количество воспитанников в группах не позволяет педагогам уделить каждому из них достаточного внимания. В результате передача социального опыта происходит фрагментарно, что препятствует формированию целостного представления о социальных функциях и ролях, замедляет социальное созревание.

Также, поскольку дети в таких коллективах взаимодействуют с ограниченным кругом сверстников, отношения между ними складываются по типу родственных, а не приятельских и выполняют положительную роль эмоциональной поддержки. Впоследствии данная особенность закрытого коллектива мешает налаживанию контактов с незнакомыми людьми. При этом формирование личности напрямую зависит от социального окружения, в котором растет ребенок.

При подготовке советских педагогов теме социокультурного развития ребенка отводилась ведущая роль [5], однако в ходе институциональных преобразований при смене внутривластного курса на месте идеологии образовался вакуум, который продолжает стихийно заполняться ценностями потребления. Современные педагогические практики концентрируются в основном на предметной сфере, оставляя за скобками нравственные и ценностные ориентиры, что недопустимо при работе с детьми в школах-интернатах.

Важно помнить, что социальная среда формирует, но не оформляет личность без остатка, общество предъявляет образцы, одновременно индивидуализируя своих членов через усложнение внутренних и внешних связей личности,

в том числе через наполнение новыми смыслами социальных ролей.

Применительно к детским учреждениям уместно вспомнить успешный опыт А. С. Макаренки, который считал, что режим является только внешним средством, рамками, внутри которых организуется жизнь личности в группе; наполнить же эти рамки внутренним содержанием под силу только самому воспитаннику.

Социализация, выступая как процесс и результат, имеет сложную природу, разнообразные виды и формы. Рассмотрим полную, неполную и частичную социализацию.

Полная социализация означает соответствие требованиям своей социальной группы и успешное выполнение функций, возложенных на личность. Это, в свою очередь, подразумевает овладение культурой и необходимым объемом знаний.

Неполная социализация свидетельствует об усвоении лишь части необходимого социального знания, что является недостаточным для выполнения той или иной функции. В результате личность не может решить стоящие перед ней задачи и рискует стать второстепенным членом социальной группы или общности, или вовсе оказаться за ее рамками.

Частичная социализация описывает состояние, когда личность владеет достаточным объемом знаний и культуры, тем не менее справляется со своими функциями с трудом и не способна в полной мере реализовать свой потенциал.

Задачей образовательного учреждения закрытого типа, безусловно, является проведение полной, или, по крайней мере, частичной социализации своих воспитанников. Критериями эффективности социализации, в зависимости от возраста воспитанников, является личная динамика учебных достижений, академическая успеваемость, широта интересов, уровень общения со сверстниками и взрослыми. Социализация проходит под влиянием различных социальных институтов и социальных групп.

В закрытом учебном заведении происходит совмещение школы как института социализации и интерната как социальной организации, в которой проживают воспитанники. По мере взросления большую значимость для социализации ребенка обретают сверстники, что приводит к ослаблению эмоциональных связей

с родителями и семьей. Данный процесс был назван «реакцией эмансипации».

При этом ребенок нуждается в значимых близких людях, которые на протяжении длительного времени будут озабочены его развитием и благополучием. Только в этом случае личность станет развиваться нравственно, эмоционально, интеллектуально и социально.

Задачей образовательного учреждения закрытого типа, безусловно, является проведение полной, или, по крайней мере, частичной социализации своих воспитанников. Критериями эффективности социализации, в зависимости от возраста воспитанников, является личная динамика учебных достижений, академическая успеваемость, широта интересов, уровень общения со сверстниками и взрослыми.

Подведем итог первой части нашего исследования. Итак, особенностями школы-интерната как института социализации являются: закрытый характер школы, постоянное пребывание воспитанников в кругу сверстников, достаточно жесткие требования к дисциплине и быту, разрыв связей с прежним окружением, отсутствие влияния (малое влияние) родителей и родственников, высокая значимость педагогического состава, акцент на непрерывном образовательном процессе [6].

В нашей стране накоплен достаточно большой опыт общественных преобразований, проводником которых выступало образование как социальный институт.

Одним из самых масштабных являлся общественно-воспитательный проект Екатерины Второй и И. И. Бецкого по созданию сети закрытых учебно-образовательных заведений. Проект охватывал все сословия, кроме крепостных крестьян, и был рассчитан на детей 5–18 лет, которые будут жить обособленно

и впитывать нравы европейских педагогов. Смольный институт благородных девиц для дворянок и девушек мещанского сословия доказал свое право на жизнь и просуществовал вплоть до революции 1917 г. Именно организация данного института положила начало воспитанию и планомерному образованию русской женщины, став одним из самых амбициозных проектов своего времени, не только в России, но и в Западной Европе.

Будучи сословным учебным заведением, институт, безусловно, служил воспроизводству дворянской культуры, а потому имел ряд особенностей и ограничений. Тем не менее новое прочтение данного социокультурного феномена способно обогатить практику современных российских закрытых школ, в том числе, — для одаренных детей.

В Указе об основании Смольного института благородных девиц говорилось, что новому институту необходимо «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества» [7].

Согласно Уставу отечественное заведение было женским, детей принимали с пяти-шести лет. Обучение длилось двенадцать лет. Соответственно, до достижения восемнадцатилетнего возраста воспитанницы находились только на территории учебного заведения. Закрытый характер института должен был уберечь девушек от внешнего пагубного влияния социальной среды.

Таким образом, обучение начиналось на четвертой стадии социализации, которая соответствует младшему школьному возрасту, при этом влияние прошлой социальной среды и первичных агентов социализации было сведено к минимуму. Ученицы уже обладали фундаментом, заложенным в семье при первичной социализации: ориентацией на взаимопомощь и сотрудничество, сочувствие; теперь им предстояло «достроить» и согласовать новые знания с их «базисным миром».

Учебное заведение было элитарным. Ученицы были объединены в четыре группы, каждая состояла из пятидесяти человек. Отбор происходил по возрасту: от 6 до 9 лет — первая группа; от 9 до 12 — вторая группа; от 12 до 15 — третья группа; выпускную группу составляли девушки от 15 до 18 лет.

Соответственно, каждая возрастная группа изучала свой круг предметов, который был достаточно широк и способствовал развитию

самостоятельно мыслящей личности с широким кругозором.

Таким образом, воспитанницы становились проводниками общественных изменений, а впоследствии — агентами социализации для подрастающего поколения. Иными словами, влиянию новой культуры подвергались не только непосредственно ученицы Смольного института, но также их семьи и родственники, которым они несли «зерна» европейского просвещения и новых нравов. Важно, что подобная организация учебного процесса способствовала формированию у девушек *субъектной* позиции к получению образования, т. е. обучение становилось осознанным, осмысленным, отрабатывалось в практической деятельности; были ясны перспективы применения знаний и навыков в дальнейшем. В результате — формой проявления становится активность, самостоятельность, творческое применение материала, способность к импровизации. Субъектная позиция формируется при взаимодействии с педагогом, который уже обладает *субъектностью* и может привить ее своим воспитанникам.

Императрица-основательница — Екатерина II — лично следила за качеством образования. В Уставе Смольного института, вдохновленного лучшими европейскими образцами того времени, говорилось: «Чтобы дети всегда имели вид бодрый, веселый, довольный и вольные действия души» [7]. Также следовало помогать ученицам и облегчать усвоение знаний, использовать врожденную детскую любознательность, чтобы обучение было интересным, в противовес зубрежке, скуке и унынию.

Данное положение, пожалуй, продолжает оставаться актуальным на всем протяжении существования школы и традиции обучения. И в наши дни не умолкают дискуссии о том, как повысить мотивацию учеников, какие педагогические методы более эффективны, каким образом привлечь мультимедийные технологии к повышению качества образования и обогатить образовательный процесс.

Чтобы подготовить девушек к реалиям за стенами Смольного института, воспитателям было поручено отучать воспитанниц от привычки «строить воздушные замки», возвращать в каждой девочке твердые нравственные правила, сочетать веру в Бога с умением бороться за себя, противостоять порокам и искушениям.

Кроме того, требовалось, чтобы классные дамы регулярно общались с девушками, знали об интересах и способностях каждой из них, уделяли внимание детскому миру.

Таким образом, при взаимодействии педагогов и воспитанниц формировалось ценностно-наполненное, осмысленное отношение к деятельности, связи между поверхностным (нормативно-поведенческим) и глубинным (смысловым) ее слоями. Целостность процесса становления личности и будущего профессионала основана именно на понимании своих возможностей, склонностей и желаний, на самооценке, саморазвитии, самоутверждении, предъявлении своего «Я» другим людям. Такая сложная, невидимая глазу внутренняя работа служит созиданию самостоятельной, ответственной личности и в дальнейшем помогает развиваться гражданской позиции.

Система воспитания, прописанная в Уставе института, касалась также поведения классных дам и начальниц. С детьми, говорилось в Уставе, необходимо проявлять «кротость, благопристойность, учтивость, благоразумие, справедливость и также непритворную веселость и отсутствие лишней важности в обращении». Сами преподаватели служили примером.

Таким образом, уже в Смольном институте был взят курс на гуманизацию образования, сообразно представлениям той эпохи. Именно учитель становится для воспитанников источником *антропо-образов* и образцов (учитель, ученик, одноклассник, отличник, двоечник и т. д.), которые имеют качественную окраску. В свою очередь, дети выстраивают собственное отношение к себе и другим ученикам с опорой на мнение учителя.

Государыня требовала от учителей и воспитательниц Смольного института прививать девочкам любовь к чтению, чтобы в трудную минуту они могли черпать вдохновение у великих мыслителей. После прочтения рекомендовалось обсуждать изученный материал с воспитанницами, чтобы они учились излагать свои мысли.

В процессе чтения посредством рефлексивного взаимодействия происходит ценностно-смысловое самоопределение личности. Обсуждение прочитанного, написание эссе и творческих работ создает особую дидактическую среду, в которой и возникает *субъектность*. Значение привычки и любви к осознанному

чтению возрастает в наши дни, поскольку интернет и социальные сети формируют фрагментарное, *клиппинговое* мышление, мешающее концентрации внимания и фундаментальному обучению, способствуют размытию еще не сформировавшейся идентичности.

Императрица-основательница – Екатерина II – лично следила за качеством образования. В Уставе Смольного института, вдохновленного лучшими европейскими образцами того времени, говорилось: «Чтобы дети всегда имели вид бодрый, веселый, довольный и вольные действия души».

Как уже было отмечено, Смольный институт являлся элитным учебным заведением для аристократов. Однако императрица не думала останавливаться на достигнутом и считала необходимым дать образование не только дворянкам, но и девушкам из более низкого сословия — мещанкам.

Таким образом, Смольный институт постепенно становился комплексным образовательным учреждением. С 1765 г. при нем было открыто училище для девочек из мещанских семей. Разница между данными учебными заведениями заключалась, прежде всего, в учебной программе. Задача училища как и института состояла в подготовке девушек к жизни после окончания обучения. В мещанском училище основное внимание уделялось хозяйственным работам и изучению ремесел.

Замысел императрицы состоял в обучении всего населения страны через хрупких девушек Смольного, которые, окончив институт, могли трудоустроиться учителями французского или английского, учить детей играть на пианино, танцевать, петь и т. д. Но это была задача именно выпускниц мещанского отделения, так как дворянки становились фрейлинами при дворе либо оставались преподавать в институтах.

Иными словами, обучение в институте служило также гарантией трудоустройства,

о чем девушки были прекрасно осведомлены. В планах Екатерины присутствовала революционная для того времени идея — женщина не обязана сидеть дома с детьми и заниматься только хозяйством, — она может работать. Таким образом, ученицы получали дополнительный стимул к хорошей учебе и могли получить ряд привилегий, что было очень весомо в сословном обществе. Девушки были социально защищены и смотрели в будущее с уверенностью.

Безусловно, фигура императрицы, которая лично занималась делами института, не могла не вызывать уважения у юных воспитанниц. В современных терминах, Екатерина Вторая была той *референтной* личностью, на которую, несмотря на сословные различия, равнялись ученицы.

Подводя итог екатерининской эпохе в истории Смольного института, отметим, что девушки, получившие образование в Смольном институте, резко выделялись на фоне своих сверстниц, которые учились дома: «Каждая из них имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Из них вышли прекрасные супруги». Также о жизни смолянок после института можно судить по запискам князя И. М. Долгорукого, который два раза был женат на смолянках. Он писал, что, когда ему встречались выпускницы Смольного института, он, «еще даже не зная об этом, замечал, как сильно они отличаются от остальных по своим манерам, суждениям и нравственному облику» [4].

В заключение нашего исследования стоит отметить, что именно общение создает атмосферу, социальный климат, дающий эмоциональный настрой, который помогает сделать

учебную деятельность осмысленной, продуктивной, устойчивой, основанной на внутренней мотивации ребенка. Социальный климат является частью дидактической ситуации — системы дидактических условий, создаваемых педагогом с целью обучения и воспитания. При этом педагог не передает уже готовые знания и образцы культуры ученикам, а создает их вместе с воспитанниками в процессе совместной деятельности. В результате происходит совместный поиск, исследование, наполнение смыслом и содержанием тех или иных социальных норм, образцов, законов жизни и ролей. В Смольном институте благородных девиц была создана именно такая дидактическая ситуация. Также развитию *субъектности* способствует привлечение на регулярной основе к образовательному процессу *значимых «других»* из сферы науки и искусства, на которых могли бы равняться ученики. Такое общение может происходить в виде научных семинаров, встреч, конкурсов. Важна профессиональная ориентация и овладение профессией на начальном уровне уже во время обучения в школе, что не только способствует обретению учащимися уверенности в завтрашнем дне, но и помогает им сформировать личную сеть деловых знакомств и контактов. Отдельно отметим методы косвенного воздействия, когда «должен» в той или иной степени заменяется на «желательно», — в результате норма воспринимается как некий диапазон, оставляя личности пространство для самовыражения, поиска нестандартного решения.

Смольный институт благородных девиц как модель социализации, в которой соединены обучение, воспитание, педагогическое участие, проявляемое к каждому ребенку, способен помочь восстановить преемственность поколений в ситуации, когда передача социального опыта прервана по большинству параметров, педагог превращается в некоего «поставщика образовательных услуг», а молодежь не имеет устойчивых ориентиров в ближайшем окружении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова С. В. Гуманизация образования: цели, задачи и условия. *Ценности и смыслы*. 2010;(2):91–109.
2. Ковалёва А. И. Социализация. *Знание. Понимание. Умение*. 2004;(1);139–143.
3. Шакурова М. В. Формирование идентичности современного ребенка в контексте социокультурной ситуации его развития. *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2016;(2):15–26.

4. Касаркина Е. Н., Абрашкина С. А. Зависимость социализации детей в школе-интернате от учебной и воспитательной деятельности. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2017;(4):28–31.
5. Махаматова С. Т. Истоки женского государственного образования в России: Смольный институт благородных девиц 1764–1828 годы. Образование в России и мире: исторический опыт и перспективы развития. Шапкин Н. И., ред. М.: РУСАЙНС; 2019.
6. Измайлова М. А. Современное российское образование через призму глобальной образовательной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(4):36–43.
7. Ржевская Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской. Русский архив. 1871; Кн. 1. Вып. 1. URL: <https://memoirs.ru/texts/RzevRA71K1.htm>.

REFERENCES

1. Ivanova S. V. Humanisation of education: goals, objectives and conditions. *Cennosti i smysly*. 2010;(2):91–109. (In Russ.).
2. Kovalova A. I. Socialisation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2004;(1);139–143. (In Russ.).
3. Shakurova M. V. Formation of a modern child's identity in the context of the socio-cultural situation of his development. *Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psihologija*. 2016;(2):15–26. (In Russ.).
4. Kasarkina E. N., Abrashkina S. A. Dependence of the socialisation of children in a boarding school on educational and educational activities. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2017;(4):28–31. (In Russ.).
5. Mahamatova S. T. The origins of women's public education in Russia: Smolny Institute for Noble Maidens 1764–1828. In: *Obrazovanie v Rossii i mire: istoricheskij opyt i perspektivy razvitija*. N. I. Shapkin, ed. Moscow: RUSAJNS; 2019. (In Russ.).
6. Izmajlova M. A. Contemporary Russian education through the prism of global educational policy. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2018;8(4):36–43. (In Russ.).
7. Rzhetskaja G. I. Memoirs of Glafira Ivanovna Rzhetskaya. *Russkij arhiv*. 1871; Book 1. Issue 1. URL: <https://memoirs.ru/texts/RzevRA71K1.htm>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саида Тауровна Махаматова — кандидат экономических наук, доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
SMahamatova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Saida T. Mahamatova — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
SMahamatova@fa.ru

Статья поступила 23.11.2020; принята к публикации 10.12.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 23.11.2020; accepted for publication on 10.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-128-131
УДК 81.22(045)

Квантификация как форма выработки нормы в политическом дискурсе

И.Д. Февралёв

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1482-9082>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу содержащихся в политическом дискурсе пандемии COVID-19 высказываний, включающих информацию, передаваемую цифрами. Показывается, как при помощи цифр агенты политического дискурса формируют нормативы борьбы с COVID-19 и таким образом демонстрируют компетентность в решении данной проблемы. Автор приходит к выводу о том, что даже в условиях отсутствия стандартов оценивания малоизученных явлений последние могут измеряться и вследствие этого контролироваться дискурсом. В исследовании используется дискурсивный анализ высказываний, в котором сделан акцент на их семантические характеристики. На его основе автор характеризует их прагматические особенности. Теоретическую базу данного исследования составили труды Н. Лумана и Ф. Юнгера. Анализ практических примеров опирается на работы исследователей, которые были направлены на определение особенностей цифры как дискурсивного феномена.

Ключевые слова: цифра; дискурс; квантификация; частица; норматив; стандарт; агенты политического дискурса; оценка; функция.

Для цитирования: Февралёв И.Д. Квантификация как форма выработки нормы в политическом дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):128-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-128-131

ORIGINAL PAPER

Quantification as a Form of Norm-making in Political Discourse

I.D. Fevralev

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1482-9082>

ABSTRACT

The article is devoted to analysing statements in the political discourse of the COVID-19 pandemic, including information transmitted by numbers. It shows how political discourse agents use numbers to form standards for the fight against COVID-19 and thus demonstrate competence in solving this problem. The author concludes that even in the absence of standards for evaluating poorly studied phenomena, the latter can be measured and, as a result, controlled by discourse. The study uses a discursive analysis of utterances, which focuses on their semantic characteristics. On its basis, the author characterises their pragmatic features. The author based the theoretical part of this research on the works of N. Luhmann and F. Jungers. The analysis of practical examples the author based on the results of researchers who tried determining the features of numbers as a discursive phenomenon.

Keywords: figure; discourse; quantification; particle; norm; standard; agents of political discourse; evaluation; function

For citation: Fevralev I.D. Quantification as a form of norm-making in political discourse. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):128-131. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-128-131

Появление коронавирусной инфекции относится к ситуациям, в которых прежде выработанные критерии анализа тех или иных явлений становятся неприменимыми по отношению к сложным и труднопредсказуемым процессам. В данной статье я рассматриваю эпидемию коронавируса как дискурсивное явление, поскольку именно в информационной среде она значительно влияет на глобальные экономические, социальные и политические процессы. COVID-19 вынуждает государство в обстоятельствах информационного дефицита реагировать незамедлительно и принимать решения, которые предполагают готовность жертвовать экономическими, политическими и другими ресурсами.

В этих условиях агенты политического дискурса стремятся показать обществу, что происходящее поддается контролю. Это отражается в языке агентов политического дискурса, поскольку его средствами вырабатываются нормативы оценки деятельности по борьбе с COVID-19. Для этого они оперируют языковыми конструкциями с цифрами. Последние содержат коннотации точности и многие другие семантические компоненты с общим смысловым инвариантом контролируемости, безопасности, стабильности и т.д.

Использование цифр позволяет косвенным образом указать на высокие компетенции системы в решении проблем, с которыми она ранее не сталкивалась, ввиду этого они представляют собой не только единицы счета, но и сообщения с рядом импликаций. Это свидетельствует о возрастающей роли такого инструмента структурирования информации и профилирования восприятия протекающих в социуме процессов. С помощью статистических данных преодолевается и проблема отсутствия выработанного норматива оценки тех или иных феноменов, поскольку цифра всегда опирается на предсуществующий событию стандарт и упорядочивает то, что ею измеряется, тем самым помогая дискурсу относительно легко справиться с новыми для него вызовами в информационной среде.

Теоретически наиболее системно это выражено в концепции массмедиа Н. Лумана: «Квантитативность всегда информативна... Значимость информации может усиливаться, если добавляют цифры для сравнения» [1, с. 176].

Но эти взгляды развивались и без отсылки к работам Н. Лумана, в том числе и в отечественной литературе. Например, в статье Н.Н. Бондарчук

«Число в журналистском тексте» отмечается, что цифра не только информирует аудиторию, но и убеждает ее, усиливая ту или иную эмоцию текста [2, с. 183]. В своей работе «Цифровые обозначения как фактор формирования картины мира читателя в современной индустрии» С.И. Симанова делает акцент на способности цифры сильно воздействовать на аудиторию за счет добавочных значений, которые она в себе несет [3, с. 61]. Мне близка эта позиция, поскольку интересующие высказывания действительно содержат ряд затуманенных смыслов. И связано это с их функцией исчисления действительности.

Известны работы, в которых исследователи на историческом материале пытались определить ключевые особенности и характеристики дискурсивных высказываний с включенными цифрами. К таким работам можно отнести статью А.А. Трошина «Динамика языковых процессов в социальных коммуникациях 1930–1940-х гг. как отражение проблемы ресурсов промышленного развития советского общества», где автор показывает, как цифра использовалась в дискурсе для того, чтобы ориентировать общество на достижение определенных целей [4, с. 75]. Теоретической основой этого исследования были работы Ф.Г. Юнгера, в которых цифра рассматривается в контексте своих знаковых характеристик, отличающих ее от иных языковых единиц.

В труде «Язык и мышление» [5, с. 56] Ф.Г. Юнгер отмечает, что слово с течением времени все чаще используется не для описания действительности, но в качестве функции. Согласно концепции немецкого философа, новый язык не призван отсылать субъекта к действительности, но отражает состояние системы, задает ее цели, подводит итоги, строит планы и поэтому руководит субъектом.

Число в контексте данных знаковых отношений начинает вытеснять остальные средства обозначения, так как именно оно выстраивает взаимосвязи и отношения между предметами действительности, унифицируя и стерилизуя последние: «Но что такое нумерация? Свидетельство того, что утрачена самостоятельность предмета, что индексироваться уже не вещи, предметы и объекты, а отношения» [6, с. 58]. Квантификация делает мир упорядоченным и поддающимся контролю.

Там, где появляется цифра, появляется стандарт. К такому заключению мы приходим, если следуем за мыслью Юнгера. Следовательно, исчисляемые события и явления предстают перед обществом менее опасными. Цифра — это сеть для

хаоса. Немаловажно, что при должном развитии технологии любая ситуация может быть оцифрована, а значит, дискурс располагает инструментом кодирования и стандартизации новых феноменов. Притом норматив возникает в ходе самой дискурсивной практики, ведь он предшествует числу и стоит за ним. После того, как мы выяснили, в чем заключаются семантические особенности числа и каковы его функции, следует перейти к анализу высказываний дискурса пандемии.

*Пример 1*¹. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию активно оперирует языковыми конструкциями с цифрами. Примечательно следующее его высказывание: «А вспомните, буквально полторы пятилетки назад мы производили всего 13 процентов собственных лекарств. Тогда Президент поставил жесткую задачу: 50 процентов, не меньше. Сегодня имеем 60, и это нас спасло». Глава государства демонстрирует свое умение ориентироваться в непростой ситуации и при помощи цифры показывает, что система устойчива. Помимо этого, Лукашенко косвенным образом формирует определенный стандарт устойчивости, поскольку цифра с функцией оценки всегда опирается на норму, иначе она бессмысленна.

*Пример 2*². Выступая на открытии 73-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, Председатель КНР Си Цзиньпин рассказал о том, как Китай помогает африканским странам в борьбе с COVID-2019. Разумеется, для этого он обращался к определенным данным: «В борьбе с коронавирусом более 50 стран Африки и Африканский союз получили от Китая значительный объем медицинских грузов, 5 групп китайских медиков уже посещали африканский континент». В данном случае указание на выполнение норматива осуществляется посредством использования частицы «уже» — она переносит акцент на утверждение о досрочном выполнении норматива и тем самым оформляет его как существующий. Высказывание китайского политика непрямым образом указывает, что пяти групп медиков более чем достаточно

для помощи африканскому континенту в период пандемии.

*Пример 3*³. Выступал на 73-й сессии Всемирной Ассамблеи здравоохранения и министр здравоохранения РФ Михаил Мурашко. В его речи можно обнаружить несколько характерных языковых конструкций с цифрами, среди которых особенно выделяется следующая: «Для оказания своевременной медицинской помощи оперативно проведена переподготовка более 1,4 млн специалистов, развернуты более 130 тыс. специализированных медицинских коек, в том числе с реанимационной защитой, медицинский персонал обеспечивается средствами индивидуальной защиты, хотя на начальном этапе мы испытывали трудности». Как и ранее, формирование норматива осуществляется за счет указания на его превышение. Отметим, что используется тот же языковой инструмент — частица, которая всегда усложняет логическую структуру высказывания.

Во всех трех примерах высказывания с включением цифр опираются на стандарт ввиду того, что без него невозможно что-либо оценить. Норма — это ось оценки. Между тем, рассматриваемая дискурсивная практика способна ее формировать в ходе самого использования подобных языковых конструкций, где важную роль играет частица «более». Этот прием универсален и может применяться и по отношению к таким сложным и во многих отношениях неизученным явлениям, как COVID-19. Само их исчисление (квантификация) является демонстрацией того, что конкретная система успешно отражает удары внешней среды и предупреждает их.

Цифра, как утверждал Ф. Г. Юнгер, не рядовой знак, так как она репрезентирует определенные отношения и семантически в большей степени схожа с высказыванием, чем с отдельной лексемой. Более того, она отличается от других знаков своей способностью профилировать восприятие тех или иных явлений без прямого на них указания. Адресат сам выводит необходимые импликации, которые содержат рассмотренные выше высказывания. И все они вытекают из следующего факта: есть нормативы, которые служат направляющими

¹ Послание белорусскому народу и Национальному собранию. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 4 августа 2020 г. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-24168/.

² Председатель КНР Си Цзиньпин: Выступление на открытии 73-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения. Сайт инфоцентра Aftershock. 20 мая 2020 г. URL: <https://aftershock.news/?q=node/869652&full>.

³ Выступление министра Михаила Мурашко в ходе 73-й сессии Всемирной Ассамблеи здравоохранения. Официальный интернет-портал Министерства здравоохранения РФ. 18 мая 2020 г. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/05/18/13980-vystuplenie-ministra-mihaila-murashko-v-hode-73-y-sessii-vsemirnoy-assamblei-zdravoohraneniya>.

для деятельности по борьбе с COVID-19. Из этого следует, что, во-первых, ситуация контролируется, а во-вторых, есть возможность прогнозировать дальнейшее развитие событий.

Таким образом, в политическом дискурсе нормативы способны вырабатываются в ходе практики употребления языковых конструкций с цифрами. Примечательно, что как таковые нормативы не предпосланы цифре, они возникают вместе

с ней. Обусловлено это тем, что рассмотренные нами высказывания являются оценочными. Следовательно, отдельный элемент оценки может воспроизвести всю ее структуру, неотъемлемой частью которой и является норматив. Поэтому даже новые ситуации могут измеряться без предварительной выработки критериев такого измерения. Достаточно их квантифицировать и в таком виде представить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луман Н. Реальность массмедиа. Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис; 2005. 256 с.
2. Бондарчук Н.Н. Число в журналистском тексте. Журналистика и медиаобразование 2008: сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–27 сент. 2008 г.): в 2 т. Т. II. У. Перси, А.В. Полонский, Е.А. Кожемякин, ред. Белгород: БелГУ; 2008.
3. Симакова С.И. Цифровые обозначения как фактор формирования картины мира читателя в современной медиаситуации. *Челябинский гуманитарий*. 2010;3(12):57–63.
4. Трошин А.А. Динамика языковых процессов в социальных коммуникациях 1930–1940-х гг. как отражение проблемы ресурсов промышленного развития советского общества. *Вопросы культурологии*. 2013;(2):71–77.
5. Юнгер Ф.Г. Язык и мышление. Пер. Лощевского К.В. СПб.: Наука; 2005. 306 с.
6. Bennett W., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press; 2013.

REFERENCES

1. Luhmann N. The reality of the mass media. Transl. from German. Moscow: Praxis; 2005. 256 p. (In Russ.)
2. Bondarchuk N.N. Number in the journalistic text. In: *Journalism and media education 2008: Collection of papers of the III International scientific-practical Conf.* (Belgorod, 25–27 September 2008). W. Percy, A.V. Polonsky, E.A. Kozhemyakin, eds. Belgorod: Belgorodsky University; 2008. 183 p. (In Russ.)
3. Simakova S.I. Digital designations as a factor in forming the reader's worldview in the modern media situation. *Chelyabinskii gumanitariy*. 2010;3(12):57–63. (In Russ.)
4. Throshin A.A. Dynamics of language processes in social communications in the 1930s and 1940s as a reflection of the problem of industrial development resources in Soviet society. *Voprosi kulturologii*. 2013;(2):71–77. (In Russ.)
5. Jungers F.G. Language and thought. St. Petersburg: Nauka; 2005. 306 p. (In Russ.)
6. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalisation of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Дмитриевич Февралёв — студент 4-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
ivanbert43@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ivan D. Fevralev — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
ivanbert43@yandex.ru

Статья поступила 25.11.2020; принята к публикации 15.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.11.2020; accepted for publication on 15.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-132-135
УДК 321(045)

Понятие «серый кардинал» в политическом дискурсе

А.Р. Бочкаев

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7540-2037>

АННОТАЦИЯ

В наше время «серым кардиналом» называют человека, не занимающего официально руководящую должность, но из-за своих личностных качеств, поведения и опыта играющего довольно важную роль в управлении. «Серый кардинал» — личность обязательно компетентная, имеющая выдающиеся организаторские и интеллектуальные способности, при этом чаще всего непубличная. В статье анализируются исторические истоки понятия, а также раскрываются основные психологические особенности, которыми должен обладать «серый кардинал».

Ключевые слова: серый кардинал; политика; политический дискурс; политическая элита

Для цитирования: Бочкаев А.Р. Понятие «серый кардинал» в политическом дискурсе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):132-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-132-135

ORIGINAL PAPER

The Concept of the “Eminence Grise” in Political Discourse

A.R. Bochkaev

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7540-2037>

ABSTRACT

Nowadays, an “eminence grise” is a person who does not officially hold a leadership position, but because of his personal qualities, behaviour, and experience plays a rather important role in management. The “eminence grise” is an obligatory competent person with outstanding organizational and intellectual abilities, and more often than not, he is not public. The article analyses the historical origins of the concept, and also reveals the main psychological characteristics that an “eminence grise” should have.

Keywords: “eminence grise”; politics; political discourse; political elite

For citation: Bochkaev A.R. The Concept of the “Eminence Grise” in Political Discourse. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):132-135. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-132-135

При анализе понятия «серый кардинал» следует отметить, что оно не является продуктом политологических исследований. Впервые оно возникло в публицистической литературе, и только после этого исследователи начали его детально изучать.

«Серый кардинал» появляется в романе А. Дюма «Три мушкетера», — тогда при первом королевском министре, кардинале де Ришелье, состоял на службе монах-францисканец Жозеф

(Франсуа Ле Клера дю Трамбле), который при дворе получил прозвище «серый кардинал».

В историческом контексте определение «серый» являлось указанием на принадлежность к монашескому сословию, которое далеко от политики, — по этой причине понятие «серый кардинал» стало неким символом вершителя закулисных дел.

В наше время «серым кардиналом» называют человека, не занимающего официально

руководящую должность, но из-за своих личностных качеств, поведения и опыта играющего довольно важную роль в управлении. «Серый кардинал» — личность обязательно компетентная, имеющая хорошие организаторские и ораторские способности, инициативная, коммуникабельная, отзывчивая, с сильным волевым характером, уверенная в себе и зачастую харизматичная.

Р. Медведев и Д. Ермаков описывают «серого кардинала» как человека, занимающегося реализацией политических решений с использованием неформальных практик. При анализе политической деятельности М. А. Суслова они утверждают, что он был назван «серым кардиналом» не просто по причине масштабов власти, но и из-за тщательно скрываемых источников влияния совместно со стремлением к формированию и направлению политических событий из-за кулис [1].

Наибольшее развитие идея символичности политического управления получила в трудах французских постструктуралистов. «За пышным барокко образов прячется “серый кардинал” политики», — писал французский философ Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» [2], указывая на политическую детерминированность любой символичности.

Французский философ Ж. Лакан считает, что если символическая функция действительно работает, то мы находимся в ее середине, внутри настолько, что выйти из нее — не в наших силах. И речь, которой мы пользуемся каждый день, является как бы вирусом, который заражает каждого этим символизмом. Мы — жертвы «серого кардинала», но вместе с тем мы можем никогда об этом не догадаться [3].

У. Эко, анализируя понятие «серый кардинал», пишет, что знаки отсылают к определенному содержанию, а мир содержания, иной для каждой культуры, является самодостаточным и бесконечным, что собственно и создает пространство для разнообразного наполнения одних и тех же символов различными значениями, в частности особенностями теневой политики [4].

По мнению М. Пеше, то, что привязка, которая «наделяет смыслом» элементы политического дискурса, является оторванной от субъекта, создает иллюзию, будто «серый кардинал» находится у самых истоков смысла, постигает

универсальный смысл, существовавший до него [5].

Российские авторы Н. Латыпов и С. Тушев считают, что наиболее правомерно рассмотрение феномена «серого кардинала» в соотношении с фактом социально-классовой дифференциации. Вследствие такого подхода можно сделать вывод, что в классово-дифференцированном обществе «серый кардинал», который обладает определенной властью, пусть

Французский философ Ж. Лакан считает, что если символическая функция действительно работает, то мы находимся в ее середине, внутри настолько, что выйти из нее — не в наших силах. И речь, которой мы пользуемся каждый день, является как бы вирусом, который заражает каждого этим символизмом.

и теневой, является главенствующим в государстве [6]. «Серый кардинал» осуществляет управление обществом через деятельность наиболее активных в политическом смысле его членов. Таким образом, «серый кардинал» является частью правящего класса и объединяет тех его членов, которые обладают навыками профессиональной политической деятельности и непосредственно осуществляют государственное управление. «Серый кардинал» играет чрезвычайно важную роль в достижении политического успеха. Это обусловлено, прежде всего, тем, что он олицетворяет важнейшие сущностные черты политики:

- власть;
- авторитет;
- влияние;
- руководство;
- представительство и отображение общественно-политических интересов [6].

По мнению О. Крыловой, «серыми кардиналами» чаще всего становятся флегматики, которые имеют скрытую жажду власти, или же, наоборот, — люди, имеющие сильный характер, но вместе с тем обладающие многи-

ми комплексами. На роль «серого кардинала» годятся рассудительные люди, которые являются любителями составления схем, планов и стратегий [7].

Таким образом, в «сером кардинале» одновременно сочетаются плохой коммуникатор и хороший психолог.

Присутствие на политическом поприще «серых кардиналов» иногда вредит политической ситуации страны, а иногда — наоборот, поскольку они своим организаторским гением подменяют демократию.

Исследуя причину появления «серых кардиналов» на политической арене, политологи отмечают, что основной предпосылкой к этому является в первую очередь утраченный баланс в системе или коллективе: «серый кардинал» проявляется в качестве второй половинки формального лидера, его дополнения, своего рода зеркала, индикатора, показывающего, чего именно не хватает формальному лидеру в его проявлениях для максимального взаимодействия с командой и народом. И исходя из того, что любая система, в том числе и политическая, стремится к определенному равновесию, «серый кардинал» таким образом привносит это недостающее равновесие.

«Серые кардиналы» возникают в результате сложного процесса принятия ролей и процессов взаимного восприятия, которые определяют, кто именно становится лидером [8].

Классическая организационная теория предполагает, что любая организация, система, в том числе политическая, существует в двух плоскостях: формальной и неформальной. Ч. Барнард определил формальную организацию как «систему сознательно скоординированных действий или сил двух или более лиц» [9]. В качестве фундаментального компонента любой формальной организации неформальная организация представляет со-

бой совокупность отношений сотрудников и личных связей. Из этих определений видно, что неформальная организация является ответом на социальные потребности работников и последующей органической группировкой за пределами формальной организационной структуры. Необходимо признать неформальных лидеров, определить их отличительные характеристики и понять, как они могут поддерживать организационную эффективность посредством индивидуальной работы [10].

Таким образом, неформальный статус «серого кардинала» — это продукт социальных представлений его коллег, отраженных в той степени, в которой они признаны лидерами.

В целом, политологи уверены, что «серые кардиналы» присутствовали и присутствуют во все времена и абсолютно во всех эшелонах власти. Наличие в политической системе страны «серых кардиналов» формирует неформальную политику — способы, которые используются людьми для получения власти и привилегий. Неформальная политика является неотъемлемой частью управления, получения власти и распределения ресурсов. Люди, находящиеся у власти, редко могут позволить себе роскошь играть только по формальным правилам. В реальной жизни политика означает баланс лояльности по отношению к законам и формальным институтам с необходимостью выполнять социальные обязательства.

Неформальная политика может формировать способ работы правительства. Часто ею обусловлен разрыв между влиянием государственной политики и заявленными намерениями руководящих органов. Подводя итог, можно отметить, что в последние годы интерес к теме «серых кардиналов» растет, и об этом явлении еще многое предстоит узнать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. URL: https://imwerden.de/pdf/medvedev_ermakov_seryj_kardinal_suslov_politichesky_portret_1992_text.pdf.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Пер. с фр. В. Ховхун. М.: Изд-во Соломии Павлычко «Основы»; 2004. 230 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» В Теории Фрейда и в технике психоанализа. М.: Изд-во «Гнозис», «Логос»; 1999. 520 с.
4. Еко В. Роль читателя: исследования по семиотике текстов. Пер. с англ. Львов: Летопись; 2004. 383 с.
5. Пеше М. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс»; 1999.

6. Латыпов Н., Тушев С. 50 оттенков серого кардинала. Кто правит миром. М.: АСТ; 2017. 352 с.
7. Крылова О. Серый кардинал при свете дня. URL: <https://hochu.ua/cat-hochu-vlasti/article-2730-seryiy-kardinal-pri-svete-dnya/>.
8. Neubert M. J., Taggar S. Pathways to informal leadership: The moderating role of gender on the relationship of individual differences and team member network centrality to informal leadership emergence. *Leadership Quarterly*. 2004;(15):175–194.
9. Barnard C. The functions of the executive. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1938.
10. Scott W.G. Organization theory: an overview and an appraisal. *The Journal of the Academy of Management*. 1961.

REFERENCES

1. Medvedev R., Ermakov D. The Eminence Grise. URL: https://imwerden.de/pdf/medvedev_ermakov_seryj_kardinal_suslov_politicheskyy_portret_1992_text.pdf. (In Russ.).
2. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Transl. from French. Moscow: Publishing house of Solomiya Pavlychko “Osnovy”; 2004. 230 p. (In Russ.).
3. Lacan J. Seminars. Book 2: “I” In Freud’s Theory and in the Technique of Psychoanalysis. Moscow: Publishing house “Gnosis”, “Logos”; 1999. 520 p. (In Russ.).
4. Eko V. The role of the reader: research on the semiotics of texts. Transl. from Eng. Lvov: Chronicle; 2004. 383 p. (In Russ.).
5. Pesche M. Results and perspectives on the automatic analysis of discourse. Moscow: Progress; 1999. (In Russ.).
6. Latypov N., Tushev S. 50 shades of eminence grise. Who rules the world. Moscow: AST; 2017. 352 p. (In Russ.).
7. Krylova O. Eminence grise in the daylight. URL: <https://hochu.ua/cat-hochu-vlasti/article-2730-seryiy-kardinal-pri-svete-dnya/>. (In Russ.).
8. Neubert M. J., Taggar S. Pathways to informal leadership: The moderating role of gender on the relationship of individual differences and team member network centrality to informal leadership emergence. *Leadership Quarterly*. 2004;(15):175–194.
9. Barnard C. The functions of the executive. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1938.
10. Scott W.G. Organization theory: an overview and an appraisal. *The Journal of the Academy of Management*. 1961;4(1):7–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алу Ризванович Бочкаев — студент 2-го курса магистратуры Факультета «Социология и политология», Финансовый университет, Москва, Россия
 dzyudoistalu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alu R. Bochkaev — 2nd-year student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
 dzyudoistalu@mail.ru

Статья поступила 30.11.2020; принята к публикации 15.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 30.11.2020; accepted for publication on 15.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-136-140
УДК 338.5(342)(045)

Закон о лоббизме в России: pro et contra

В.С. Боровков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3613-8493>

АННОТАЦИЯ

С образованием новой демократической России и ее развивающимися рыночной экономикой и бизнесом актуальным стал вопрос о легализации лоббизма. В статье в качестве обоснования такого важного политического шага приводится опыт некоторых институционально развитых западных государств, уже давно применяющих легализацию лоббизма в качестве одного из каналов агрегации и артикуляции интересов самых разнообразных групп и категорий общества. Необходимость регулирования в области лоббизма связана с ростом потребности социальных групп, прежде всего бизнеса, иметь прямой институциональный канал коммуникации и воздействия на власть. Сторонники оформления лоббизма в правовые рамки подчеркивают важнейшую роль его легализации для избавления от всякого рода криминогенных и противоправных проявлений. Противники же заявляют о том, что легализация лоббизма – это фактически легализация коррупции. В статье рассмотрены понятие и сущность лоббизма, выявлены первичные задачи для оформления в Российской Федерации цивилизационного, нормального лоббизма, дана краткая историческая справка об этом явлении в совокупности с опытом его легализации в США.

Ключевые слова: лоббизм; закон; государство; власть; бизнес; политика; общество; легализация

Для цитирования: Боровков В.С. Закон о лоббизме в России: pro et contra. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):136-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-136-140

ORIGINAL PAPER

Law on Lobbying in Russia: Pro et Contra

V.S. Borovkov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3613-8493>

ABSTRACT

With the formation of a newly democratic Russia with its increasingly developing market economy and business, the issue of legalising lobbying through the legislative process has become even more urgent. The author referred to the experience of some institutionally developed Western states. They used the legalisation of lobbying as one of the channels of aggregation and articulation of the interests of various groups and categories in society. It serves as a justification for such an important political step. The need for regulation in the field of lobbying is associated with the growing demand of social groups, primarily business, to have a direct institutional channel of communication and influence on the authorities. Supporters of lobbying into a legal framework emphasise the most important role of the legalisation of lobbying as a tool to rid civilised lobbying of all kinds of criminogenic and illegal manifestations. Opponents say that the legalisation of lobbying is now the legalisation of corruption. The article examines the concept and essence of lobbyism, identifies the primary tasks for formalising civilisational, normal lobbying in the Russian Federation gives a brief historical background on this phenomenon in conjunction with the experience of legalisation in the United States.

Keywords: lobbyism; law; state; government; business; politics; society; legalisation

For citation: Borovkov V.S. Law on lobbying in Russia: Pro et contra. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):136-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-136-140

Лоббизм играет важную роль в политической жизни практически любого государства, параллельно влияя и на его жизнедеятельность. С момента оформления властно-иерархических систем существовали категории лиц, занимающиеся оказанием прямого или косвенного давления на власть с целью реализации определенных интересов.

Как таковой термин «лоббизм» возник в первой половине XIX в., когда представители бизнеса приходили в «кулуары» с целью поговорить с законодателями, влияя на ход экономических процессов. Институционализация лобби впервые началась в США, где после Второй мировой войны, в 1946 г., был принят закон о лоббизме, что было связано с возросшими потребностями бизнеса в форсированном восстановлении своих позиций, пошатнувшихся в годы войны. В последующие десятилетия значение лоббизма все более возрастало, и уже в 1995 г. был принят закон «О раскрытии лоббистской деятельности», гласящий о зарегистрированных в США более 15 тыс. лоббистских субъектах¹.

Лоббистские организации представляют собой всевозможные советы, комитеты, комиссии и другие объединения при органах власти. Основная их цель, соответственно, — добиться от власти имущих нужных заказчикам решений и действий. Лоббизм — это система непосредственного представительства интересов заинтересованных групп. Продвижение интересов компании в органах государственной власти включает в себя следующие составляющие: работа с органами власти; работа с общественными организациями; работа с новыми инфраструктурами; работа со средствами массовой информации [1].

Проявления лоббизма возникают когда:

- 1) гражданское общество не может не взаимодействовать с государством;
- 2) в федеративных государствах появляется нужда в лоббировании региональных интересов;
- 3) оппозиционные силы желают получить поддержку для разнообразных проектов;
- 4) национальные и религиозные интересы нуждаются в лоббировании;

5) интересы различных отраслей экономики и бизнеса нуждаются в лоббировании.

Таким образом, возникновение лоббизма является объективным процессом². Однако лоббизм претворяется в жизнь самыми разными и не всегда законными и нравственными методами. Отсюда выделяется лоббизм цивилизованный и лоббизм криминальный.

В Российской Федерации нет ни закона о лоббизме (как в США), ни системы специальных нормативных актов (как в ФРГ). В качестве основополагающих руководящих принципов можно рассматривать ст. 30, 32 и 33 Конституции РФ о праве граждан создавать объединения, обращаться к государственным органам, участвовать в управлении страной. Первичным тут является ст. 33, гласящая: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/33eccb6261e315af07ad7d39f68d5bc470b60707/). В 1994 г. в Государственной Думе

Термин «лоббизм» возник в первой половине XIX в., когда представители бизнеса приходили в «кулуары» с целью поговорить с законодателями, влияя на ход экономических процессов.

была предпринята неудачная попытка принять закон о лоббизме, провалившаяся из-за коррупционной критики. В 2019 г. заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный заявил о целесообразности разработать законопроект о лоббизме для развития антикоррупционного законодательства и выведения лоббизма из тени.

Современный лоббизм вытекает именно из рыночных радикальных реформ 1990-х гг., связанных с разгосударствлением экономики. В итоге в стране образовался класс независи-

¹ Семенов В.А., Колесников В.Н. Политический менеджмент. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2018. 298 с.

² А.Г. Грязнова, Е.А. Звонова, В.Т. Завьялов и др. Политология. Учебник. М.: ИНФРА-М; 2007. 380 с.

мых бизнесменов, которые нуждались в канале коммуникаций с властью (<https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-problemy-i-perspektivy-lobbizma-v-rossii>). Таким образом, лоббизм стал инструментом, с помощью которого экономическая элита влияет на государственную власть. Но это вовсе не означает, что современный лоббизм в России носит исключительно финансово-экономический характер. Помимо этнических, религиозных и других категорий лобби, в России большую силу также имеет лоббизм президентский (отстаивающий позиции главы государства) и лоббизм правительственный. Важное место также занимает лоббизм Совета Федерации. Сенаторы заинтересованы, прежде всего, в лоббировании интересов своих регионов. Среди региональных лобби наиболее мощную силу представляют две столицы, а также стратегически важные субъекты РФ в ресурсном или геополитическом плане (Татарстан, Приморский край, ХМАО, ЯНАО, Калининградская область и др.).

Существует множество субъектов лоббирования интересов деловых кругов: союзы, ассоциации, лиги, советы при органах власти, экспертные и аналитические центры, бизнес-клубы, фонды, клиентеллы. В отличие от западного лоббизма, российский лоббизм акцентируется на воздействии на исполнительную власть, а не на представительные органы [2].

Первичной задачей для формирования нормального лоббизма является наличие нормативной-правовой базы, однако сложившиеся крупные структуры лобби более ориентированы на решение экономических задач и получение известного рода предпочтений. Нельзя не признать тот факт, что перспективы принятия закона о лоббизме в России очень неопределенны. Политики, бизнесмены и общественные деятели в последние годы периодически заявляют о необходимости принятия закона, регулирующего лоббизм. Так, например, необходимость в таком законе была отмечена в Национальном плане противодействия коррупции (<http://www.kremlin.ru/supplement/1172>). Но фактически лоббизм в российском обществе уже есть и будет укрепляться далее.

Вторая важная задача — придание лоббизму цивилизованного облика с целью совершенствования взаимоотношений между обществом и властью и представления в госорганах

запросов бизнеса и других заинтересованных групп. Обычно лоббистские процедуры, проводимые по условной «западной» технологии, прогрессивны и полезны, так как публичность и освещенность едва ли совместимы с сомнительными проектами. К тому же часто лоббисты являются своего рода авангардом, берущим на себя разработку проектов, которые другие люди в силу политической пассивности, низкого уровня политической грамотности или отсутствия связей просто не могут реализовать. Таким образом, продвигая интересы своего клиента, лоббисты действуют и на общее благо [3].

Интересы бизнеса как двигателя экономики должны быть представлены в органах власти. Во-первых, потому что без благоприятных условий бизнес может попросту не выжить, что в особенности касается малого и среднего предпринимательства (МСП). Уроки пандемии коронавируса и режима самоизоляции обнажили эту насущную проблему и побудили власть идти на более открытый диалог с бизнесом (<https://travelcrimea.com/novosti/20200423/1053839.html>). Во-вторых, власть нуждается в этом еще и с позиции благоприятного социального климата, который бизнес обеспечивает с помощью производства товаров и услуг, а также выплат заработной платы. Устойчивый бизнес способствует устойчивости общества — это еще один урок, усвоенный по итогам режима самоизоляции. Интересно мнение исследователя из Белоруссии В. Герменчука, выдвигающего тезис о том, что легализация лоббистской деятельности — индикатор высокой политической культуры общества, который в дополнение повышает эффективность государственного управления, переводя частные и групповые интересы на язык закона [4]. Еще одна причина для легализации лоббизма — это своевременное выявление точек риска, своеобразное «пожаротушение», которое не позволит усугубить ситуацию [5].

Исследователь П. Просс обозначил такие основополагающие принципы правового регулирования лоббизма: 1) транспарентность (информирование общественности о лоббистской деятельности); 2) честность (равный доступ для всех к органам власти без допущения коррупции); 3) эффективность (отсутствие преград в циркуляции информации и открытое правительство) [6].

В то же время легализация лоббизма может стать неким дестабилизирующим фактором, обнажая социальную несправедливость. Опыт западных государств показывает, что конструктивных результатов больше добивается крупный бизнес, который и так зачастую обвиняется в ущемлении МСП. Подобная ситуация, повторяющаяся постоянно, способна дестабилизировать обстановку, разбалансировать интересы, способствовать росту социальной напряженности. Не застрахована потенциальная легализация и от связей с иностранными государствами, продвигающими свои интересы в Российской Федерации.

Проблемой легализации лоббизма является негативное отношение к нему в обществе. Преобладают саркастические мнения об этом институте, многие не понимают его сущность и смысл. А зачастую лоббизм вообще ассоциируется с противоправными деяниями — вплоть до приравнивания его к коррупции. Тут стоит упомянуть, что лоббистская деятельность ведется, пусть и в крайне латентных формах, не только в исполнительных и законодательных органах власти, но также и в судебных, чтобы продвинуть нужное решение, используя публичность. Это, конечно же, дискредитирует лоббизм.

Как ни парадоксально, но без легализации такое негативное отношение будет побороть намного сложнее. Ведь целью легализации является повышение прозрачности и открытости деятельности лоббистов. Российский ученый А. Миндагулов описывает лоббизм как негативное явление, настаивая на том, что «цивилизованный, легализованный, узаконенный лоббизм означает признание, узаконение, легализацию коррупции и в целом так называемой респектабельной преступности». В качестве доказательств он приводит следующие аргументы: 1) лоббизм не способен осуществить свои намерения без подкупа должностных лиц; 2) цивилизованного лоббизма не существует — это всегда оказание давления; 3) лоббизм в США далеко не эталон; 4) лоббизм применяют «темные» личности, видящие в законодатель-

стве преграду; 5) ничто не мешает лоббистам использовать противоправные действия [7].

Так или иначе, иногда лоббизм и коррупция действительно сращиваются. И это не российская реалья, как часто любят говорить, а глобальный факт, во многом связанный с самой человеческой природой. К тому же, следует отметить, что появление в России закона о лоббизме или совокупности нормативных актов о его регулировании вовсе не уничтожит в одночасье всю коррупцию. В этом контексте его можно рассматривать исключительно как один из инструментов антикоррупционной политики, добавляющий ясности и прозрачности в ходе реализации политико-управленческих процессов.

Подводя итоги, хочется отметить, что закон о лоббизме в РФ все-таки нужен. Он будет отражать общемировые тенденции, в рамках которых, тем не менее, перед Россией и россиянами встает еще куда более сложная задача сохранения цивилизационной уникальности и самобытности. Потенциально легализованный лоббизм позволит тщательнее изучать политику и ход политического процесса посредством повышения открытости данных. Также это позволит открыть новую страницу во взаимоотношениях власти и бизнеса, четко отделив цивилизационный лоббизм от его криминогенно-латентных проявлений. Однако надо заметить, что нынешняя политическая обстановка в России и мире складывается весьма непросто, что, безусловно, требует более вдумчивых и осторожных политических шагов. Оптимальным, компромиссным вариантом может стать развитие соответствующих ассоциаций и активизация их деятельности, создание соответствующей образовательной и академической базы, а также регулирование лоббизма не единым конкретным законом, а совокупностью нормативно-правовых актов. Необходимы также дополнительные исследования лоббизма, теории и практики взаимодействия государства и бизнеса для более грамотного преодоления существующих проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никитин А. С., Шатилов А. Б., Муляр С. Н., Вечернин Д. С. GR для малого и среднего бизнеса. Монография. URL: <https://www.libfox.ru/649217-aleksandr-shatilov-gr-dlya-malogo-i-srednego-biznesa-monografiya.html>.
2. Васецкий А.А Лоббизм в политическом процессе современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-v-politicheskom-protsesse-sovremennoy-rossii>.

3. Толмачева И.В. Лоббизм по-русски. Между бизнесом и властью. URL: https://bookz.ru/authors/irina-tolma4eva/lobbizm-_341/1-lobbizm-_341.html.
4. Герменчук В.В. Свет и тени лоббизма. *Беларуская думка*. 2013;(12):62–68.
5. Сергунин А.А. Нужен ли России закон о лоббировании? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-rossii-zakon-o-lobbировanii>.
6. Павроз А.В. тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-problemy-i-perspektivy-lobbизма-v-rossii>.
7. Миндагулов А.Х. Цивилизованный лоббизм как способ узаконения коррупции. *Евразийский юридический журнал*. 2010;7(26):100–104.

REFERENCES

1. Nikitin A. S., Shatilov A. B., Mulyar S. N., Vechernin D. S. GR for small and medium businesses. Monograph. URL: <https://www.libfox.ru/649217-aleksandr-shatilov-gr-dlya-malogo-i-srednego-biznesa-monografiya.html>. (In Russ.).
2. Vassetskiy A. A. Lobbyism in the political process of modern Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbизм-v-politicheskom-protseesse-sovremennoy-rossii>. (In Russ.).
3. Tolmacheva I. V. Lobbyism in Russian. Between business and government. URL: https://bookz.ru/authors/irina-tolma4eva/lobbizm-_341/1-lobbizm-_341.html. (In Russ.).
4. Germenchuk V. V. Light and shadow of lobbyism. *Belaruskaya dumka*. 2013;(12):62–68. (In Russ.).
5. Sergunin A. A. Does Russia need a law on lobbying? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-rossii-zakon-o-lobbировanii>. (In Russ.).
6. Pavroz A. V. Trends, problems and prospects of lobbyism in Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-problemy-i-perspektivy-lobbизма-v-rossii>. (In Russ.).
7. Mindagulov A. Kh. Civilised lobbyism as a way to legitimise corruption. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2010;7(26):100–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Боровков — студент 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
rteykk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Borovkov — 3rd-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
rteykk@mail.ru

Статья поступила 12.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.